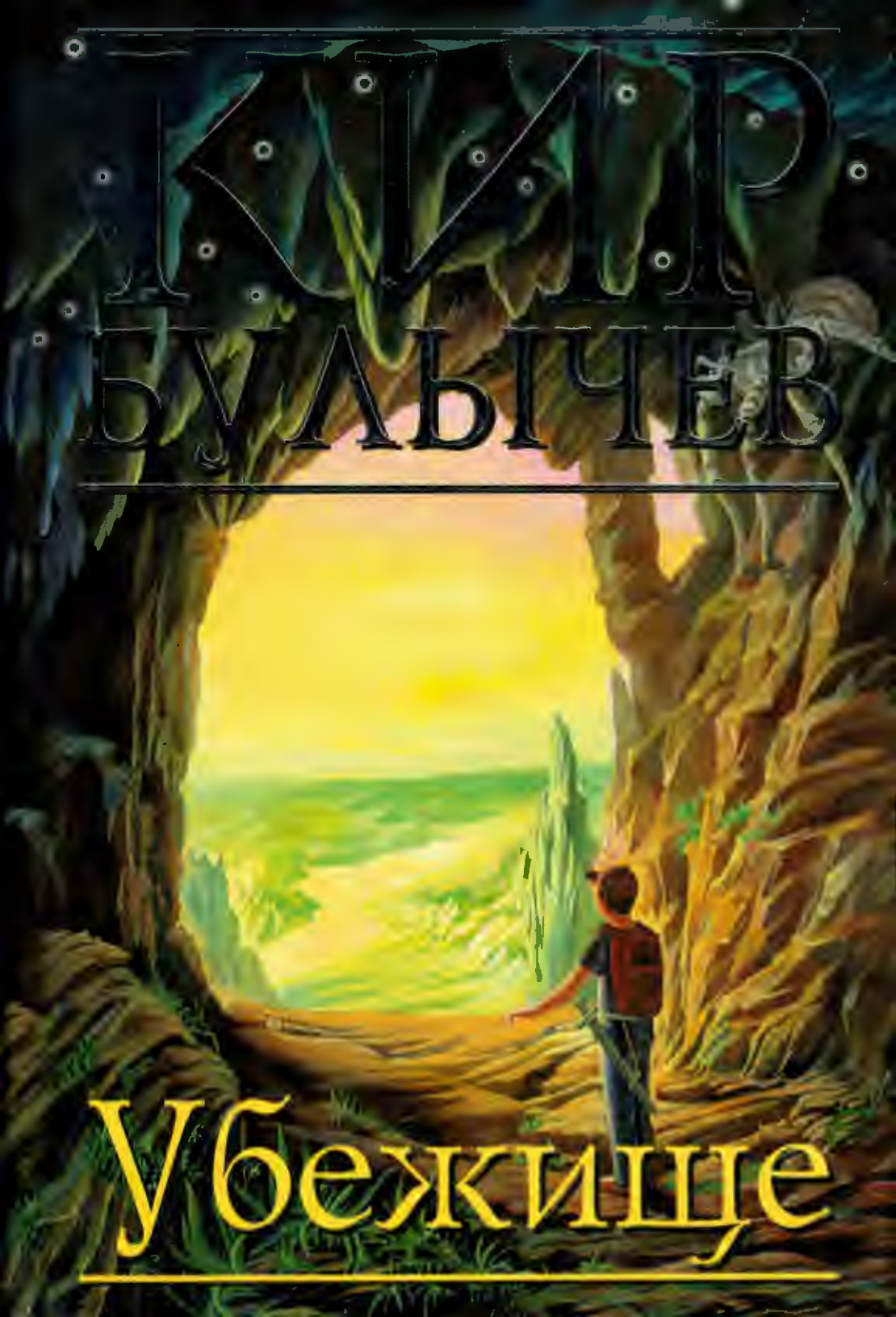

КАМ БУЛЬЧЕВ

Убежище

КИР БУЛЫЧЕВ
УБЕЖИЩЕ

КИР БУЛЫЧЕВ

УБЕЖИЩЕ

ЭГМОНТ
РОССИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ УБЕЖИЩЕ

ЭГМОНТ РОССИЯ ЛТД.

Кир Булычев. Убежище: Роман.
— М: Эгмонт Россия Лтд., 2004. — 480 с.

© Наследники Можейко И.В. (Булычева К.), 2004
© ЗАО «Эгмонт Россия Лтд.», 2004

Иллюстрации Алексея Державина
Дизайн обложки — Андрей Рыбаков
Редактор Михаил Морозов
Верстка Анжелы Смирновой

Для среднего школьного возраста

ЗАО «Эгмонт Россия Лтд.» 121099 Москва, 1-й Смоленский пер., 9.
Подписано в печать 14.11.2003. Объем 30,0 п.л. Формат 60х90/16.
Гигиенический сертификат № 77.99.02. 953.П.000235.03.02
от 19.02.2003

Бумага Enso Classik. Гарнитура «Лазурский». Печать офсетная.
Тираж 20,0 тыс. экз. Заказ № 0313290.

Отпечатано на MBS в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-9539-0143-7

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК

Вместо предисловия 7

Часть первая.

ИСПЫТАНИЕ СЕВЫ САВИНА

Глава первая. Сева Савин в лагере «Елочка»	11
Глава вторая. Сева Савин гуляет по лесу	18
Глава третья. Царевна-лягушка	25
Глава четвертая. Что делать с лягушкой?	34
Глава пятая. Она знает всё о кладах!	42
Глава шестая. Спасите царевну!	49
Глава седьмая. Превращение лягушки	57
Глава восьмая. Звонок из лагеря	66
Глава девятая. Судьба алмазной короны	75
Глава десятая. Тайное заседание	87
Глава одиннадцатая. Мертвая вода	96
Глава двенадцатая. Фонду нужны деньги	110
Глава тринадцатая. Сегодня вечер сказок!	118
Глава четырнадцатая. Сева остается один	126
Глава пятнадцатая. Большой костер на поляне ...	132
Глава шестнадцатая. Вести о подземном мире ...	143

Часть вторая.

ЧЕРТОГИ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Глава первая. Завтра в Лапландию!	157
Глава вторая. Начало большого пути	164
Глава третья. Верхом на птице	173
Глава четвертая. Лапландия	187
Глава пятая. Дворец Снежной Королевы	199
Глава шестая. Царский обед	209

Глава седьмая. Черная рука	221
Глава восьмая. Испытание чемодана	231
Глава девятая. Ледяной музей	238
Глава десятая. Портной и сапожник	244
Глава одиннадцатая. Слишком много призраков!	256
Глава двенадцатая. Страшилки Кривляттера	267

Часть третья.

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Глава первая. Продажный портняжка	277
Глава вторая. Остановить Савина!	286
Глава третья. Терранавт номер один	295
Глава четвертая. Шахта на Кольском полуострове	304
Глава пятая. Приключение начинается	316
Глава шестая. Схватка во тьме	329
Глава седьмая. В гостях у саламандр	341
Глава восьмая. Путешествие по реке	351
Глава девятая. Погибший город	357
Глава десятая. Труба под землей	366
Глава одиннадцатая. «Малютка-супер»	378
Глава двенадцатая. Обжора Юхан	387
Глава тринадцатая. Вот оно, Убежище!	392
Глава четырнадцатая. Сухари легионера	402
Глава пятнадцатая. Полет к свету	412
Глава шестнадцатая. Комариная тундра	418
Глава семнадцатая. Возвращение к друзьям	424
Глава восемнадцатая. Голый шпион на фабрике ..	435
Глава девятнадцатая. Гусь к вашим услугам!	445
Глава двадцатая. Лазутчик под столом	452
Глава двадцать первая. В заточении	463
Глава двадцать вторая. Мертвая вода всех убьет! ..	467

ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК

Вместо предисловия

«Убежище» — последняя книга Кира Бульчева и, может быть, как это ни парадоксально, его первая СКАЗКА.

Знаменитая «девочка из XXI века» Алиса Селезнева, про которую писатель написал десятки книг; цикл, по которому были сняты популярные фильмы «Тайна третьей планеты», «Через тернии к звездам», «Гостья из будущего» — это сплав фантастики и фольклора, литературная пицца, в которой чего только не намешано: и сказочных реминисценций, и литературных героев, и исторических фактов... Можно называть это «детской фантастикой» или «фэнтэзи», но это все-таки не сказка.

Фантастика — это всегда не сейчас, или не здесь. Сказка же всегда СОВРЕМЕННА в полном смысле этого слова. Более злободневна, в отличие от «фэнтэзи», которое, как правило, современно только в самом общем смысле — «вечной борьбы мирового добра с мировым злом»...

Кир Бульчев несколько десятилетий, безусловно, замыкал собой гигантскую брешь в отечественной детской фантастике, оставаясь единственным классиком этого жанра. И все-таки, в конце жизни, он пришел к истоку — к сказке. К сказке, которую, надеюсь, будут с одинаковым интересом читать и дети и взрослые. Потому что настоящая Книга для детей (да и для взрослых) — по большому счету — должна быть всегда немножко на вырост.

Во всех своих книгах Бульчев демонстрирует замечательное профессиональное мастерство. Мастерство

писать веселые интересные книги для детей младшего и среднего школьного возраста. Видно, что он «знает», как написать «детскую книгу».

Но «Убежище» — не только детская книга. Даже само название взрослое, серьезное. И проблемы в ней гораздо глубже сюжета (хотя куда уже глубже центра Земли!). Ведь «Убежище» — это не только подземная пещера-полость, в которой можно спасти от нашествия нашей не очень цивилизованной цивилизации гномов, русалок, снежных людей и других сказочных персонажей. Литература — это тоже убежище, в которой мы пытаемся спрятать и сохранить всё доброе, что есть в людях, и что с трудом выживает в реальной жизни.

Последняя книга Бульчева — убежище для сказки в современном мире. И не случайно «Убежище» в чем-то перекликается и с «Заповедником Гоблинов» Саймака, а его главный герой Сева Савин немного похож на героя книги Михаэля Энде «Бесконечная история», который понимает, что только он может спасти страну Фантазию от надвигающейся пустоты.

Еще двадцать-тридцать лет назад девочка из XXI века Алиса казалась нам «гостьей из будущего».

И вот этот самый двадцать первый век наступил. И наши с вами дети и внуки — теперь тоже девочки и мальчики XXI века. А «Прекрасное далёко» отодвинулось на неопределенный срок.

Впрочем, век еще только начался. И в нем есть много хорошего, доброго и чудесного. Например, эта книга Кира Бульчева.

Андрей Усачев

Часть первая

ИСПЫТАНИЕ СЕВЫ САВИНА

Глава первая Сева Савин в лагере «Елочка»

Шел к концу третий день первой смены в лагере «Елочка».

Этот лагерь назывался «Елочкой» еще с незапамятных времен. Когда-то он был пионерским и сюда возили Севину маму и многих из ее нынешних сослуживцев. Потом его стали называть оздоровительным.

Второй отряд играл в волейбол.

Конечно не весь отряд, а только те ребята, которые умели играть.

Было уже не жарко, пахло теплой пылью и цветами.

Солнце опустилось к вершинам елей — вот-вот на них напорется, — и било в глаза команде слева.

Сева Савин в волейбол не играл: он сидел на длинной скамейке вместе с болельщиками, но не

кричал, не свистел и не переживал, потому что ему надо было подумать.

А думал он о том, почему у дверей автобуса, на котором они ехали в лагерь, его перехватила неопрятная старуха в армейском камуфляже и строго прошептала:

— Предупреждаю, не смей смотреть на лягушек. Ты меня понял, бездельник? А то беды не оберешься!

В этот момент сверху спикировала оса: она кинулась на старуху, но та ей не поддалась и стала отмахиваться когтистыми руками.

— Пришибу! — шипела она. — Сшибу!

Оса старательно уворачивалась и, пролетая мимо лица Севы, пискнула:

— В болоте твое счастье, принц!

Но тут старуха всё же сбила осу, а Севу начали толкать сзади, чтобы он поскорее залезал в автобус.

Так он и не узнал, чем кончился спор старухи и осы, и при чем тут болото.

Другой на месте Севы тут же бы слетел с катушек от страха и удивления. Но Сева был человек особенный.

Когда-то, еще ребёнком, он прочел одну книжку, в которой говорилось, что сказочные существа в самом деле существовали и даже правили нашей планетой. Но потом наступил ледниковый период, и они все вымерли. А память о них осталась. Вот и получается, что сказки и легенды — это не

выдумки, а воспоминания людей о древней жизни, когда волшебство правило миром.

Сева был уверен, что не все сказочные существа вымерли. Кое-кто смог пережить тяжелые времена, затаившись. Теперь им, естественно, власть над миром не вернуть, хоть некоторые и стараются. Но они существуют, только не попадают каждому на глаза, вроде как тигры в тайге. И если человек это понимает и не шлепается в обморок, стоит лишь увидеть какого-нибудь колдуна-перестарка, он может неплохо устроиться в жизни. По крайней мере, интересно. Только спешить не надо.

Это не значит, конечно, что Сева был расчетливым, осторожным и предусмотрительным молодым человеком. Наоборот, он был страшно легкомысленным выдумщиком, и если бы волшебников не было на самом деле, он бы их сам изобрел.

Если ты во что-то веришь, даже не веришь, а просто знаешь, что эта штука существует, то, конечно, тебе легче ее увидеть. Другой пройдет мимо ведьмы, превратившейся в статую работы скульптора Перепелли, и подумает — что-то много в городе стало уродливых железяк. А Сева поздоровается с ведьмой, но если она спросит, как пройти к ближайшему детскому саду, ни за что ей не скажет, или пошлет её в зоопарк, потому что если ведьме дать волю, она тут же примется пить кровь у детишек. Впрочем, Сева давно уже не встречал ведьм, если не

считать соседки по подъезду Аньки Бородуевой, но о том, что она ведьма, никто и не подозревал, даже она сама. Она часто спрашивала у своей тихой, мирной и абсолютно неволшебной сестры: «Инна, правда я хорошая?» И Инна всегда с ней соглашалась. Ведь куда приятней иметь добрую сестру, чем сестру-ведьму.

Сева Савин сидел на длинной узкой скамейке вместе с болельщиками. Рядом сидела красивая Ванесса, первая красотка лагеря, которую на самом деле звали Люсей Пузыревой. Ванесса закричала «Ура!», и Сева забыл про старуху. А кричала она «Ура!», потому что Гриша Сумской наконец-то попал по мячу и зафигачил его далеко в аут.

Севе очень хотелось поговорить с Ванессой, и он спросил:

— Удивляешься, чего я на площадку не вышел?

— Ничего я не удивляюсь, — ответила Ванесса.

Она глаз не могла оторвать от Гриши Сумского.

Даша Блюм по прозвищу Лолита говорила про Гришу Сумского, что у него «одни мускулы, даже смотреть противно!».

Про Севу она этого не говорила. Но и не смотрела на него.

— Мне запретили гасить, — вздохнул Сева. — От моих ударов мячи лопаются, а если попаду в человека, то возможны травмы. Однажды в шестом классе я чуть было не убил одного парня, еле откачали, три недели в реанимации, теперь ездит в коляске.

— Кто-то тебе, может, и поверит, — сказала Ванесса, не поворачивая головы, словно ей было совсем даже не интересно. — Но этой дурой буду не я. — Тут она ахнула, потому что Гриша не дотянулся до мяча.

— У меня было трудное детство, — признался Сева. — Всяческие невзгоды и лишения. Но однажды ночью я проснулся от страшного предчувствия. Это предчувствие подсказало мне поехать в лагерь «Елочка», потому что я могу встретить здесь одну герлу, которая меня поймет.

— И кто же эта герла? — спросила Ванесса, не отрываясь глядя на площадку.

— Догадайся с трех раз, — предложил Сева.

Ванесса сердито мотнула головой, чтобы ее рыжие кудри рассыпались по плечам, как у Мэрилин Монро. Она считала, что они с Мэрилин очень похожи.

Тут игра закончилась поражением наших, потому что Гриша Сумской умудрился угодить при подаче в сетку. На него никто и смотреть не хотел, а он подошел к Ванессе и сказал:

— Ветер в правый бок. Я немного не рассчитал.

— Ветер не поможет тому, у кого руки кривые, — сказала Лолита.

— Некоторым лучше помолчать, — сказал Гриша. Он не выносил критики. И понятно. Когда он только рождался на свет и еще не весь вышел из мамы, медсестры, акушеры и врачи в один голос закричали, что такого красивого мальчика они в жизни не видели.

Девочкам всегда хотелось о нем заботиться, дать списать или подсказать на контрольной.

Математик Дмитрий Фадеевич перед контрольной говорил поклонникам Гриши:

— Сейчас я продиктую условия задачи, а Миленкину и Топуридзе попрошу покинуть класс и ближайшие сорок пять минут провести в библиотеке. Прочтите там историю возвышения и гибели Жанны д'Арк. И чтобы до конца урока не возвращаться.

— А что вы нам поставите? — спрашивала бойкая Топуридзе.

— Три с плюсом, — начинал торговаться математик.

— Пятерку с минусом, — отвечала Топуридзе, а Миленкина шмыгала носом, чтобы показать, что она вот-вот зарыдает.

Так что быстро сходились на твердой четверке.

И тут подавал голос Гриша Сумской.

— А может, лучше мне сходить в библиотеку? Я как раз собирался почитать что-нибудь о Жанне д'Арк.

И вот с таким человеком судьба свела Севу Савина! Причем Гриша как всегда был окружен союзниками и друзьями, а Сева был одинок.

— Тут один ребенок, — сказала Ванесса, — утверждает, будто может зашибить человека волейбольным мячом. Ему даже запрещают играть в волейбол. Разве так бывает?

Гриша засмеялся, а Сева сдержанно заметил:

— Кстати, мне и в футбол врачи играть не советуют. Девочки смотрели на Гришу.

Они ждали, что он поставит Севу на место.

Гриша был бы рад поставить Севу на место: конечно же, Сева нагло врал, к тому же Гриша мог справиться с ним одной левой. Но Гриша был задумчивым, рассудительным и осторожным подростком. Он знал, что внешность бывает обманчивой. Девяносто девять процентов было за то, что Сева в жизни толком по мячу не ударил, но всегда оставался один процент!

Гриша решил учесть этот оставшийся процент.

— Некогда мне с тобой прохлаждаться, — сказал он Севе.

И отправился в столовую.

У Гриши была слабость. Он любил поесть. А так как его обожали поварихи, подавальщицы, судомойки и диетические сестры, то он не забывал заглянуть перед обедом на кухню, чтобы проверить, не утасла ли еще любовь кухонных работниц. А после обеда и тем более перед ужином он заходил туда снова, чтобы убедиться, что о нем еще не забыли. И никогда не ошибался.

Ванесса с Лолитой переглянулись и сделали вид, что Гриша им по фигу, а Севы здесь и вовсе нет.

Сева крикнул им вслед:

— А купаться пойдёте?

Девочки даже плечами не пожали. Как шли, так и ушли.

Глава вторая

Сева Савин гуляет по лесу

Сева решил пойти в лес. Он прошел по асфальтовой дорожке мимо летних домиков-спален, потом миновал длинный барак столовой, от которого вкусно пахло почти готовым ужином. Сразу за столовой стоял крепенький как боровичок кирпичный дом начальника лагеря, бывшего борца Афанасия Столичного, который жил в нем круглый год.

За огородиком, которым заведовала пожилая мама начальника лагеря, тянулись заросли орешника. Орехов орешник не давал, но зато чуть дальше была дыра в заборе.

Об этой дыре мало кто знал, потому что она получалась, если отодвинуть одну доску. Но три дня для любого нормального любознательного человека тринадцати лет — срок более чем достаточный,

чтобы выяснить расположение всех нужных и полезных объектов в лагере и вокруг него, а Сева был абсолютно нормальным.

Территорию лагеря он, конечно, уже излазил вдоль и поперек, но вокруг лагеря еще оставались белые пятна. Вчера он спросил вожатую Майю, велик ли лес? Майя уверенно ответила, что «лес, дети, тянется до самого Урала. В прошлом году две девочки заблудились, их искали на вертолетах с собаками, но так и не нашли даже костей».

Сева сразу сообразил, что Майя врет. Просто ей не хотелось, чтобы кто-нибудь убежал погулять и заблудился. Пускай трепещут и сидят в бараках. Сева представил себе, как собаки летают на вертолетах и лают, когда сверху увидят заблудившихся девочек.

Майя была короткая, ниже Севы ростом, и толстая; руки и ноги у нее были словно перетянуты невидимыми ниточками, как у раскормленного грудного ребенка. Черные волосы завивались мелкими колечками, но не негритянскими, а мягкими. Она всё время улыбалась и часто заливисто хохотала, но Сева почему-то не верил, что ей и в самом деле весело.

Пролезши сквозь дырку, Сева аккуратно поставил доску на место. Лес был как лес. Подмосковный дачный лес, в нем заблудиться труднее, чем в парке культуры и отдыха.

Что здесь делать вертолётам с собаками — ума не приложить!

Сева огляделся и направился туда, где деревья стояли погуще и не было видно забора. Через две сотни шагов под кустами стало меньше банок из-под пепси-колы и пива, а также пластиковых пакетов.

— Значит, правильным путем идем мы, товарищи, — сказал он про себя, а вслух произнес:

— Где вы, мои девочки, где вы, вертолеты?

— Ваш вопрос обращен ко мне? — спросил дед в толстых очках и меховой ушанке. Остальное было покрыто серым брезентовым плащом, который волочился по траве.

Сева деда не заметил, потому что сперва принял его за замшелый пенёк.

Дед медленно двигался по лесу и шарил в траве палкой, словно миноискателем. Он собирал пустые бутылки и не глядя кидал их в открытый мешок на колесиках, который не только сам ехал за дедом следом, но и останавливался, когда надо.

Дед перестал шарить и посмотрел на Севу снизу вверх, склонив голову набок, чтобы удобнее было рассматривать.

Сева молчал.

Тогда дед сам сказал хриплым голосом:

— А мы из общества защиты грибов. Спасаем планету от тебе подобных.

— На планете нет мне подобных, — возразил Сева. — Я исключительное явление природы.

Это были не его слова, а мамины. Мама всегда

так говорила, когда разочаровывалась в сыне и думала, что тот плохо кончит.

— А что ты думаешь о разрушении озонового слоя? — спросил дед и медленно пошел дальше. Нашел бутылку, подцепил ее, бутылка сверкнула, взлетев выше головы, и со звяком упала в мешок.

— А почему вы только бутылки собираете? — спросил Сева. Он знал ответ, но ему было интересно, что дед придумает.

Но дед не стал лукавить, а ответил честно:

— Потому что бутылки принимают, а консервные банки никому не нужны. А нам нужны средства на питомник для юных трюфелей.

— Так вы планету не спасете! — сказал Сева.

— Согласен с тобой, совершенно согласен! — почему-то обрадовался дед. — Нам нужна критика снизу. Нам нужны молодые силы. Ты как относишься к лапландским подосиновикам?

— Положительно, — сказал Сева.

— У нас намечается экспедиция в Лапландию. Очень рискованная и тяжелая. Надеюсь, ты не откажешься принять в ней участие?

— А когда? — спросил Сева.

— С восьмого сентября и до последнего живого участника.

— Нет, — сказал Сева. — С восьмого я не могу, у меня школа начинается.

— Жаль, — огорчился дед. — А то бы ты погиб, а мы бы тебя оплакивали. Хочешь памятник на

школьном дворе? Или тебе интереснее стоять возле дома?

— И осенью тоже надо стоять?

— Вечно.

— И без зонтика?

— Какой цинизм! — рассердился старик. —

Я всегда был низкого мнения о тебе, Савин, но сейчас я просто в ужасе. Кому мы оставляем нашу планету?! Твое отношение к грибам заставляет меня вспомнить о подлой Снежной Королеве! Потребитель!

Сева, не оборачиваясь, пошел по тропинке. Он спиной чувствовал, что дед провожает его взглядом, а оборачиваться все-таки не стал.

Трава здесь была нетоптанная, кострищ и помоек больше не встречалось. Зато стали попадаться сыроежки. Сева любил собирать грибы и даже видел их лучше, чем мама и Ксюшка. Мама сказала как-то:

— Ты, Всеволод, сохранил в себе черты древнего обитателя лесов. В других странах люди думают, что грибы — это шампиньоны. И не отличат рыжика от мухомора.

— Да рыжиков-то и не осталось совсем, — ответил Сева.

А вообще-то он думал, что так любит лес и так себя в нем хорошо чувствует, потому что произошел не от обезьяны, как все остальные люди, а от волка или, там, от лисицы. Если посмотреть на Се-

ву в профиль, то увидишь, что он даже немного похож на лисицу, потому что у него острый, чуть курносый нос, глаза раскосые и зеленые, а волосы темно-желтые; почти рыжие, но не совсем рыжие.

В лесу Сева был своим. Звери и птицы, которые других людей боялись, его просто не замечали, как не замечали друг дружку.

В лесу Сева начинал всё нюхать как настоящий тамошний житель. Он различал в сто раз больше запахов, чем остальные люди, и поэтому не любил, когда рядом курили.

А мама как назло курила. Даже иногда натошак.

Как-то Сева признался маме, что может выследить в лесу любого зверя. Мама потрепала его по затылку и сказала:

— Даже в фантазиях надо знать меру, не будет стыдно перед людьми.

Со взрослыми разумнее не спорить. Если взрослому переспоришь, рискуешь получить по шее. А маме Севин нюх когда-нибудь еще пригодится. Сева ведь всегда сможет разгадать яд, который ей подсыпят враги. А кто мамины враги? Соседка Анька Бородуева? Или Мария Васильевна с работы, которая опять жаловалась на маму Принципалу. А если Мария Васильевна отравит маму, самой же будет хуже — не на кого будет жаловаться Принципалу.

Тут Сева вспомнил, что он гуляет по лесу.

Запахло сыростью. Своим острым лесным нюхом Сева понял, что впереди болото — не пруд, не речка, а именно небольшое верховое болото, из которого обычно начинаются ручейки и где ароматы трав смешиваются с запахом темной стоячей воды.

Сева направился к болоту.

Глава третья

Царевна-лягушка

Болото было окружено широким кольцом пышных моховых кочек: нога уходила в них по колено, и мох обнимал ногу своими теплыми пальцами.

В середине цирка моховых кочек блестела вода, в ней плавали большие листья водяных лилий, а метрах в двадцати от Севы, на самом глубоком месте, сверкал огромный белый цветок с золотыми тычинками в центре. Не хватало только белого лебедя, но белые лебеди не водятся на болотах за Разуваевкой. И даже странно, что никто не насорил в таком красивом месте! Бывают люди, которые видеть не могут чистых и красивых мест и стараются сразу всё испоганить. Они даже специально ездят для этого за город.

— А сюда, — сказал грибной дед в сером плаще и с самоходной сумкой сзади, — сюда не каждый попадет. Иной или мимо промахнется, или в болоте завязнет. Со смертельным исходом.

Дед захихикал, и непонятно было, шутит он или правду говорит. Ближе к болоту дед подходить не стал, потому что бутылок здесь не было, да и сумка между кочек не пролезала. Он побрел дальше, будто и забыл о Севе.

А уж Сева о нем точно забыл!

Потому что на большом листе лилии сидела довольно красивая зеленая лягушка с желтым животиком и лапками.

И это было бы еще ничего, если бы Сева не разглядел на ее треугольной голове маленькую серебряную корону — маленькую, но, без сомнения, королевскую.

Получается, он увидел царевну-лягушку, кем-то наверняка заколдованную, и теперь он должен был ее расколдовать и на ней жениться, при условии, конечно, что удастся превратить ее обратно в прекрасную девицу!

— Здравствуйте, — сказал Сева лягушке.

Лягушка не ответила. Она в упор смотрела на Севу черными блестящими глазками.

Другой на месте Севы мог бы испугаться, удивиться или просто решить, что сошел с ума. Но Сева не удивился. Ведь он был убежден, что остатки сказок прячутся по лесам, болотам и пещерам и нет ничего странного в том, что время от време-

ни некоторые люди их видят.

Сева просто немножко растерялся. Он даже обернулся, чтобы позвать деда с палкой — может, он подскажет, как поймать царевну-лягушку? Но деда, конечно, и след простыл. Раньше Сева не знал, что это выражение означает, а потом решил, что в древние времена люди ходили босиком и у них были такие горячие пятки, что, пока их следы не остывали, на них можно было яичницу жарить.

Кочка, на которой стоял Сева, постепенно погружалась в болото, и ноги в кедах уже промокли. А никакого решения в голову так и не приходило.

— Интересно, — сказал Сева, — вы меня ждали или вообще?

И тут он вспомнил: царевич в сказке стрелял в лягушку из лука, и лягушка немедленно оборачивалась прекрасной царевной.

Лука у Севы не было.

— У вас проблемы? — спросил Сева.

Лягушка снова не ответила. Вернее всего, в таком виде она говорить просто не умела, но как превратить ее в человека, Сева понятия не имел.

А, может, он лягушке вовсе не нужен? Почему надо подчиняться сказочным правилам, которые теперь, наверное, и не действуют? Скорее всего, это и не царевна никакая, а обыкновенный генетический уродец. А на голове у нее утолщение, которое просто кажется короной.

— Если вы ничего не скажете, — заявил Сева,

которому вся эта сказка начала надоедать, — то я пошел в лагерь. У нас скоро ужин. Не могу же я из-за лягушки голодным оставаться!

Конечно, это были слова обыкновенного простолудина, а не будущего принца. Но так как принцы остались только за границей, то Сева решил, что он прав.

Сева повернулся и перепрыгнул на соседнюю кочку.

В общем-то он понимал, что ведет себя неправильно, но что будешь делать, если не знаешь, как вести себя правильнее?!

Вот и еще одна кочка... еще одна.

И тут, как вы понимаете, Сева остановился.

И поглядел через плечо.

На листе лилии лягушки не было!

Где же она? Неужели нырнула?

Сева стоял, повернув голову назад, и чего-то ждал.

И дождался.

Лягушка вспрыгнула на кочку, где он только что стоял, и замерла, глядя на Севу.

Может, это случайность?

Посмотрим!

Сева прыгнул на следующую кочку, а еще через три кочки выбрался на тропинку.

А сзади слышал:

Шлеп, шлеп, чвак, плюх...

Лягушка догнала Севу и замерла у его ноги.

— Но учти, — сказал тогда Сева, — я не принц

и даже не граф, так что на дворцы и усадьбы не надейся.

Он так строго разговаривал с царевной-лягушкой, потому что стеснялся.

Лягушка сидела неподвижно.

Сева решился, присел на корточки и положил руку на землю ладонью вверх.

Лягушка, словно ждала приглашения, тут же вспрыгнула на ладонь. Она оказалась тяжелой и холодной.

Но главное, Сева увидел, что корона у лягушки на голове ажурная, тонкая, резная и совершенно серебряная с камешками. Никакого генетического уродства, а сплошная бижутерия!

Сева поднялся и пошел к лагерю. Он шел осторожно, чтобы лягушка не свалилась с ладони, и у него было хорошее настроение, которое было очень трудно объяснить.

Ну сами подумайте: идет по лесу, раздвигая свободной рукой кусты, молодой человек по имени Всеволод Савин, ничем от других обитателей лагеря «Елочка» не отличающийся, кроме того, что он совсем особенный.

Но кто об этом догадывается?

Итак, идет по лесу Всеволод Савин, а царевна-лягушка с маленькой серебряной короной сидит у него на ладони, развернулась к нему носом и глядит немигающими глазами.

— Сейчас придем в палату, — сказал Сева, — я

тебя покормлю. Наверное, ты проголодалась. Ты чем питаешься, мухами? Поймаю тебе муху.

Тут Сева сообразил, что лягушке куда лучше было бы поужинать на своем болоте, там у нее и обед и ужин — всё водится. Не для этого она с ним в лагерь отправилась!

«Ничего, — сказал себе Сева, — догадаемся».

Он пролез через дырку в заборе, задвинул на место доску и поспешил через орешник к своему домику.

Проходя мимо столовой, Сева услышал гул множества голосов. Шел приятный процесс, который называется «ужин». И тут у Севы так заболело от голода в животе, что он чуть не упал.

— Значит так, — сказал он лягушке. — Я тебя пока оставляю в нашей палате. То есть в спальне. В спальне второго отряда. Понимаешь? А сам быстренько поужинаю и сразу к тебе вернусь, и тогда мы с тобой решим, что делать дальше.

Лягушка ничего не ответила, но Сева к этому уже привык.

Навстречу ему шел сам директор лагеря Афанасий Столичный, могучий человек, который после того как оставил большой спорт, отрастил себе огромный живот: его это не красило, но многих пугало, особенно малышей из пятого отряда.

Вот сейчас он меня остановит, понял Сева, и спросит, почему я бегаяю, а не ужинаю вместе со всеми. Мне придется что-то врать, сам еще не знаю, что я буду врать, а тем временем ужин кон-

чится, и я останусь безумно голодным. Вот тогда и съем влюбленную в меня лягушку.

— Мальчик, как твоя фамилия? — спросил директор.

Сева так затормозил обеими пятками, что сразу за клубился дым и стало трудно дышать.

— Савин, — сказал Сева. — Я спешу на ужин.

— Вот именно, Савин, — повторил директор. — Я тебе там стакан компота оставил. Нет, нет, не надо меня благодарить. На моем месте так поступил бы каждый!

— Спасибо, — произнес Сева, уставившись в землю. Ну подумайте только, начальник лагеря, первый человек во всем мире — даже глядеть на него глазам больно! — оказывается, знает о существовании какого-то Севы Савина и даже оставляет ему компот!

И тут в голове у Севы возникла опасная, хотя, может быть, и немножко глупая мысль: компот отравлен, компот заколдован! Один мальчик уже съел компот, и что от него осталось? Одни персиковые косточки!

— Ты натуралист? — спросил начальник лагеря. — Лягушек изучаешь?

И словно кто-то подсказал ему — Сева ответил, чего сам и не думал:

— Я гастроном. Я ем лягушек.

— Как французы? — удивился начальник лагеря. — И не жалко?

— Чего их жалеть! — ответил Сева. — Может, хотите попробовать?

— Да ты с ума сошел! — возмутился начальник лагеря. — Сейчас же отпусти животное.

— Куда?

— Откуда взял!

Начальник лагеря свернул в боковую аллею и топтал прочь. Даже земля вздрагивала от его шагов.

— Что со мной творится? — изумился Сева. — Я сам на себя не похож!

Но на этот раз внутренний голос ничего ему не ответил.

В полном смятении чувств Сева добрался до домика второго отряда.

Дверь в домик была открыта.

Сева вбежал внутрь. Кровати мальчиков стояли в два ряда ногами к центральному проходу. Двенадцать кроватей справа, двенадцать слева. Все они были аккуратно застелены, потому что физкультурник Рома, младший брат начальника лагеря, крупный специалист по пинг-понгу, следил, кто как стелит постель, и заставлял перестилать, если что не так.

Кровать Севы была третья справа.

Куда спрятать лягушку!? Ведь если ее найдут ребята, то сначала удивятся, а потом наверняка что-нибудь натворят.

Поэтому Сева открыл ящик в тумбочке возле своей кровати, вытащил оттуда два яблока, а на их место посадил лягушку.

Лягушка не сопротивлялась, не спорила и не возражала.

Сева всегда черт за язык тянул. Вот и сейчас он сказал:

— Для моей невесты ты слишком неразговорчивая. Я еще подумаю, жениться на тебе или нет.

Сева, как вы понимаете, пошутил, но что мы знаем о чувстве юмора у лягушек?!

Лягушка насупилась, но Сева скорее почувствовал, что она насупилась, потому что лицо у нее ни чуточки не изменилось.

— Сиди в ящике и жди меня, — сказал Сева, закрыл ящик, и ему стало полегче на душе. По крайней мере, теперь не надо носиться по лагерю с лягушкой в руках!

Он выбежал из домика и помчался к столовой.

Глава четвертая

Что делать с лягушкой?

Чем ближе Сева подходил к столовой, тем быстрее двигались его ноги. В столовую Сева ворвался, как голодный тигр. Он готов был зарычать, но вовремя сообразил, что никто его не испугается, и рычать не стал.

Сева поспешил к своему месту. Оно, естественно, было свободно. Ведь когда вы приезжаете в лагерь, в гостиницу, в дом отдыха или еще куда-нибудь, то с первого дня сразу же занимаете себе место и потом редко это место меняете. Только уж если совсем неудачное. Когда Сева приехал в лагерь и в первый раз пошел обедать, то занял место поближе к окну. Он тогда почти ни с кем не был знаком, и особого расчета у него не было. И так получилось — совершенно случайно, — что с одной стороны рядом с ним сидела Лолита, а с другой Гоша Полотенец, который хо-

тел, чтобы его звали Пресли, хотя на самом деле его звали Жабой. Человек хочет или не хочет, но тянет за собой прозвище, как хвороста воз. Жаба думал, что никто не знает о его прозвище, но стоило в соседнем отряде оказаться кому-то из его школы, как секрет был раскрыт. К тому же человек обычно получает прозвище, которое заслуживает или хочет носить, а остальные не возражают. А Жаба был жадным. А если человек жадный, то ничего ему с собой не поделать.

Как-то еще давно, во втором классе, Жаба пришел домой весь в слезах и стал жаловаться своему отцу Георгию Георгиевичу Полотенцу, что не хочет быть жабой. Отец ему тогда сказал: «А я вот тобой доволен. Потому что жабой тебя называют от зависти. А ты вовсе не жадный, а бережливый».

Итак, слева от Севы сидела Лолита, а справа Гоша Жаба.

Сева сел на место.

— Котлеты остыли, — сказала Лолита. — Где ты бегал?

Всё ей надо было знать. Тоже характер!

Гоша Жаба сказал:

— Ты знаешь, что у тебя два компота?

И в самом деле, перед Севой стояли два стакана с компотом.

— Знаю.

— Наверное, ошибка, да? — спросил Гоша.

На вид Гоша наивный и безопасный. Лицо у не-

го круглое, очень розовое, будто фарфоровое. Глаза голубые, кукольные, и ресницы длинные как у девочки. Он похож на мальчика со старинной картинки «Поздравляем с Рождеством!» — вокруг него обязательно должны быть нарисованы розочки. Ростом Гоша невелик, но очень складненький, быстренький и пронырливый. А когда он с тобой разговаривает, то всегда делает вид, что ему твои слова жутко интересны. Всё у него чистое и гладкое, он брюки на ночь под матрас кладет, а в шортах не ходит, потому, наверное, что мальчишки с картинки «Поздравляем с Рождеством!» так не ходили, а носили бант вместо галстука.

— Никакой ошибки, — ответил Сева. — Мне начальник лагеря компот принес, собственными руками, можешь дежурных спросить.

— Как это странно, — сказал Гоша. — Почему же?

— Потому что он мне спор проиграл. Вот и расплачивается. Сто стаканов, принимать после обеда и ужина.

— Ты выиграл спор у Столичного? — не поверила Лолита.

А Сева не успел придумать ответ. Пришлось врать примитивно.

— Простите, господа, — сказал он, — но я дал подписку о неразглашении.

— Шутка, да? — спросил Гоша и склонил голову набок, как добрый цыпленок.

— Нам не до шуток, — сказал Сева и принялся за котлету.

Интересно, подумал он, а на самом деле компот отравлен или нет?

Вообще-то о компоте Сева думал так, между делом. Куда интереснее была основная мысль: что делать с лягушкой. А что вы хотите, когда в тумбочке сидит лягушка с короной на голове и ждет, когда ты ее превратишь в человека?!

Котлета с гречневой кашей провалилась в Севу как в колодезь. Он пил компот и заедал хлебом, потому что еще не наелся. Гоша тихонько поднялся, сказал в пространство «спасибо» и ушел, а Лолита цедила компот через соломинку, как коктейль.

— Слушай, Лолита, — сказал Сева. — Как царевну-лягушку в человека превратить?

Лолита посмотрела на него непроницаемыми черными глазами и серьезно спросила:

— А жениться ты на ней собираешься?

— Жениться я вообще пока не собираюсь, — честно ответил Сева. — У меня отрицательный жизненный опыт.

— Ну, если отрицательный, то тогда, пожалуй, не стоит, — всё так же серьезно сказала Лолита. — А покажешь лягушку?

— Ты понимаешь, это не очень удобно...

— Не отниму я твою лягушку. Не трепещи.

— Но ты не сказала, — начал было Сева, — как превращать...

— Посмотрю, тогда скажу. Лягушки разные бывают.

— Тебе компота оставить? — великодушно спросил Сева.

— Я лишнего не ем, — сказала Лолита. — Нужно ограничивать себя, а то потом всю жизнь на диете сидеть придется. А ты где ее поймал?

— В болоте, — ответил Сева. — Как обычно.

— Ты хочешь сказать, — Лолита сделала громадные глаза, — что это не первая лягушка?

— Первая, — признался Сева. — Иначе бы я не сомневался.

— Но ты точно не будешь жениться?

— А тебе какое дело?

— Потому что вообще-то это сказка для дураков и младенцев. Ты дурак?

— Нет.

— Значит, врун...

В домике было пусто, потому что после ужина все ушли в кино.

Сева открыл ящик тумбочки.

Он боялся немного, что никакой лягушки там не будет, и Лолита осмеет его на весь лагерь.

Ничего подобного! Трудно поверить, но в ящике сидела крупная зеленая лягушка с махонькой серебряной короной на голове и смотрела на них.

Некоторые девчонки боятся мышей, пауков, лягушек или крыс, но Лолита ничего не боялась.

Она протянула руку, но лягушка легонько отпрыгнула назад.

— Она у тебя не говорит? — спросила Лолита, убирая руку.

— Если бы говорила, — ответил Сева, — не было бы проблем. Я бы ее спросил.

— О чём?

— Как о чём? О том, чего ей хочется.

— Я думаю, ей жрать хочется, — сказала Лолита. — И поскорей вернуться в болото.

— Сейчас уже почти темно, — сказал Сева. — Куда я ее понесу?

— Надо взять таз с водой, — посоветовала Лолита, — и положить ее в таз. Пускай плавает. Ведь лягушки — водоплавающие.

— Обыкновенные, может, и водоплавающие. Но ведь это волшебная лягушка.

— Савин, не преувеличивай! — разозлилась Лолита. — Волшебных лягушек не бывает!

— А корона?

— Корону ей какой-нибудь дурак приделал, — сказала Лолита, — ясно как водопровод. Тащи таз.

— А куда его поставить?

— Поставишь под кроватью, никто туда смотреть не будет.

Они были так заняты разговором, что не заметили, что Гоша Жаба, можно сказать, родственник лягушки, только более жадный, стоит себе в сторонке и слушает. И ничем себя не выдает.

Сева задвинул ящик тумбочки.

Лолита с Севой вышли.

Гоша подошел к тумбочке, приоткрыл ее и осторожно заглянул внутрь.

И в самом деле, в ящике сидела лягушка в короне.

Гоша стал думать, как этим можно воспользоваться.

А Lolita увидела Ванессу и спросила:

— Люсь, где нам тазик найти?

Lolita никогда не называла Ванессу Ванессой, но та терпела.

— Зачем тебе тазик? — спросила она. — Волосы снова будешь перекрашивать?

— Чепуха, — сказала Lolita, — ты же знаешь, я с такими волосами родилась. Нам лягушку надо спрятать.

— Докатились, — засмеялась Ванесса.

Вообще-то Сева не был доволен тем, что Ванесса тоже узнала про лягушку, и ему захотелось дернуть Lolitu за рукав, чтобы не выдавала тайну. Но Ванесса была не просто человек, а очень красивая девушка. Или девочка. Ведь бывают же красавицы в четырнадцать лет? Говорят, что Джульетте, из-за которой погиб Ромео, тоже было лет четырнадцать-пятнадцать...

— Всё не так просто, — сказала Lolita своим самым ядовитым голосом. — Наш Савин решил жениться на лягушке и нашел невесту, но она не хочет становиться красавицей.

— Опять савинские завирушки! — возмутилась Ванесса. — Таких типов надо изолировать!

— Прежде чем меня изолировать, лучше бы помогла, — рассердился Сева. — Неужели у тебя миски нет?

Тут Ванесса, конечно, рассмеялась.

— Не веришь! — обиделся Сева. Конечно, в его возрасте уже не стоило бы попадаться на такие глупые подначки, но как-то уж всё по-идиотски получалось. — Пошли, покажу.

— Подожди, — остановила его Лолита. — О главном ты, конечно же, забыл...

Она перепрыгнула через клумбу и притащила оттуда оставленную садовником лейку.

— Ну, чем не убежище для принцессы? — спросила она.

— А вода там есть? — спросил Сева.

Лолита протянула лейку Севе. Лейка была тяжелой, в ней плескалась вода.

— Пошли, — сказал Сева Ванессе. — Ты такого еще не видала.

— Я в кино хочу, — сказала Ванесса, — меня Гриша ждет.

Но в спальню к мальчикам, конечно же, побежала.

Свет в домике горел, только Гоши не было видно, потому что он прятался за дверь. Он всё никак не мог придумать, что ему делать с лягушкой. Гоша был всем хорош, только думал медленно.

— Ну, показывай, — сказала Ванесса, — только быстрее, меня Гриша ждет.

Глава пятая

Она знает всё о кладах!

Сева выдвинул ящик. В ящике сидела лягушка. Будто ей самой было интересно, чем вся эта история закончится.

Ванесса наклонилась к лягушке и внимательно ее рассмотрела.

— Честно говоря, я не думала, что ты в самом деле поймал царевну-лягушку, — сказала Ванесса, убедившись, что лягушка настоящая и корона у нее на голове тоже.

— Ты лучше скажи человеку, что с ней делать! — возмутилась Лолита.

— Надо ее использовать, — сказала Ванесса.

— Как?

— Попросить ее клад показать.

— А разве лягушки показывают клады?

— Обычные лягушки ничего не показывают, а

царевны-лягушки знают, где лежат заговоренные клады, мне бабушка рассказывала.

Они все втроем смотрели на лягушку, будто ждали, что та кивнет.

Но лягушка не кивала.

— А что надо сделать, чтобы лягушка показала клад? — спросила Лолита.

— Что я, помню?! — ответила Ванесса. — Я тогда еще маленькая была. Бабушка мне сказку рассказывала про лягушку и одного царевича.

Лолита задумалась. Остальные молчали.

Наконец Лолита сказала:

— Люська, а твоя бабушка живая?

— Что с ней делается? — удивилась Ванесса. — Она еще меня переживет.

— Это хорошо, — сказала Лолита, — тогда можно ей позвонить.

— А если бы она умерла? — спросила Ванесса.

— Ясное дело, — вмешался Сева, которому было обидно, что девочки совсем про него забыли, как будто это вовсе не он, а они сами нашли лягушку. — Тогда бы пришлось идти на кладбище и творить заклинания, чтобы бабушкино привидение нам помогло. Но привидения иногда не хотят помогать, даже своим внучкам.

— Савин, немедленно прекратили свои глупости! — прикрикнула на него Лолита. — Пересаживай лягушку в лейку, и пойдем звонить люськиной бабушке.

Сева взял лягушку и осторожно переложил ее в лейку. В лейке булькнуло.

— А что, — сказал он, — так даже лучше, чем в миске. Никто ее не увидит.

Гоша, который всё слышал, потихоньку выскользнул за дверь. Все были так заняты лягушкой, что его и не заметили. Он встал неподалеку, в тени. Гоше тоже очень хотелось узнать, что скажет бабушка Ванессы.

Фонари уже горели, но небо еще было светлым. От столовой, в которой убирали столы и ставили рядами стулья, чтобы получился кинозал, доносился шум голосов.

— У меня дома есть мобильник, — сказала Лолита, — только сюда я его не взяла. Сами понимаете.

— Сами понимаем, — ответила Ванесса, — тебе звонить некому.

Лолита фыркнула, а Сева спросил:

— У кого попросить?

— Вообще-то мобильник у Гриши есть, — сказала Ванесса, — но он меня в кино ждет...

— Давай попробуем в дирекцию, — быстро предложил Сева. — Или в медпункт и оттуда позвоним.

— Всё уже заперто, — вздохнула Лолита. — Думайте, друзья, думайте мозгами!

И тут к ним подошел Гоша Жаба. Всё это время он стоял у фонарного столба, и его не было видно, так что появился он неожиданно. И совсем уж неожиданно сказал:

— Я тут услышал, вам мобильник нужен. У меня есть!

— Спасибо! — сразу ответила Ванесса и протянула руку.

— Чего это ты такой добрый? — недоверчиво спросила Лолита.

— Я слышал, что вам нужно, а у меня есть...

Можно было подумать, что Гоша дурак или в самом деле добрый. Но хитрости в его голосе не было.

— А что мы будем тебе должны? — спросил Сева.

— Вы мне скажете спасибо, — ответил Гоша. — Я хочу с вами дружить.

— Давай сюда мобильник, — повторила Ванесса.

Она привыкла всем нравиться. А раз она всем нравилась, то люди для нее делали всякие вещи специально, чтобы ее порадовать. И без очереди пропускали, и удобное место уступали, и вообще оказывали всякие любезности.

Гоша достал мобильник — он у него был в заднем кармане джинсов.

— Не подслушивай! — велела ему Ванесса.

Лейка стояла на земле между ними. Гоша поглядывал на нее, но не часто. Сева чувствовал: что-то здесь не так, а объяснить не мог.

Ванесса набрала номер и отошла с мобильником в сторону. Но всё равно было слышно, о чем она разговаривает.

— Бабуля, — запела она медовым голосом лю-

блящей внучки, которой нужно стрельнуть у бабушки полтинник. — Как ты себя чувствуешь?.. А как твой радикулит? Нет, мне ничего не нужно, у меня всё в порядке.. И погода хорошая.. Спасибо, бабуля.. Да нет, просто проведать тебя звоню.. Да, кстати, я хотела спросить, помнишь, ты мне когда-то давно рассказывала сказку про царевну-лягушку? Помнишь?.. Нет, не ту, где она за Ивана-дурака замуж выходит, а где она умеет клады показывать, помнишь?.. Да у нас тут постановка, в драмкружке, а я играю царевну-лягушку. Как?.. Нет, ты подробнее вспомни, что надо конкретно делать? Бабушка, у тебя что, память отшибло? ..шучу, шучу. Значит, ты утверждаешь, что.. — Тут взгляд Ванессы упал на Гошу, который переминался с ноги на ногу и ловил каждое ее слово.

— Всё, — сказала Ванесса. — Я поняла. Привет, не болей. — Она отдала телефон Гоше и сказала:

— Спасибо, за мной не заржавеет.

— А что бабушка сказала? — спросил он.

— Бабушка велела поцеловать лягушку в носик. А ты о чём спрашиваешь?

— Я? Ни о чём. Просто так..

Ванесса подхватила лейку и пошла по дорожке. Гоша остался стоять на месте, а Сева с Лолитой поспешили за Ванессой.

Когда они отошли метров на сто, Ванесса огляделась. В сумерках казалось, что за каждым деревом, за каждым углом кто-то прячется.

— Вроде всё чисто, — сказала Ванесса.

— Ну, что бабушка сказала? — спросил Сева

— К сожалению, ничего толкового, — ответила Ванесса. — Она сказала, что лягушку надо мучить, пытаться, что по доброй воле она никакого клада не покажет. А если почувствует, что ее смерть идет, то тогда может и признаться.

— Нет, — сказал Сева, — так у нас не пойдет.

— Конечно, не пойдет, — согласилась Лолита. — Так и быть, женись на ней.

— Мы пока лейку у нас в спальне поставим, — сказала Ванесса.

— Почему?

— Потому что у вас кто-нибудь обязательно ее опрокинет, или Гоша начнет лягушку допрашивать.

— Он же ничего не слышал, — возразил Сева.

— Может, зря мы так к нему относимся, как к жабе? — сказала Лолита. — Может, у него тоже бывают движения души?

— Если у него есть душа, — сказал Сева.

Вся эта история с мобильником ему не очень понравилась.

— Может, отпустим ее? — предложил он.

— Глупости, — сказала Ванесса. — Мы ее, конечно, пытаться не собираемся, но лучше, если завтра с утра мы с ней серьезно поговорим. Она же сама к тебе, Сева, напросилась.

— Хорошо, — согласился Сева. Конечно, в спальне у девочек, где никто не знает о разумной

лягушке, безопаснее... Хотя, с чего он решил, что лягушка разумная?!

— Ну, мы пошли, — сказала Ванесса, — может, еще в кино успеем, ко второй части.

— Тогда я вам места займу, — сказал Сева.

Во всей этой истории был один плюс — всё же его отношения с девочками изменились. Теперь он для них не совсем чужой.

— Мы придем через пять минут, — сказала Лолита.

Глава шестая

Спасите царевну!

Девочки вернулись через пять минут, как и обещали. Сева принес стулья и поставил их, правда, в последнем ряду, но ведь кино уже началось. Шли «Звездные войны», и Дарт Мол как раз убил Кви-Гон Джинна световым мечом; все это видели тысячу раз, но в лагере любой фильм смотрится иначе. Даже «Три поросенка» покажутся боевиком.

Сева фильм смотреть не хотел, а принялся думать о лягушке. Во всей этой истории печально было то, что он принес лягушку, чтобы она превратилась в царевну, а все остальные, в смысле Лолита и Ванесса, думали только о кладах и сокровищах. Хорошо хоть, что они не стали сразу допрашивать лягушку, а отложили разговор с ней на утро. Если бы были жадные, то наверняка бы не утерпели.

Может, лучше забрать лейку с лягушкой к себе или вынести ее в лес, а то вдруг кто-нибудь в женской спальне заглянет в лейку, а то просто возьмет и вынесет лейку и выльет воду. Тут прилетит сова и схватит лягушку..

Сева так ясно представил себе эту страшную картинку, что хотел было немедленно выскочить из кинозала, чтобы бежать и спасти лягушку.

— Ты что? — прошептала Лолита, которая всё видит, даже когда не смотрит.

— Погулять хочу.

— Когда люди смотрят «Звездные войны», — сказала Лолита, — они не гуляют, а если они боятся, что их прекрасную лягушку кто-то склюет, то они дураки. Ни одна ворона в лейку не залезет, и другого такого безопасного убежища для лягушки не найдешь.

— Потихше, — прошипела Ванесса, которая обладала счастливым свойством: сколько бы раз она ни смотрела фильм, каждый раз для нее был самым первым. — Кви-Гона жалко..

И всё же Сева не выдержал. Всё равно кино уже кончалось: армия дroidов высадилась на Набу и собралась атаковать армию гангэнов.

— Наши победят, — сказал он Ванессе.

Та только отмахнулась.

Пригнувшись, Сева побежал из зала.

Снаружи стало совсем темно, но взошла луна, и фонари горели ярче, чем в сумерках.

Сева быстро пробежал до женского домика, но не вошел, потому что вовремя сообразил: сейчас уже поздно, кто-то из девчонок наверняка лег спать, и если он сейчас ворвется к ним, такой визг поднимется, что весь лагерь сбежится, и его, Севу, наверняка вышибут из лагеря за хулиганство.

Он остановился возле домика. Сквозь щель приоткрытой двери пробивался свет, изнутри доносились голоса.

Может, постучаться и попросить вынести лейку? Но он даже не спросил, куда они эту лейку поставили. Не будут же девчонки ради Севы искать ее по всей большой комнате!

Что ж, решил Сева, он останется здесь у выхода из домика и подождет, пока кончится кино и придет Лолита. Зато он будет уверен, что никто не возьмет лейку и не вынесет ее.

Успокоив себя, Сева стал искать, где бы присесть. Он обернулся вокруг своей оси, как собака, пытающаяся поймать собственный хвост, и тут увидел...

Это был один из самых ужасных моментов в жизни Севы Савина. Большая зеленая лейка валялась на боку на клумбе!

Сева ни на секунду не усомнился в том, что это ТА САМАЯ лейка!

В странной и глупой надежде на то, что произошла случайность и кто-то из девочек, увидев лейку в спальне, просто вынес ее, Сева рухнул на колени и сунул в лейку руку.

В лейке было сыро, хотя вода уже вытекла. И, конечно, никакой лягушки там не было! Ускакала моя лягушка, сказал себе Сева, и сам в это не поверил. Он шкуркой чувствовал, что лейку вынесли из спальни те, кто знал о лягушке..

Но кто?! Нет же такого человека! Только девочки знают, но они сидят в кино...

Может, лягушка вылезла из лейки и сидит где-то рядом?

А фонарика нет!

— Лягушка, — прошептал Сева. — Ты где?

Но она же молчит, она не разговаривает! На что я надеюсь?

И тут Севе показалось, что он слышит голос. И не просто голос, а Подозрительный голос. Сева был взволнован и напряжен, словно натянутая рогатка. Тысяча шумов, шорохов, шуршаний, потрескиваний и голосов жили в вечернем воздухе, но лишь один возглас показался ему странным и подозрительным.

Сева кинулся в ту сторону.

Пробежав несколько шагов, Сева замер и снова прислушался, пытаясь решить, куда двигаться дальше. И тут он понял, откуда доносится голос...

За спортивной площадкой был бассейн. Он был старый, и трубы в нем давно проржавели, поэтому воду туда не напускали. А начальник лагеря говорил вожатой Майе, что на следующей неделе приедут специалисты по бассейнам и будут решать, как его привести в порядок.

Бассейн был бетонный, бетон кое-где потрескался, а на трехметровой вышке, от которой остался только железный скелет, на всякий случай — уж очень эта пропасть была соблазнительной для таинственных дел — горел большой фонарь.

Сева выбежал на край бассейна.

И увидел, что на дне, как раз там, где оно поло-го спускалось к яме под вышкой, чтобы прыгуны, ныряючи, не набили себе шишек, сидят на корточках два человека, между ними лежит кусок фанеры, а к фанере что-то прикреплено...

Налетел ветер, фонарь на вышке раскачивался, и тени от людей метались по бетонному дну — совершенно не разберешь, чем они там занимаются!

Сева бесшумно соскочил с бортика и пошел на цыпочках к яме. Дно было замусоренным и кое-где скользким.

И когда до цели оставалось шагов десять, Сева всё понял и замер.

Спиной к нему на корточках сидел Гоша Жаба. Рядом с ним — Гриша Сумской. К фанерке была привязана царевна-лягушка, причем так, что ее лапы были распялены в стороны, как растягивают баранью шкуру, чтобы просушить. Свет фонаря упал на лягушку, и Сева успел разглядеть, что короны у нее на голове больше нет — а вместо нее зияет кровавая рана.

И тут Гоша Жаба воткнул острие перочинного

ножа — классного швейцарского ножа с двадцатью лезвиями, которым хвастался еще утром, — в лапку лягушки и вежливо спросил:

— Не беспокоит, Ваше высочество?

— Ну, ты даешь! — воскликнул Гриша Сумской.

Гоша глупо рассмеялся.

— Ну, давай же, признавайся! — Гоша полоснул своим ножичком по груди лягушки. Она судорожно сжалась и даже, вроде бы, пискнула — а может, Севе это просто показалось, потому что он почувствовал, как больно маленькой лягушке под этим жестоким ножом.

— Не убей ее! — предупредил Гошу Сумской.

— А я ее убью! Убью, гадюку! Почему она молчит? Она должна признаться. Она же знает. Я ей сейчас глаз выколю!.. где здесь шило?

— Дурак ты, Гоша, — сказал разумный Гриша Сумской. — Замучаешь лягушку, останемся без клада. С одной короной.

— Корона тоже денег стоит! — возразил жадный Гоша. — Я смотрел. В ней бриллианты!

— Какие это бриллианты! Мелочь, а не бриллианты!

— Вот шило! — Гоша показал шило распятой лягушке и сказал: — Сейчас ты потеряешь глаз. Только из-за своей проклятой жадности. На что тебе бабки, тварь земноводная? Глаз дороже! С какого начать, с правого или левого?

И когда Гоша наставил шило на глаз лягушки, Сева не выдержал.

Он перестал рассуждать, а сломя голову кинулся вниз, в яму.

— Убью! — орал он. — Убью!

Естественно, он тут же поскользнулся на гнилых листьях, шлепнулся на задницу и поехал как с горки, набирая скорость.

Гоша с Гришей вскочили, обернулись, испугались и хотели было бежать, но сначала не сообразили, куда, а потом Гоша понял, в чём дело, и выставил вперед нож.

— Это Савин! — завопил он. — Это Севка Савин! Не бойся, Гришка!

А Сева его даже не слышал. У него была одна цель — фанерка с распятой лягушкой — и, прежде чем случилось непоправимое, он на лету дотянулся до фанерки и изо всех сил швырнул ее наверх, прочь из бассейна. В следующее мгновение на него накнулись сразу два врага.

Сильный и большой Гриша принялся молотить Севу кулаками, а Гоша Жаба сначала полоснул его по руке перочинным ножиком, а потом рванулся было наверх, за лягушкой, но Сева успел схватить его за ногу и изо всех сил дернул к себе.

Гоша грохнулся на бетон, как раз под ноги Сумскому, который тоже не удержался и упал на дно бассейна, не переставая, однако, при этом дубасить Севу.

Сева не чувствовал боли, ему было радостно — лягушка спасена! Он, как мог, закрывался от ударов, пытался отбиваться — хотя вряд ли у него были какие-нибудь шансы в сражении с Гришей Сумским и с Гошей, который хоть и не был великим бойцом, но был очень злым, и у него был ножик. Вообще-то, как вы знаете, если ребята дерутся, то ножи они не достают — это бандитское дело, но Гоша не знал ни чести, ни законов — он был очень злой от постоянной жадности, которая грызла его как крыса.

Сева понял — надо кричать или погибать.

Глава седьмая

Превращение лягушки

Кричать Сева не мог — даже в такой момент кричать было стыдно. Оставалось погибать!

— А ну, прекратить! — раздался сверху чей-то голос. — Двое на одного! Сейчас у меня из лагеря вылетите!

Голос был такой командирский, что Гриша тут же отпустил Севу и отпрыгнул в сторону. Он был сильный, но очень разумный, и всегда рассчитывал, что ему выгодно, а что не очень.

Зато Гоша совсем озверел и остановиться не мог.

Но при этом он решил, что лучше быть невиноватым. Поэтому он продолжал нападать на Севу, но кричал:

— Это он на нас напал! Это Савин виноват! Это всё Савин!

— Сколько раз повторять? — произнес командирский голос вверху.

И тогда Гоша всё-таки отпустил Севу и побежал наверх. Он скользил по гнилым листьям, но упорно карабкался следом за Гришей.

А Сева остался сидеть на дне бассейна. У него звенело в ушах, и рукам было больно.

Лолита прыгнула с бортика к Севе. И это был, скажу я вам, прыжок! Как минимум три метра! Косички разлетелись крутом — как спицы велосипедного колеса.

А Ванесса уселась на бортик, свесив ноги.

Лолита сказала:

— Ты сошел с ума! У тебя все руки в крови! Ты что, за бритву хватался?

— За ножик, — ответил Сева. — У него был ножик, и он им пытал лягушку.

— Ты что говоришь? — спросила сверху Ванесса, болтая ногами. — Зачем Гоше Жабе пытать лягушку?

Но Лолита уже догадалась.

— Это я виновата, — сказала она, доставая из кармана шорт носовой платок. — У него мобильник с диктофоном — я забыла, он мне хвастался. Он разговоры записывает. Значит он, Люська, твой разговор с бабушкой записал.

— И решил, что нужно самому лягушку допросить, да?

— Всё понял, и лягушку стащил... видишь, как всё просто, если ты не идиотка?

— Я не идиотка, — сердито сказала Ванесса. — И попрошу меня не называть Люськой! Я же тебя Дашкой не обзываю.

Лолита только отмахнулась и спросила Севу:

— А где лягушка? Они ее убили?

— Нет, я ее отбросил — туда.

Ванесса обернулась.

— Нет там никого. Прости-прощай, наша лягушечка, придется обойтись без кладов.

— Главное, что она жива!

— Главное, — сказала Ванесса, — что ты, Савин, не смог с Гошей Жабой справиться! А еще мячом кого хочешь на месте убиваешь!

— У него был нож! — сказала Лолита. — Неужели ты не понимаешь, что Гоша Жаба настоящий бандит?!

— Он был не один, — сказал Сева. Он вытер царапины и порезы Лолитиным платком, но кровь всё равно сочилась. — С ним был Гришка Сумской.

— Ну уж это ты не придумывай! — обиделась Ванесса. — Гриша случайно там оказался.

— Видно, ему сокровище понадобилось.

— Зачем?

— К твоим ногам положить.

Ванесса иронии не поняла и всерьез ответила: — Я бы такое сокровище не взяла! Особенно, если бы они тебя убили.

— Нет, Люська, ты простая, как пять рублей бумажкой, — усмехнулась Лолита. — Это что-то! А те-

бе, Савин, надо срочно в медпункт. Ты заработаешь заражение крови, это я тебе гарантирую. Ой, у тебя и на щеке порезано!

Руки и порезанную щеку щипало жутко. Но в медпункт Севе не хотелось. Придется объяснять, почему он дрался и с кем... А потом все скажут, что он доносчик. Нет уж...

— Нет, — решительно сказал Сева. — Мне надо сначала лягушку найти.

— Ты же ее выкинул!

— Она была привязана... или приколоты к куску фанеры.

— Сейчас посмотрю, — сказала сверху Ванесса.

— Нет, я сам!

Сева вырвался от Лолиты, которая вытирала ему кровь со щеки, и побежал к лесенке.

Черт, как больно! Они ему, наверно, все ребра переломали!

Особенно больно было подниматься по лесенке.

Севе казалось, что руки вот-вот откажут и он грохнется обратно в бассейн.

Нет, нельзя показывать слабость! Сзади стоит Лолита, ей бы только позаботиться о ком-нибудь! Бывают же такие девчонки! И почему только ее Лолитой прозвали?!

Сева вскарабкался по лесенке, но когда пришлось перебираться через бортик, стало так больно, что он так и замер с поднятой ногой. Со стороны выглядел он, наверное, глупее не придумаешь.

— Нет нигде твоей лягушки, — сказала Ванесса. — Ускакала помирать в кусты. Как говорит моя бабушка: «Финита ля комедия».

— Всё, хватит, идем в медпункт, — сказала сзади Лолита. — Или я позову медсестру сюда.

— Не надо, — раздался незнакомый голос.

По ту сторону клумбы стояла царевна-лягушка.

Никто Севу не предупреждал, какими становятся лягушки, когда превращаются в царевен, но он просто знал об этом, это было так же очевидно, как солнце и звезды.

— А мне уже и не больно, — сказал Сева.

Он старался, чтобы его голос не дрожал, а он всё равно дрожал от волнения.

— Ты кто такая? — спросила Ванесса.

Хотя, конечно же, спрашивать было излишне.

Царевна была одета обыкновенно. Только платье было длинным, почти до земли, такие у нас не носят. И золотистые волосы, конечно, по плечам, как водопадики. Наверное, на улице ее можно было принять за обыкновенную девушку, если бы не глаза. Они светились, совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы понять, какого они бирюзового цвета. А когда она говорила, из них вылетали смешинки.

— Спасибо, Сева, — сказала царевна. — Нам, лягушкам, обычно не везет на рыцарей.

— Он тебя ножиком резал! — сказал Сева.

— У лягушек это быстро заживает, — сказала царевна. — Как и на тебе.

— Ему надо в медпункт, — упрямо сказала Лолита.

— У меня с собой есть целебная мазь, — ответила лягушка. — Да и не стоит так поздно беспокоить медсестру, она сейчас с поварами играет в подкидного дурака.

— Скажи ему, — вмешалась Ванесса, — что Гриша тут не при чем!

— Да, кстати, — сказала царица. — Возьми, Ванесса, у Гриши Сумского мою корону. Она, конечно, маленькая и не очень ценная, но мне ее мама на день рождения подарила. Я думаю, он не посмеет тебе отказать.

— Как тебе не стыдно! — хотела было обидеться Ванесса, но потом сообразила, что лучше не обижаться.

Она сказала:

— Ладно, — как будто сделала всем одолжение.

— Спокойной ночи, Лолита, — сказала царица-лягушка. — Спасибо тебе, что позаботилась о Севе. Его раны почти зажили.

— И всё же, — сказала упрямая Лолита, — я считаю, что в двадцать первом веке всегда полезнее пойти в медпункт, чем лечиться так называемыми волшебными средствами, у всяких знахарей...

А так как ей никто не ответил, то она резко повернулась и ушла следом за Ванессой.

За шумели голоса, захлопали двери, слышался смех. Это закончилось кино, и ребята расходились по домикам.

— Пошли со мной, — сказала царица.

Она шагнула прямо в кусты, и кусты расступились перед ней.

Сева послушно последовал за царицей, и кусты беззвучно сомкнулись за его спиной. Они вышли на небольшую полянку, ярко освещенную лунным светом. Сева никак не мог сообразить, где на территории лагеря может прятаться такая полянка.

Посреди полянки стоял небольшой столик на тонких гнутых ножках.

На столе стояли разные банки и баночки старинного вида.

— Снимай футболку, — велела царица, — всё равно она у тебя рваная.

Она взяла Севину футболку и кинула ее в кусты. В кустах зашуршало.

Захлопотали чьи-то ножки и ручки.

Зашептались голоса.

Царица взяла со стола флакон и налила себе на ладонь густой как сметана мази.

— Подставляй физиономию, — сказала она.

И тут Сева вдруг понял, что она только кажется его ровесницей, а на самом деле будет постарше. Ей лет шестнадцать.

Нежной рукой, тонкими пальцами царица стала втирать мазь в щеку Севе, потом в плечо, потом смазала порезанные руки.

— До свадьбы заживет, — сказала она. — Забирай футболку.

Целая, чистая футболка лежала на траве у Севиных ног.

— И что теперь будет? — спросил Сева.

Царевна рассмеялась.

— Правильный вопрос. Я бы то же самое спросила.

Она потянулась как со сна и взбила обеими руками свои длинные волосы.

— Ох, и устала же я сегодня, — сказала она. — То в тумбочке, то в лейке, а то пытаются как Муция Сцеволу. Ты, конечно, болел, когда в школе проходили про Муция Сцеволу?

— Точно, болел.

— Посмотришь в истории Древнего Рима. Главное то, Всеволод Савин, что ты прошел испытание. И отныне твоя жизнь будет очень интересной, но трудной и опасной. Тебя это не смущает?

— Ни в коем случае! — воскликнул Сева.

— Мы знали, что ты выдумщик, фантазер, порой не самый храбрый и точно уж не самый сильный из московских ребят. Но у тебя есть качества очень нам нужные. Поэтому и пришлось устроить тебе испытание.

— Так это было испытание?

— Да, и не обижайся. Нам нужно было понять, верен ли ты друзьям, способен ли пожертвовать собой, когда надо помочь слабому, в общем, хороший ли ты человек...

— Самый обыкновенный, — признался Сева. — А кто это вы?

— Мы — жители мира сказок. Мы — спасатели легенд. Мы затеяли одно большое дело, но нам нужны союзники среди людей.

— И что за дело вы затеяли? — осторожно спросил Сева.

— Мы поговорим с тобой, когда ты отдохнешь, и когда нам понадобится твоя помощь.

— Какая помощь?

— Мы будем строить убежище для жителей сказочного мира, которым некуда деться среди людей. Без твоей помощи нам не справиться.

— Я согласен, царевна, — быстро сказал Сева. — Что надо делать?

— Пока что надо идти спать, потому что вот-вот будет отбой. Пока что надо молчать о нашем с тобой разговоре. Пока что надо ждать. Спокойной ночи, мой Иванушка!

— Спокойной ночи, царевна-лягушка, — ответил Сева.

— До встречи, — сказала царевна-лягушка и вдруг растворилась в ночном воздухе, наполненном светом Луны и звезд.

Шлеп!

У ног Севы сидела лягушка.

Без короны. На голове ее темнел шрам.

Лягушка прыгнула и в одно мгновение скрылась в кустах. Только листья зашуршали.

Глава восьмая

Звонок из лагеря

В обширный как хоккейный стадион кабинет Георгия Георгиевича Полотенца, президента Международного Унитарного Фонда Развития (МУФР), вошла Элина Виленовна, секретарь Георгия Георгиевича и заодно всего МУФРа в целом.

Была Элина Виленовна сказочно красива, как девушка-спортсменка со старого плаката. Ее пшеничные кудри рассыпались по широким плечам пловчихи, лицо несло на себе следы загара Сейшельских островов, а дробная быстрая походка была точь-в-точь такой же, как у ее любимого жеребца Добриона, на котором она возвращалась домой, если на улицах были пробки и ее «мерседес» был вынужден в них задерживаться.

— Совещание в три тридцать, как запланировано? — спросила Элина Виленовна.

— Разумеется, — ответил Георгий Георгиевич, не поднимаясь из кресла.

Он не любил стоять рядом с Элиной Виленовой, потому что она была выше его на голову, а может и на две головы, а ее ноги начинались там, где у него заканчивалась толстая шея.

Элина Виленовна была подчиненной Георгия Георгиевича и должна была его во всём слушаться, потому что он мог запросто выгнать ее с работы, но на самом деле Георгий Георгиевич очень боялся, что она сама от него уйдет.

— Чай, кофе? — спросила Элина Виленовна.

— Вы же знаете, — сказал Георгий Георгиевич. — Ти фор ту.

Что по-английски означает — чай для двоих.

Элина Виленовна не удивилась, а щелкнула пальцами — это она умела, — и на журнальном столике в углу кабинета появился поднос с чайником, маленькими японскими чашечками и блюдечком любимого печенья Георгия Георгиевича.

Они уселись за столик напротив друг друга, и тут раздался телефонный звонок.

Звонил секретный аппарат личной связи.

— Мой мальчик, — прошептал Георгий Георгиевич дрогнувшим голосом.

Георгий Георгиевич был недобрым человеком, эгоистом и хамом. И единственным человеком на всём белом свете, кого он в самом деле любил, был его сын и наследник Гоша. Именно ради него вер-

телись все колесики мозга Георгия Георгиевича, и именно к нему сводились заботы многих подчиненных Полотенца. Любые сомнения в гениальности мальчика пресекались на корню. Даже собственную жену Аглаю, на которой Полотенец женился по душевной склонности, он разлюбил за одну-единственную неосторожную фразу. Когда она родила мальчика, уже в три дня удивительно похожего на своего отца, Георгий Георгиевич пришел к ней в палату с букетом цветов. Он поздравил жену, вручил ей цветы и сказал:

— Спасибо тебе за Георгия.

— Послушай, Гоша, — возразила Аглая, — может, хватит в нашем семействе Георгиев? Николай — тоже хорошее имя.

Не сказав ни слова, Полотенец встал и покинул палату, прихватив с собой букет. С тех пор он свою жену Аглаю больше не любил. Хотя мальчика, конечно же, назвали Георгием, Георгием Георгиевичем Полотенцем, будущим президентом и мультимиллионером. А чтобы стать тем, кем он должен был стать, юный Полотенец должен был учиться, учиться и еще раз учиться. А если списывать, то так, чтобы ни одна сволочь не заметила.

Этот совет Гоша усвоил и в школе считался если и не отличником, то, по крайней мере, хорошистом.

Итак, раздался телефонный звонок.

Элина Виленовна вскочила и хотела было поки-

нуть кабинет, но Георгий Георгиевич, поднимая трубку, произнес:

— Оставайтесь, у меня от вас секретов нет.

Это было неправдой, потому что у Георгия Георгиевича были секреты от всех, даже от себя самого.

— Папочка, — раздался в тиши гулкового кабинета голос Гоши.

— Спасибо, что позвонил мне, — обрадовался Георгий Георгиевич. — Всё ли у тебя в порядке? Уважают ли тебя товарищи?

— Папа, — сказал Гоша, — у нас случилось странное происшествие, и я хочу с тобой посоветоваться.

— Молодец, — сказал папа. — Я никогда не оставляю тебя своими советами.

— Один мальчик в нашем отряде нашел лягушку с короной на голове.

— Уродка, что ли? — спросил Георгий Георгиевич.

Элина Виленовна сердито постучала кроваво-красными ногтями по столу. Полотенец поднял голову и увидел, что его секретарша хмурит соболиные брови.

И сразу задал другой вопрос:

— Что еще особенного в лягушке?

— Мы коронку с нее сорвали и стали выпытывать, где лежит клад.

— Почему возникло подобное подозрение? — спросил Георгий Георгиевич.

— Разговор с бабкой подслушали.

И Гоша изложил события прошедшего дня, правдиво, только собственную роль чуточку приукрасил. Мальчик всё-таки, понимать надо...

— Что за коронка? — деловито спросил Георгий Георгиевич.

— Из камушков, блестящая, ее Гришка Сумской взял.

— А ты отдал?

— Я добрый, папочка, мне часто за это приходится расплачиваться.

— Да, ты добрый!

Георгий Георгиевич слушал голос сына, и в животе у него тихонько щекотало от счастья.

— Что нам теперь делать, папочка? — спросил Гоша.

Элина Виленовна быстро вывела пальцем светящуюся надпись:

ДОСТАТЬ КОРОНУ!

Георгий Георгиевич слотнул слюну, провел свободной рукой по лбу и опомнился. Нельзя, чтобы любовь к мальчику отвлекала от важных дел! Спасибо Элине Виленовне, что никогда не забывает об интересах Фонда!

— Слушай меня внимательно, — сказал Георгий Георгиевич. — Пойди к своему приятелю и вели ему вернуть корону.

— А если он не захочет? — спросил Гоша.

— Почему не захочет?

— Потому что он сильнее меня!

— Как он смеет! — воскликнул Георгий Георгиевич. — Он у меня тут же вылетит из лагеря!

Элина Виленовна опять постучала ногтями по столу, и Полотенец снова опомнился.

Вздыхнул и продолжал:

— Засвечиваться тебе нельзя. Предложи деньги, соблазни чем-нибудь, но шума не поднимай. Если возникнут сложности, немедленно отбей мне тревогу. Тебе понятно, солнышко?

— Будет сделано, папа, — ответил Гоша, который тоже любил своего папу. Правда, он любил и свою маму, но куда меньше, потому что мама всё время приставала со всякими глупостями и велела чистить зубы. Иногда Гоша даже лелеял злобную мыслишку: вот не было бы мамы, не надо было бы мыть руки, чистить зубы, есть манную кашу и говорить «спасибо». Но понимал, что всегда кто-нибудь в его жизни будет ему приказывать.

Когда Гоша отключился, Георгий Георгиевич спросил Элину Виленовну:

— Ты чего сигнализировала?

— Ты не представляешь, на какой след мы напали, — прошептала она. — Рехнешься, когда узнаешь!

— Говори.

— Не кабинетный разговор.

— Выйдем.

В шкафу за спиной Георгия Георгиевича умещался небольшой лифт.

Поднявшись в зимний сад, на крышу здания МУФРа, откуда открывался вид на площадь Белорусского вокзала, Георгий Георгиевич прислонился к невысокому железному заборчику, для конспирации покрашенному в ржавый цвет, и велел:

— Докладывай!

— Это она, — решительно сказала Элина Вилёновна. — Из породы Василисы Прекрасной! Слыхал?

— Что-то в детстве слышал, — не очень уверенно кивнул головой Георгий Георгиевич. — Напомни-ка.

Надо сказать, что сказок Георгий Георгиевич не выносил. Там все были богатыри и рыцари. А толстому мальчику небольшого роста даже в дураках места не находилось.

— Это царевна-лягушка. Их и раньше-то было немного, а в наши дни, по моему мнению, они вымерли окончательно. Оказывается, одна осталась. Сидит в болоте, отличается от обычных лягушек только бриллиантовой короной на голове, но если ее отыщет добрый молодец, она превращается в царевну.

— И что же?

— А то, что она может стать женой доброго молодца и дать ему полцарства.

— И у моего Гоши есть шанс? — обрадовался Георгий Георгиевич.

— Не он нашел царевну... нет, не он... — Элина

Виленовна задумалась, потом потрепала своего шефа по пухлой в красных жилах щеке и добавила: — И вообще, мне вся эта история не очень нравится. Похоже на инсценировку. И лягушка не настоящая, и принцесса не та. Надо проверить корону! Если она из стекла, а тем более фабричной работы, значит они нас разыгрывают. Но если корона настоящая, значит, есть шансы.

Георгий Георгиевич понял далеко не всё. Поэтому спросил свою секретаршу:

— Элина, скажи честно, этот случай может быть связан с нашими планами?

— На это я и надеюсь, — сказала Элина, — и от этого трепещу.

— Значит? — прошептал с надеждой шеф.

Элина отогнала осу, которая вертелась рядом, и крикнула ей вслед:

— А ну проваливай!

— А я всё слышала! — пропищала оса, отлетев на безопасное расстояние.

— Нигде покоя нет! — вздохнула Элина.

— Враги или конкуренты? — спросил Георгий Георгиевич.

— Конкуренты, — ответила Элина и продолжала: — Эту корону надо добыть во что бы то ни стало. А ваш мальчик этого сделать не сможет!

— Мой Гоша?! — Георгий Георгиевич хотел было рассердиться, но вспомнил, как он любит своего сына и поэтому хочет ему безопасного счастья. Поэтому

му он сердиться не стал, а просто оказал: — Высылай ему подмогу. Можешь взять мой вертолет.

— На электричке надежней, — сказала Элина.

— А на вертолете скорей. И научись, наконец, подчиняться!

— Слушаюсь, шеф, — проворковала Элина, как послушная горлица. — Кого пошлем на помощь к вашему Гоше?

Георгий Георгиевич не ответил, он только склонил голову в знак согласия. Этот вопрос не требовал обсуждений. И, войдя в свой кабинет, Георгий Георгиевич нажал на красную кнопку на столе и сказал:

— Ванюша, зайди к Элине Виленовне, она изложит тебе детали.

Глава девятая

Судьба алмазной короны

Ах, как была права Элина Виленовна! Не подвела ее интуиция.

У Гоши возникли трудности!

Он поговорил с отцом и пошел искать Гришу Сумского.

Он даже знал, где искать Гришу.

После завтрака Гриша уходил на полянку за медпунктом, чтобы заниматься там культуризмом.

Все знают, что такое культуризм, но если вы вдруг не знаете, то я объясню. Культуристы — это такие странные люди (причем они бывают не только мужчинами, но и девушками), которые убеждены, что если у них будет пять, а еще лучше десять пудов мышц, то они станут всех умнее и красивей.

Гриша Сумской тоже так считал и, хотя боль-

ших успехов в культуризме пока что не добился, — может, возраста маловато, — старался изо всех сил. И соответственно (так, по крайней мере, ему самому казалось) с каждым днем становился всё красивее и умнее.

Гоша побежал на полянку.

Сумского там не было.

Потому что Гриша Сумской лежал в траве, смотрел в небо, на утренние кучевые облака, и рассуждал о жизни. Он был очень рассудительным человеком.

Между большим и указательным пальцами Гриша держал корону, которую они сорвали вчера вечером с лягушки. Камешки, из которых корона была сделана, сверкали словно фонарики.

Очень красиво!

Гриша думал, какая неплохая у него складывается жизнь. Многие его уже любят, а еще больше людей полюбят его завтра, когда он, Гриша, станет великим культуристом. А когда он станет чемпионом мира, то у сцены, где он получит золотую медаль, его будет ждать очень красивая девушка — куда красивее Ванессы! — и протянет ему букет цветов. А Гриша вынет из кармана корону и водрузит ее на голову красавице. Ничего, что корона пока маленькая, подрастет!

Он улыбнулся своей шутке и хотел было спрятать корону в карман, как вдруг из кустов вышла хромая бабка в армейском камуфляже и строго сказала Грише:

— Ты эту корону выкинь, выкинь, если хочешь в живых остаться!

Гриша вскочил: он уважал старших, но не настолько, чтобы кидаться коронами.

Он даже карман застегнул. Уж очень зловещая была бабка!

— Я не знаю никакой короны, — сказал он. — Вы ошиблись.

— Кассандра никогда не ошибается, — сказала бабка. — Ты обо мне слышал?

— Нет, простите.

— То-то и видно. А то бы выкинул корону и убежал без оглядки!

Бабка явно была недовольна.

— И чему вас в школе учат?!

— Бабушка, — подошел к ним Гоша Полоте-нец. — А я вас знаю!

Он наконец-то отыскал Сумского и подслушал его разговор с Кассандрой. Он знал, что Кассандрой звали неудачливую предсказательницу, так как учился в школе куда лучше, чем Гриша Сумской. Ведь папа часто напоминал ему, что для овладения всеми богатствами человечества надо учиться, учиться и еще раз учиться.

— Наконец-то! — обрадовалась Кассандра.

— Вы ископаемая предсказательница, которой никто не верил, а колотили беспощадно!

— Допрыгались! — обиделась бабка Кассандра и скрылась в кустах.

А Гриша Сумской даже обрадовался, что ему пришли на выручку.

— А ты в самом деле ее знаешь? — спросил он.

— Читай Гомера, — ответил Гоша. «Пока ты знаешь больше своего друга или врага, — говорил ему папа, — ты сильнее его. Никогда не делись с другими своими знаниями».

Вот Гоша и не делился.

Да Сумской и не настаивал.

— Слушай, — стал ковать железо, пока горячо, Гоша, — на что тебе эта корона?

— А что?

— Давай меняться.

— А тебе она на что? — спросил осторожный Сумской.

— Я собираю короны, — сказал Гоша. — У меня уже шесть штук. Мне папа одну из Бангладеш привез, а другие мы здесь покупали. Получше твоей будут.

— Если получше, — сказал Сумской, — так и играй с ними, а у меня пускай плохая останется.

— А если сухарем? — предложил Гоша. — Хочешь десять баксов?

Но Сумской тоже был не дурак.

— Тысячу, — сказал он.

И не потому, что так думал. Он тысячу баксов никогда и в глаза-то не видал, не то что в руках держал. Но хотел проверить Гришу.

— Тысячу баксов?! — Гоша даже зажмурился

от возмущения. — Да эта корона и сотни не стоит! Лягушачья икра в томате!

— Ну, давай сотню, — сказал Гриша Сумской.

Недаром у Гоши было прозвище Жаба. Не мог он ничего поделаться со своей жадностью! Понимал, что жадничать сейчас не следует, а его язык всё равно кричал наоборот. Этот недостаток он унаследовал от своего папы, но Георгий Георгиевич научился в решительный момент наступать на горло собственной песне, а Гоша был еще почти ребенком и не мог свою жабу одолеть.

— Не дашь, — сказал Сумской, — тогда гуляй!

Он не очень любил этого Гошу и даже немного опасался его. Потому что Гоша всегда чего-то хотел получить, отнять, отспорить, оттяпать — очень был целеустремленным!

— Ты еще пожалеешь! — разозлился Гоша. — Сам ко мне прибежишь, будешь просить — возьми за три рубля. Фиг я у тебя возьму!

Гриша Сумской был готов уже сдаться и отдать корону за десять баксов, но Гоша убежал с полянки. Он был так взбешен, что от него поднимался пар, а от кроссовок на траве оставались рыжие проплешины.

Гриша Сумской был расстроен.

Сначала эта бабка, потом Гоша. Кто еще придет за короной?

А пришла сама Ванесса.

Пришла на полянку, вся такая красивая и само-

уверенная, будто случайно, а не по просьбе царевны, Севы и Лолиты. А ведь это они подослали Ванессу, сказав ей, что Гриша для нее всё сделает, потому что Ванесса первая красавица не только в лагере, но и во всей Московской области, и что если будет конкурс «Мисс школьница Московской области», то она на нем обязательно победит.

Не смогла Ванесса отказать друзьям, которые так высоко ее ценят, и пошла. Правда, ей и самой хотелось проявить свою власть над Гришей Сумским, но на то у нее были свои, женские интересы, вам не понять.

— Привет, — сказала Ванесса, — качаешься?

— А ты откуда знаешь?

— Я многое про тебя знаю.

— И что же? — Гриша красиво повел плечами, словно уже стал настоящим культуристом.

— Я знаю, например, что тебе суждено стать чемпионом мира по культуризму.

— Да ты что! — изумился Гриша. — Шутишь, да?

Ванесса уселась на пенек и жестом приказала Грише сесть на траву у ее ног. Гриша с радостью подчинился.

— Я к тебе отношусь, — сказала Ванесса. — Я тебя выделяю среди других мальчиков, несмотря на мою красоту и на то, что при желании все ребята лагеря тут бы валялись!

И она показала на траву, где уже сидел Гриша.

— А я и не знал, — удивился Гриша.

Ему было приятно слышать такие слова.

— Я согласна с тобой дружить, — заявила Ванесса.

— Я тоже, — сказал Гриша.

— Вот и договорились.

Гриша чуть-чуть растерялся. Он не думал, что всё получится так просто. Сказала и всё. А что дальше делать?

— А у меня проблема, — сказала Ванесса. —
Нужен твой дружеский совет.

— А что?

— У Лолиты завтра день рождения, а подарка нет. Сам понимаешь, из лагеря в магазин не сгоняешь.

Гриша немного подумал и сказал:

— Может, ты ей свой компот отдашь?

Он, конечно, пошутил, но Ванесса взвилась как дикая кошка.

— Ладно, ладно, — сказал Гриша, — нарви ей букет у директора на клумбе.

— И вылечу из лагеря. Спасибо!

— А что я могу?

— Ну, поищи чего-нибудь! Неужели у тебя голова не работает?! Одни мышцы...

— Почему одни мышцы? — обиделся Гриша, — у меня вот что есть...

Он тут же пожалел, что это сказал, но останавливаться было поздно. Тем более что Ванесса его подгоняла — почуяла добычу, пантера!

Пальцы Гриши вытащили из кармана лягушачью корону.

— Мне за нее Гоша десять баксов давал, — промямлил он.

— А ну-ка, дай сюда, — велела Ванесса. — И за эту красоту он тебе пытался десять баксов всучить?! Ах ты, Жаба!

— Кто жаба?

— Да не ты! Ты нормальный бой! Ты от сердца ради меня ценную вещь оторвал. И учти, Гриша, за мной не заржавеет. Теперь ты стал мне настоящим другом. Встань!

Гриша послушно поднялся.

Ванесса встала на цыпочки и поцеловала его в подбородок.

Гришу словно огнем обожгло от такого поцелуя.

Зашуршали кусты, и Гриша остался на поляне один, и без короны.

Зато с настоящим другом!

Хотя совершенно непонятно, что же лучше...

Ванесса, подпрыгивая словно маленький ребенок, побежала к волейбольной площадке, где ее, как и договаривались, ждали Сева с Лолитой. Сева боялся, что у Ванессы ничего не выйдет, и Лолита уже пять раз повторила:

— Сева, ты совершенно не знаешь женщин! В решающей схватке ему ни за что не устоять.

— А если он не знает, что это решающая схватка? — сомневался Сева.

Лолита набрала желтых одуванчиков и плела из них венки. Это очень успокаивающее занятие.

А Сева вспомнил, что дедушка, если играет его любимый «Спартак», ругает его почему свет стоит, словно ждет с нетерпением: скорей бы уж эти неумехи продули! А на самом деле это он так колдует. Чтобы «Спартак» неожиданно для всех выиграл. Тогда можно будет сдержанно радоваться и разводить руками от удивления: «Вот уж не ожидал, что им это удастся!»

Вот так и Сева (видно, наследственность сказывалась) думал, что ничего у Ванессы не выйдет, потому что надеялся, что выйдет.

А Ванесса об этом не подозревала.

Она бежала-бежала по дорожке, потом остановилась, вынула корону и стала ею любоваться.

Корона была просто чудо как хороша. Она была круглой, как бы из двух серебряных ажурных полушарий, надрезанных сверху и украшенных крестиком. И всё это было усыпано белыми хрусталиками, которые переливались под солнцем, как звездочки на небе.

Итак, Ванесса стояла, любовалась короной и думала, стоит ли отдавать такую красивую штуку этому выдумщику Савину. Сам бы он никогда не смог отнять ее у Сумского! Потому что Сумской только к ней, к Ванессе, испытывает чувство!

И тут Ванессино сердце екнуло.

Ванесса почувствовала взгляд.

Ванесса замерла, как кролик замирает под взглядом гадюки.

Перед ней на дорожке стоял мальчик.

Совершенно незнакомый мальчик.

Он ничего не делал. Он просто стоял и перего-
раживал ей дорогу.

Он был какой-то странный, хотя Ванесса и не сразу поняла, в чём же эта странность. А потом со-
образила — он был одет как взрослый. Вроде бы в
джинсах и рубашке, но всё на нем выглядело как на
маскараде: мужчина, переодетый мальчиком.

Может быть, лилипут?!

Половину его лица закрывали большие черные оч-
ки, и от этого он выглядел совсем уж ненастоящим.

Мальчик протянул вперед тонкую руку рас-
крытой ладонью вверх.

— Ты чего? — спросила Ванесса и попятилась.

Бояться ей было совершенно нечего, потому
что она стояла посреди лагеря, по которому ходи-
ло, бегало и вообще передвигалось двести человек
детей и взрослых. И если закричать, человек пять-
десять тут же прибегут на помощь.

Но Ванесса почувствовала, что как раз закри-
чать-то она и не может. У нее онемел язык. Он ле-
жал во рту, как кусок вареной колбасы, безо вся-
кой пользы. Даже губы облизать не мог!

И вдруг Ванесса поняла, что этот мальчик в оч-

ках хочет, чтобы она отдала ему лягушачью корону. И она ему ее сейчас отдаст...

— Нет! — закричала она, но язык ничего не закричал, а без его помощи получился не крик, а просто мычание.

Мальчик снял очки и ловко положил их в верхний карман рубашки.

И тогда Ванесса впервые заглянула в глаза Каину.

Тогда она еще не знала о прозвище этого человека.

А если ты не предупрежден, то лучше в глаза Каину не заглядывать.

Они как будто прорезаны тупым ножом в коже лица, они спрятаны так глубоко, что никогда не блестят и даже не поблескивают, словно ты случайно заглянул в темную-темную комнату, а в этой темной-темной комнате сидят на стульях темные люди, а у их ног лежат черные коты, и все они движутся медленно, будто под водой...

И Ванесса, сама не понимая, что делает, протянула корону мальчику, который, конечно же, был раз в сто старше ее и только притворялся ребенком, Каин разинул рот — рот оказался ужасно большим, только совсем без губ — и ловко закинул в него корону. Рот захлопнулся.

А потом старенький мальчик кинулся в кусты, пробился, продрался сквозь них, и Ванесса, которая так и не нашла в себе сил, чтобы закричать, увидела, что там, на лужайку, где сушат белье, опу-

скается маленький вертолет. Зеленый, обыкновенный, как показывают по телевизору из горячих точек, только поменьше.

Из открытого люка свисала веревочная лестница.

Она коснулась травы как раз у ног Каина.

Тот схватился за перекладину и быстро-быстро, по-насекомому, полез наверх. Вертолет тут же начал подниматься и потянулся над деревьями прочь от лагеря, так что кроме Ванессы его никто и не заметил.

А Ванесса глядела ему вслед и не верила тому, что произошло.

Постояла, посмотрела, да и пошла дальше, еле переставляя ноги.

А Лолита издали увидела ее и поняла, что дела плохи.

Она кинулась к Ванессе.

— Что? Что случилось? Гришка тебя обидел?

— Ну, знаешь! — рассердился Сева. — Я с ним поговорю!

Ванесса доплелась до скамейки у волейбольной площадки, села на нее и сказала:

— Ничего вы не понимаете. Гришка тут совершенно ни при чём. Это было привидение!

— Какое еще привидение! — заорала Лолита, которая категорически не верила в привидения и всякую такую чепуху. — Скажи лучше, что он тебе не отдал корону.

— Он отдал, — сказала Ванесса — и я не вру. А привидение было на вертолете...

Глава десятая

Тайное заседание

В громадном как хоккейный стадион кабинете Георгия Георгиевича Полотенца, президента Международного Унитарного Фонда Развития (МУФР), началось секретное совещание.

Во главе стола сидел сам Георгий Георгиевич Полотенец.

Как мы уже знаем, это был весьма невысокий полный лысеющий человек с очень красными щеками и рыжими глазками. В остальном — обыкновенный.

Справа от него сидел маленький, худенький мужчина, а может и мальчик в больших темных очках. Он держался прямо, словно линейку проглотил. Звали его Каин, хотя это было только прозвище.

Слева от Георгия Георгиевича вы могли бы увидеть древнюю старуху в камуфляже по имени Кассандра. Ей было очень много лет, и все эти годы она предсказывала разные страшные катастрофы и ужасные бедствия. Но ей никто никогда не верил. Может быть, вы не помните или болели, когда это проходили в школе, но именно она убеждала троянцев не верить грекам, которые подарили им деревянного коня. Троянцы Кассандру не послушались и даже побили, подарок приняли, а конь оказался наспигованным греческим десантом. Вообще-то бабка была невредная, но когда вас всё время предупреждают и предсказывают, это может надоест.

Да, кстати, — зовут Кассандру Маргаритой Федоровной, так по паспорту.

Напротив Маргариты Федоровны Кассандры стояло самоходное кресло, покрытое черным колпаком. В колпаке сидел Академик Сидоров, почти невидный снаружи. Как вы, наверно, догадываетесь, фамилия Сидоров и имя Сидор Петрович были настоящие. Дело в том, что Академика засекретили еще в шестом классе Конотопской средней школы и с годами засекречивали всё туже и туже. Шестнадцать лет секретный Сидор Петрович Сидоров (хотя фамилия, имя и даже отчество, повторяю, не настоящие) провел в шахте на глубине шести километров, трижды его оттуда выкрадывала американская разведка, и трижды его с боями привозили обратно.

Вы можете спросить, а что же такого секретного в Академике Сидорове, что даже здесь, на секретном заседании гуманитарного фонда Георгия Георгиевича Полотенца, он сидит под черным непрозрачным колпаком? А дело в том, что Сидор Петрович был гениальным изобретателем, и ему было совершенно всё равно, что изобретать. И если бы его украли, скажем, ваххабиты, и попросили изобрести для них карманную водородную бомбочку, Сидор Петрович с удовольствием бы им эту бомбочку изобрел, и не потому что был злой, а просто ему любопытно было бы изобрести такую водородную бомбочку.

ФСБ, ЦРУ и МОССАД (если кто не знает, это такая израильская разведка) неоднократно пытались наложить лапы на такой талант. Но все эти лапы оказались коротки, так как у великого изобретателя была Супруга. У других людей бывают жены, а вот у Сидора Петровича была Супруга. Звали ее Раисой Зиновьевной, и размером и весом она была подобна старинному буфету, ростом достигала двух метров шести сантиметров, а как-то в молодости попала с молодежной делегацией в Японию и там увидела борцов сумо, самых толстых и тяжелых спортсменов на свете. В решающий момент Раиса Зиновьевна, тогда еще просто Райка, вышла на помост и крикнула:

— Ну, кто, блин, сразится, сравнится со мной?

Вышло по очереди несколько чемпионов, и

всех она выкинула с помоста совершенно беспощадно. Правда, ее тут же дисквалифицировали, потому что женщинам в Японии не позволяют участвовать в мужских соревнованиях — такие вот у них порядки!

Супруга Академика Сидорова вышла за него замуж, потому что вначале служила в войсках Госбезопасности, а точнее в охране Объекта Сидорова. За долгие годы она настолько сжилась с Академиком, что даже порой в уборную и в ванную ходила вместо него, а уж ордена и медали носила вместо него постоянно. Разговаривать с ним она мало кому позволяла, хотя, конечно же, Георгий Георгиевич Полотенец был исключением.

Георгия Георгиевича она уважала и даже побаивалась, хотя ростом и размером превышала его вдвое.

Вернемся, однако, к Академику Сидорову.

Вам полезно будет знать, что именно из-за одного его изобретения и родился на свет МУФР во главе с Георгием Георгиевичем Полотенцем. Об изобретении этом речь пойдет дальше, но сказать еще несколько слов о самом Академике Сидорове надо обязательно.

Вот уже пятьдесят лет он сидит себе тихонечко под темным бронированным колпаком и изобретает. Неужели ему не хочется выскочить наружу и побегать по лужам?! Оказывается, нет, не хочется! У Сидорова есть страсть. Он разгадывает кроссворды. И если кроссвордов ему достаточно, он

наружу не просится. Помылся, побрился, овсянки покушал и давай кроссворды разгадывать!

Жаль только, что верная Раиса Зиновьевна не умеет подсказать трудное слово — слишком мало знает она слов.

На заседании она сидела рядом с темным стеклянным колпаком, под которым угадывалась фигура Академика Сидорова. Перед ней на столе лежала стопка неразгаданных кроссвордов на различных языках, и время от времени она кидала свежий кроссворд в щель в колпаке.

Тогда ее широкая и высокая грудь вздымалась, и шестнадцать медалей Международных премий за сохранение мира во всем мире принимались мелодично звенеть.

Консультант Эфимыч протянул было волосатую лапу, чтобы ненароком сорвать и присвоить одну из золотых медалек — уж очень он был хватальщиком и загребальщиком, — но Раиса Зиновьевна ловко долбанула его тяжелой ладонью по руке, а Георгий Георгиевич укоризненно произнес:

— Ну, господа хорошие, товарищи дорогие, возьмите себя в руки!

Эфимыч попал в Президиум МУФРа как представитель общественности и профессор по проблемам неопознанных явлений и фантастических существ. Он был рыхлым, приземистым и очень волосатым — лешие принимали его за своего —

существом. Лишь два места на нем были без волос — маленькая лысина на затылке и нос, похожий на лиловый баклажан.

Когда-то называли его просто — Ефим Ефимыч Крестоположенский. Но когда он начал зарабатывать, выступая по телевизору в мистических и эзотерических передачах, то есть растолковывать тайны бытия и небытия, в которых сам ничего не понимал, имя пришлось поменять. Одна его подружка, Белая ведьма Черногай, посоветовала ему скрыться под псевдонимом Эфимыч. Народ псевдоним запомнил и Эфимыча полюбил.

Эфимыч сидел рядом с Раисой Сидоровой, а напротив него на уголке стола пристроилась Элина Виленовна — сама скромность, сама исполнительность. Там же пустовал еще один стул.

А так как у Георгия Георгиевича в кабинете случайностей не бывает, следовательно, этот стул для кого-то предназначался.

И тут Георгий Георгиевич произнес:

— В нашем тесном кружке сегодня появится новый член. Незаменимый, как незаменимы все члены нашего Президиума. Элина Виленовна, пригласите, пожалуйста, магистра Прониклу.

Элина Виленовна резво вскочила и поспешила к двери. Шаги ее были четкими, звонкими и короткими.

Она растворила дверь и позвала:

— Господин Проникла, вас ожидают...

А когда господин Проникла вошел в дверь, добавила:

— С нетерпением!

Вошел человек, скорее высокий, чем низкий, и скорее худой, чем толстый. Был он вытянут вверх как гороховый стручок, и маленькую твердую голову свою держал закинутой назад. Ноги у него были короткие, и выступал он словно клоун на манеже.

Проникла окинул взглядом стол и направился к пустому стулу.

Отодвинул его, коротко поклонился всем по очереди, будто голубь, который клует зернышки, а потом сел и замер словно неживой. И даже выпуклые белые глаза свои с черными точками зрачков прикрыл жесткими веками.

— Магистр Проникла по специальности спелеолог, — пояснил Георгий Георгиевич. — Он согласился примкнуть к нашим рядам, чтобы оказать пользу Фонду. Надеюсь, по принятому у нас обычаю, он расскажет о себе.

— Я буду краток, — жестяным голосом заговорил магистр Проникла. — Я принадлежу к семейству подземных проходцев и коллекционирую пещеры. Затем я вожу туда туристов и авантюристов, отчего стал богат и независим.

Раздались сдержанные аплодисменты.

— Каждый из членов Президиума нашего Фонда, — сказал Георгий Георгиевич, — внес существенный вклад в общее дело. Я вношу свой орга-

низаторский талант, Эфим Эфимович — уникальные знания.

Консультант Эфимыч приподнялся, упершись о стол волосатыми лапками, и заржал.

— Маргарита Федоровна Кассандра дарит нам свое предвидение будущего и значительное личное состояние.

— Потом дашь мне слово! — крикнула бабка в камуфляже, — мне надо будет вас кое о чем предупредить.

— Успеете, — отмахнулся Георгий Георгиевич и продолжал, изобразив в глазах нежное почтение: — Но наибольший вклад в дело процветания нашего Фонда внесла чета Сидоровых, выдающихся деятелей отечественной науки.

Все принялись аплодировать.

Раиса Зиновьевна тоже аплодировала.

— Последней по возрасту, но не последней по значимости вклада, — сказал Георгий Георгиевич, когда аплодисменты утихли, — является благородная административная и духовная деятельность нашей дорогой Элины Виленовны.

Элина Виленовна одарила окружающих ослепительной улыбкой и помахала высоко поднятой ладошкой, как машут с пьедестала зрителям олимпийские чемпионы.

Георгий Георгиевич сделал паузу.

Словно не был уверен, продолжать или нет?

Но мальчик в черных очках незаметно кивнул,

как бы разрешая: «Можно! Давай!», и Георгий Георгиевич, указав на мальчика толстым пальчиком, продолжил:

— Я не буду рассусоливать о нашем друге, который так скромно и тихо сидит за этим столом. О нем речь впереди. И вы поймете, почему это так. А пока что ограничусь лишь упоминанием о том, что вклад нашего благородного друга гражданина Каина неизмеримо велик. Он — наш Исполнитель. А если кто-то не знает тайного, истинного значения этого слова, пускай он после заседания подойдет к гражданину Каину, и, я уверен, гражданин Каин не откажется дать пояснения.

Глава одиннадцатая

Мертвая вода

— **П**редставив вам всех присутствующих, — обратился Георгий Георгиевич к маистру Проникле, — я возьму на себя смелость представить и вас нашему небольшому коллективу выдающихся людей и деятелей.

Маистр Проникла вскочил, словно подброшенный снизу пружиной, и, уперши белый взор в потолок, откинул назад голову.

И замер.

— Долгие и героические путешествия маистра в недра Земли, — начал Георгий Георгиевич, — привели его к ряду выдающихся открытий. В частности, он открыл Подземелье.

— Подземелье, — повторил маистр Проникла.

— Гигантскую полость в сердце нашей планеты.

— Полость! — жестяным голосом повторил магистр Проникла.

— И в этом заключается его вклад в наше общее дело.

— Объяснить! — потребовал Проникла.

Я специально откладывал момент объяснения до общей встречи Президиума. И сейчас нам предстоит решить, достоин ли магистр Проникла быть принятым в наши ряды.

— Вот именно, — согласился магистр и со стуком уселся на место.

— Любое великое открытие, — сообщил Георгий Георгиевич голосом кота, который просит котлетку, — происходит в несколько этапов. Вначале оно рождается в мозгу гения.

Георгий Георгиевич поклонился Раисе Зиновьевне, а она сунула в щель черного колпака свежий кроссворд, наверное, в награду мужу за его изобретение.

— Академик Сидоров, великий гуманист, всегда думал о благе прогрессивного человечества, — продолжил Георгий Георгиевич. — И когда он сделал открытие, то поделился им со своей супругой, а она в поисках спонсоров и друзей обратилась к нам.

Раиса Сидорова принялась улыбаться и качать прической.

— В чем же суть великого открытия? — сказал Георгий Георгиевич. — А вот в чем: Академик Сидоров изобрел концентрированный стимулирую-

щий активный раствор. А проще — сбылась мечта всех народов! Открыта живая вода!

Возникла пауза, и все обернулись к магистру Проникле, будто ждали, что он примется хлопать в ладоши и кричать. Но тот лишь медленно повернул свою жесткую голову и потребовал:

— Объясните принцип действия!

— Только в общих чертах! — предупредила Рариса Сидорова. — Человек он еще не проверенный. Может убежать к врагам.

— Никто еще от нас не убежал, — произнес мальчик в черных очках. Ему хотелось казаться грозным и решительным, но оболочка у него была мальчишья, худенькая, и ничего грозного не получалось.

— Не тяните! — чуть громче сказал магистр Проникла. — Я жду!

И тут послышался глухой, будто из глубокого подземелья голос, который на самом деле исходил из-под черного стеклянного колпака, под которым сидел Академик Сидоров.

— Я сам скажу!

И наступила тишина.

— Я вывел формулу, — произнес Академик Сидоров утробным голосом, — вещества, которое, будучи введено в организм человека, возвращает ему молодость. И этим всё сказано.

— Это правда?! — магистр Проникла был поражен.

— Это больше, чем правда, — сказал Георгий

Георгиевич. — И уже есть человек, который стал молодым.

И Георгий Георгиевич широким жестом показал на Каина.

— Это он, руководитель нашей охранной службы, — произнес он. — И я должен признать, что в настоящее время календарный возраст гражданина Каина достигает двухсот пятидесяти лет, а физический... — он неуверенно глянул на Каина.

— А черт его знает, — сказал гражданин-мальчик Каин. — Лет тринадцать-четырнадцать. Но не в этом дело...

— Каждый из членов президиума имеет право претендовать на свою долю живой воды, — продолжил Георгий Георгиевич. — И вы должны понимать, какие открываются финансовые и политические перспективы.

— Это приведет к катаклизмам в масштабе всей планеты! — заявила Кассандра.

— До масштабов всей планеты дело не дойдет, — возразил Георгий Георгиевич, — но осторожность не помешает. Потому что стоимость одной порции живой воды достигает шести миллиардов условных единиц.

— Точнее, каких единиц? — спросил магистр Проникла.

— Долларов, долларов! — закричал в ответ Каин. — Я сам платил, понимаешь? Сам, лично, из своих трудовых сбережений!

— И долго сберегал? — серьезно спросил магистр.

Как потом оказалось, он шутить не умел, потому что когда ему в детстве вырезали гланды, доктор нечаянно вырезал ему заодно и чувство юмора. Но магистр Проникла не подозревал о том, что у него нет чувства юмора.

— Всю сознательную жизнь, — ответил гражданин Каин, у которого было чувство юмора, но своеобразное.

Георгий Георгиевич постучал кончиком золотого карандашика по столу, призывая к тишине.

— Деньги не самое главное, — сказал он. — Есть проблемы и похуже. А именно — каждый грамм живой воды производится из воды обыкновенной. В процессе получения живой воды обыкновенная вода превращается в мертвую воду. И это понятно, потому что в живой воде должно быть столько живости, чтобы обратить вспять всю жизнь человека. Живая вода, каждая молекула живой воды высасывает жизненные силы из сырья. Если говорить конкретно, на производство одного грамма живой воды уходит примерно кубический километр воды обыкновенной. При условии, что на одного человека требуется примерно шесть граммов живой воды, каждый из вас может самостоятельно просчитать ресурсозатраты. Понятно?

— Не понятно, — сказала Кассандра. — Мне

ваши километры непонятны. Это много или мало? Я всё по старинке, графинами и амфорами...

Георгий Георгиевич только отмахнулся от бабки. А вежливая Элина Виленовна сказала:

— Желающие могут подойти ко мне после совещания, и я дам точные цифры. Относительно объема озера Байкал...

Элина Виленовна ничего особенного не сказала, но все поняли, что озеру Байкал грозит гибель. Никто из них на Байкале не был, но еще из школьных учебников все знали, что Байкал — это очень много воды, которая раньше была хрустально чистой, а теперь стала просто чистой.

— К сожалению, — продолжал Георгий Георгиевич, глядя на магистра Прониклу, потому что остальные об этом уже слышали, — мертвая вода обладает рядом отрицательных качеств. В ней никто и ничто не может жить — ни рыбы, ни водоросли, ни даже головастики; любое живое существо, которое попадет в эту воду, немедленно погибает.

— Ну, уж это преувеличение! — загудел из-под колпака Академик Сидоров. — Не сразу, а минут через пять.

— Как вы видите, Академик меня поправил, — согласился Георгий Георгиевич. — Минут через пять...

— А она выздоровеет? — спросил магистр Проникла. — В смысле, вода придет в норму?

— Через двести лет, — ответила Раиса Сидоро-

ва, которая многое знала, потому что муж ей многое рассказал. — Через двести лет в этой воде начнут размножаться амебы и инфузории, а еще через триста лет появятся лягушки.

— А куда вы дели первую воду? — спросил магистр.

— Что вы имеете в виду?

— Вы ведь вот этого гражданина омолодили? — он показал на Каина. — И, наверное, для опытов тоже вода понадобилась?

— Наш завод, — ответил Георгий Георгиевич, — стоит в пустынной полярной местности, мы купили секретный полигон на Кольском полуострове. Раньше на том полигоне производились отравляющие вещества, и остатки их спускали в Половозеро, которое обнесено колючей проволокой в шестнадцать рядов и обкопано рвами и валами. Но в настоящее время Половозеро уже переполнено мертвой водой. Мы можем продолжить наш благородный труд, только если найдем, куда девать мертвую воду.

— А если в реку? — спросил магистр Проникла.

— В какую?

— Например, в Амур? Или в Волгу? А потом эта вода уйдет в море или океан.

— Была такая идея, но она опасная, — признался Георгий Георгиевич. — Ведь тамошнее местное население будет пить эту воду или умываться ею. И быстро вымрет. А как только вымрет, начнется расследование, и худо-бедно до нас они докопаются.

Все замолчали.

Молчали и глядели на магистра Прониклу.

Наконец Георгий Георгиевич произнес:

— Теперь вы понимаете, наш новый уважаемый коллега, что ваше сообщение может иметь для нас принципиальное значение.

— Понимаю, — ответил магистр своим жестяным голосом. — Но мой вклад в общее дело дорого стоит. Я должен стать первым в очереди на омоложение!

— Это мы еще посмотрим, — воскликнула Раиса Зиновьевна. — Только после моего супруга!

— Я предупреждала! — заявила бабка Кассандра, — что всё это хорошо не кончится.

— В порядке живой очереди! — заявил Эфимыч. — Мне тоже моя юность часто снится.

— Не пойдет! — сказал магистр. — Ищите сами, куда ваши помои сливать. Или шесть миллиардов мне!

Магистр поднялся и отодвинул стул. Он еще больше стал похож на гороховый стручок.

Начался шум и движение; некоторые стали упрашивать Прониклу не уходить, но тот был непреклонен.

Уловив мгновение тишины, Элина Виленовна спокойно и тихо сказала:

— Уходите, уважаемый магистр. И оставайтесь стареньким. Кстати, сколько вам лет в обед?

— Неважно!

Но никуда стручок не ушел.

А вернулся на свое место и сел.

— А теперь расскажите нам, что вы нашли, и что вы можете положить в нашу общую копилку, — велела Элина Виленовна.

Конечно, она не была главной, но зато умела говорить так, что даже шепот ее был слышен в любом углу зала.

И магистр Проникла подчинился ее приказу.

— Моя специальность, — сказал он, — а также мое хобби — коллекционирование пещер. Я уже наколлекционировал шестнадцать больших и восемьдесят три малых пещеры. В разных частях света. Большую часть жизни я провожу под землей и получаю от этого удовольствие. А также извлекаю доход. Теперь много туристов, которые туда лезут. Очертя голову. Многие падают в пропасть, но мы их не жалеем.

Магистр Проникла говорил коротенькими фразами и не заботился о том, чтобы они были гладкими, законченными или красивыми. Будто вообще привык молчать.

— С каждым годом я забирался всё глубже. Так завещали родители. Покойные. Я стал магистром спелеологии, и меня уважают. Наконец в прошлом году я отыскал Полость. Мечту спелеолога. Это очень большая Полость глубоко под землей, там даже есть свое небольшое светило из подземной лавы. В этой Полости можно разместить го-

род Москву или даже страну Люксембург. Это чудо природы! Но я не могу пускать туда туристов, потому что проникнуть в Полость можно только узким ходом. Он называется Нитью. Длина Нити пять километров, ширина в узких местах десять сантиметров. Надо бурить шахту в твердом граните на пять километров. Почти невозможно. Но если будет цель, то всё получится!

На этом магистр Проникла закончил свою речь, и все стали глядеть на Георгий Георгиевича, потому что пока что не до конца поняли, в чем смысл открытия магистра.

— Не поняли? — произнес Георгий Георгиевич и засмеялся как медный колокольчик. — А надо бы понять! Потому что в эту Полость мы сольем всю мертвую воду. Если надо будет слить шесть километров, сольем шесть, а надо будет слить Ладожское озеро — оно пропадет бесследно, и никто никогда не догадается, что с ним случилось!

Вот тут-то члены президиума и догадались, зачем им нужна гигантская Полость в центре Земли.

И раздались аплодисменты.

Лишь Кассандра по имени Маргарита Федоровна не хлопала в ладоши.

— Предсказываю трагедию! Предвещаю крушение ваших планов. О нет, не стать мне снова молодой! Мои мечты напрасны... а надо сказать, что в молодости я была сказочно хороша. Некото-

рые греческие герои стрелялись из-за любви ко мне... из лука.

— Есть одна сложность, — прервал Георгий Георгиевич всеобщее ликование, — и вы все ее, надеюсь, видите. Нить, которая соединяет Полость с поверхностью Земли, такая узкая, что мертвая вода будет литься туда лет двести. Надо срочно пробурить шахту глубиной в пять километров!

Тут подал голос гражданин Каин.

— Нестыковочка получается, господин хороший, — прошипел он ядовитым голосом. — Если эта нитка всего десять сантиметров — сам сказал! — то как ты, голубчик, туда пробрался? Не нравится мне, когда новички врут. Сдается мне, что тебя к нам заслали!

Угрожающий ропот прокатился по залу. Даже Академик взроптал под своим колпаком.

— Дурачье, — жестяным голосом произнес магистр Проникла. — Кто вам сказал, что я принадлежу к человеческому племени?

Никто не признался, потому что магистр был прав — никто не говорил, что он человек. Но никто и не сомневался в том, что он человек.

— Кто же вы? — спросила Раиса Сидорова.

Ловким движением магистр Проникла растегнул ворот своей жесткой одежды, и тут его голова начала подниматься вверх, а за ней тянулась длинная-длинная и довольно тонкая шея. Не прошло и минуты, как голова магистра уже покачи-

валась чуть ли не под потолком, а шея всё вытягивалась и вытягивалась. А потом это вытягивание кончилось, потому что магистр весь вылез из своей одежды, которая осталась сидеть за столом; сам же он, покачавшись на хвосте, вдруг свернулся в несколько колец и улегся на стол, поворачивая голову вокруг оси. И не очень было понятно, змея он или червяк особо крупного размера.

Этот вопрос и задала ему Кассандра:

— Скажи, гонец злодейства, — спросила бабка, — ты относишься к классу змей или к червям?

— Происхожу я от благородного рода глистов-солитёров, — сообщил магистр Проникла. — Со временем мои предки покинули человеческие тела, которые ограничивали творческий рост моего семейства, и стали самостоятельны. Нам не очень приятно вспоминать о том, что когда-то мы были глистами, хотя мы этого и не стыдимся. От змей нас отличает благородная гладкость тела и отсутствие чешуи, от безмозглых же червей — высокий интеллект. Так что считайте нас особым, уникальным, неповторимым и даже эксклюзивным созданием природы. Мы Прониклы из класса Проникло, род Проникловых. Надеюсь, теперь у гражданина Каина не осталось сомнений в моих способностях?

Каин был разочарован. Он когда-то служил сыщиком и ловил воров, а до того и сам побывал в ворах и разбойниках. Так что ему всегда хотелось ко-

го-нибудь хватать. Или добычу или вора. А тут — только он занес свою когтистую лапу, а глянь — жертва-то и вырвалась!

Поэтому он ничего не ответил Проникле, а подумал — придет мой час, застукаю я тебя, червяк, на какой-нибудь помойке, тогда ты уж у меня не выскользнешь!

А червяк (я буду называть его червяком, потому что все в зале мысленно называли его червяком) вообще никому не понравился.

Тем временем магистр Проникла ловко подпрыгнул и утодил хвостом точно в ворот оставленного им костюма, ввинтился в него, и скоро из ворота торчала лишь голова с белыми выпученными глазами.

— Наш друг магистр Проникла, — сообщил Георгий Георгиевич, который ни капельки не удивился, словно видел червяка без одежды уже не раз, — побывал в полости и составил нам ее описание.

— Так как будем решать? — спросил вдруг Эфимыч, который до этого дремал, потому что утром обожрался в корейском ресторане, где умаял целую собаку. — Бурить будем или искать другой путь в Подземелье?

— Сначала искать, — ответила Элина Виле-новна, — а потом, если не найдем другого хода, то бурить.

— Тогда я пошел, — сказал Эфимыч. — Что-то я проголодался, наступает счастливое время обеда.

— Только два слова, — остановил его Георгий

Георгиевич. — Я должен вас предупредить, что в освоении Полости мы не одиноки.

— Есть еще другой червяк? — спросила Раиса Сидорова.

— Хуже, — сказал Георгий Георгиевич. — Каин, доложи.

— По данным нашей разведки, — Каин поднялся и сделал зверское лицо. — По данным нашей разведки о существовании Полости знают некоторые гномы и прочая подземная нечисть.

— Ну и что? — спросила Раиса Зиновьевна. — Пускай знают. Мы их польем мертвой водичкой, и они перестанут мешать добрым людям.

— Шутки в сторону! — жестким голосом сказала Элина Виленовна. — Мы не знаем, какие гномы или тролли, а то и колдуны прознали про Полость, и для чего она им может понадобиться. Нельзя недооценивать противника! Его надо сначала уничтожить, а уж потом недооценивать.

— А может, им и не нужна наша Полость? — спросил Эфимыч.

— Вот этим ты как эксперт и займешься, — сказала Элина Виленовна. — И срочно!

— А если они знают, — подал голос Академик Сидоров из-под своего колпака, — может, они и более короткий и безопасный путь туда покажут?

— Все свободны, — сказал Георгий Георгиевич. — Остаются только специалисты.

Глава двенадцатая

Фонду нужны деньги

В громадном как хоккейный стадион кабинете президента Международного Университетского Фонда Развития остались только специалисты.

Только свои. Самые доверенные.

Сообщники.

Сам Георгий Георгиевич, прекрасная секретарша Элина Виленовна, начальник службы безопасности — бывший разбойник и сыщик гражданин Каин — и старик Эфимыч, эксперт по сказочным вопросам.

— Мы все внимательно выслушали сообщение нашего нового друга, — начал Георгий Георгиевич. — Сначала, признаюсь, я ему не очень верил, но проверка, проведенная уважаемым гражданином Каином, показала, что магистр Прони-

кла и в самом деле принадлежит к древнему роду червей, покинувших людей ради пещер и подземелий. И то, что наш новый друг сказочно богат, тоже правда. И не только за счет денег, которые он получает от туристов. Гораздо важнее те драгоценности, которые он добывает в пещерах, и те клады, которые когда-то спрятали в пещерах разбойники. И если кто и побывал в таинственных глубинах Земли, это именно он — Проникла!

— Про Полость он тоже рассказывал. Своим родственникам, — мрачно произнес гражданин-мальчик Каин. — Всё записано, всё схвачено. Но без него нам в ту Полость не пролезть. Нет второго такого червяка.

— Так что лучше нам с ним дружить, чем бороться, — сказала Элина Виленовна.

И все с ней согласились.

— Но теперь возникает другая проблема, — продолжил Георгий Георгиевич. — По словам магистра, о Полости знают какие-то гномы и примкнувшая к ним подземная нечисть. Это может нам повредить, хотя может и не повредить. Но всегда лучше учитывать опасности и трудности, чем забывать о них. Всё равно что забыть о скорпионе у себя под подушкой. Он может вылезти из-под подушки и цапнуть тебя за ухо. Больно, обидно и даже оскорбительно.

И все согласились, что это больно и обидно.

— До сегодняшнего дня я относился к сообще-

ниям о знакомстве гномов с Полостью скептически, то есть не обращал на них внимания. Но именно сегодня утром произошло знаменательное событие. По сообщению моего единственного сына и наследника Гоши, в оздоровительном лагере «Елочка» была замечена лягушка-оборотень. Характерная черта этого маленького чудовища — корона на голове. — Георгий Георгиевич повернулся к Эфимычу, который чесал себя за волосатым ухом. — И вот тут мне нужна консультация специалиста, то есть тебя, как эту лягушку использовать. Короче, посмотри на корону и скажи всё, что можешь сказать, — велел он.

Георгий Георгиевич вынул из кармана завернутую в бумажку корону, которую Каин отобрал у Ванессы.

Корона, маленькая, с лесной орех, засверкала ослепительным бриллиантовым блеском.

Георгий Георгиевич держал ее между большим и указательным пальцами, и все начали щуриться от этого нестерпимого блеска.

Эфимыч подставил ладонь.

Георгий Георгиевич положил на нее корону.

Эфимыч поднес корону к носу и понюхал. Понюхал он так сильно, что корона взлетела в воздух и чуть было не улетела ему в ноздрю, но гражданин Каин был начеку, недаром он руководил службой безопасности МУФРа.

Его тонкая как хлыст ручонка молнией взлете-

ла в воздух и сшибла корону с пышной ладони Эфимыча у самой широкой, волосатой его ноздри. Каин подхватил корону в воздухе, туго сжал в кулачке и протянул Георгию Георгиевичу.

— Ата-бой, — пропел Георгий Георгиевич, — маленький герой!

Он выхватил корону из кулачка гражданина Каина и свободной рукой отечески потрепал мальчика по щеке.

А Элина Виленовна с чувством сказала Эфимычу:

— Убить тебя мало, барсук!

Тот не огорчился, а развел волосатыми, по локоть голыми лапами и ответил:

— С любимым бывает! Кто из нас брильянтов не вдыхал? — И утробно заржал.

Георгий Георгиевич не стал ждать, пока он отсмеется, а ткнул в бок карандашом и велел:

— Говори про корону.

Эфимыч вздохнул, потер бок и заговорил:

— Таких давно не делают. Известно было о трех коронах. Их привезла царица Савская царю Соломону из своих аравийских шахт. Сделали их по заказу волшебника Махмудова, который жил еще до нашей эры, для его дочерей, царевен-лягушек. Бриллианты для них добыты, по словам Геродота, почти в центре Земли, где они были под таким давлением, какое обыкновенным алмазам даже и не снилось. Поэтому у них особый блеск. Они не только отражают и преломляют лучи

света, но и испускают свет подобно фонарикам. Больше таких бриллиантов не существует. Я думал, что все эти короны пропали еще две тысячи лет назад, но оказывается, одна из них сохранилась.

— Значит, алмазы особенные?

— Из центра Земли.

— Из Подземелья, про которое говорил червяк?

— Не исключено, — ответил Эфимыч.

— А зачем нужна такая корона?

— Если ее наденет сказочная принцесса, то по желанию она может превратиться в лягушку. Или наоборот — из лягушки в принцессу. Очень полезно для сказок и замужества.

— А сколько такая корона стоит? — спросила Элина Виленовна.

— А, пустяки, — отмахнулся эксперт по волшебству. — И если вы думаете, что я ее нарочно занюхивал, то глубоко ошибаетесь. Ничего она не стоит!

— Врет, — уверенно сказал гражданин-мальчик Каин. — Я по глазам вижу — врёт. Я таких в три минуты раскалываю. Дайте мне его на дыбе подержать или пальцы ему дверью прищемить. Он у меня сразу признается.

— Только не это! — закричал Эфимыч. — Лучше я сразу у вас ее куплю. Сто тысяч баксов вас устроят?

— Ого! — Георгий Георгиевич даже присвистнул.

— Значит, на самом деле как минимум полмиллиона, — авторитетно заявил гражданин Каин.

— Ох, чует мое сердце, что Полость на самом деле существует. И прежде чем мы наполним ее мертвой водой, надо как следует поискать, не осталось ли там алмазов, — сказал Георгий Георгиевич.

— И я вам пригожусь, — добавил Эфимыч. — Я же специалист! Я вам буду полезен!

— Что ты еще знаешь о Полости? — спросил Георгий Георгиевич.

— По древним сказкам и легендам, гномы испокон веков пробирались туда за драгоценными камнями особой чистоты и блеска. Там обитают некоторые существа, которых на Земле уже не осталось. Например, племя огневых троллей.

— Прелестно, — сказал Георгий Георгиевич. Он уже принял решение. — Мы должны обогнать всех! И врагов и друзей. Трубы на фабрике игрушек уже заготовлены?

— Буровую можем запустить хоть завтра, — ответила Элина Виленовна, — но для бурения нужны деньги.

— Знаю! — рявкнул Полотенец. — Что ты мне указываешь!

— Я только говорю, шеф, что нам нужны деньги. Миллионы и миллионы долларов. Нам придется пожертвовать всеми наличными.

Георгий Георгиевич шлепнул ладонью по кнопкам телефона.

— Бухгалтерия? — спросил он.

— Бухгалтерия.

— Семен Трофимыч?

— Он самый, — ответил главный бухгалтер.

— Сколько наличных в кассе Фонда?

— У нас есть пятьдесят семь миллионов долларов, — ответил бухгалтер.

— Начинайте пересчитывать и складывать в мешки! — велел Георгий Георгиевич.

— Когда деньги нужны? — спокойно спросил Семен Трофимович, старый финансовый волк, который присутствовал при рождении и самоликвидации многих магнатов. Он не изменился за последние семьдесят лет. Именно семьдесят лет назад мама надела ему синие сатиновые нарукавники, вручила новые очки и сказала:

— Богатым можешь ты не стать, но на свободе оставайся!

Тогда маленький Сема Сидорчук не мог оценить всей мудрости маминых слов.

Зато теперь оценил.

— Сегодня вечером. В девять тридцать, после окончания трансляции футбольного матча между «Манчестер Юнайтед» и «Реалом» по каналу НТВ.

— Значит, в Великобритании будет как раз половина седьмого вечера, — сказал главный бухгалтер Семен Трофимыч Сидорчук, знаток и болельщик футбола, но Георгий Георгиевич уже отключился.

— Чем труднее задание, — произнес он, обратив свой взор на гражданина Каина, — тем больше доверие руководства. Я доверяю тебе самое дорогое. Другого выхода у нас нет!

— Я понимаю, — сказал гражданин Каин, повернулся и без единого слова покинул кабинет шефа.

Работа в кабинете Полотенца кипела.

Георгий Георгиевич постоянно держал связь с Раисой Зиновьевной, которая готовила спецсамолет для перевозки Академика Сидорова на фабрику детской игрушки «Малютка-супер», что расположена в корпусах бывшего биологического полигона на Кольском полуострове.

Роботы, которые составляли гарнизон и служили научными сотрудниками фабрики, получили приказ готовить аппаратуру для запуска Конвертера живой воды.

Затем появился деловитый червяк Проникла.

Он привез с собой координаты Полости и объемные планы, из которых было ясно, откуда и куда надо бурить ход для мертвой воды.

Проникла долго торговался и в конце концов согласился на миллион и пятое место в очереди на омоложение. Он составил карту, взял чек и исчез.

Глава тринадцатая

Сегодня вечер сказок!

Лолита, Ванесса и Сева сидели на скамейке у волейбольной площадки. Они понимали, что нельзя так сидеть, нельзя бездельничать, потому что это признание поражения. Но сидели, потому что сил подняться и уйти у них не было.

Иногда они разговаривали — так, о пустяках, — только чтобы не думать о печальном и даже позорном случае. Раз в жизни им попалась настоящая волшебная корона — и вот, тут же выскользнула у них из рук!

А тут, как назло, пришел Гриша Сумской.

— Ванесса, — сказал он, — отойдем, поговорить надо.

На что Ванесса совсем уж невежливо отозвалась:

— Нет у меня твоей короны! Не могу я тебе ее отдать обратно.

— Почему? — глупо спросил Гриша.

— Потому что ее у меня отняли!

— Гоша отнял? — спросил сообразительный Гриша Сумской.

— Он?! Отнял?! — возмутилась Ванесса. — Нет, он специалиста подослал. Настоящего киллера!

— Тогда ты правильно сделала, что отдала, — сказал Гриша. — Мне бы тебя не доставало.

И он так печально это сказал, что все засмеялись.

Как будто нарыв лопнул. И теперь уже не так больно.

А Гриша обиделся. Он, такой добрый, простил девушку, а она смеется! Это же несправедливо!

Он хотел уйти, но Лолита, которая его пожалела, велела ему сесть на скамейку, потому что у них общее горе. А общее горе объединяет.

Гриша сел и стал думать об обеде. Его большой и быстро растущий организм часто думал о еде.

Гриша посидел-посидел и решил было пойти в столовую проверить, любят ли его еще поварихи, но тут на дорожке показался физкультурник Рома Столичный, младший брат Афанасия Столичного, который был начальником лагеря.

— Савин — это ты? — спросил он Гришу Сумского.

За четыре дня он еще не успел выучить имена всех своих подопечных. Ему простительно. Он смотрел только на будущих чемпионов.

— Никакой я не Савин, — ответил Сумской.

— А что? — спросил Сева.

— Начальник лагеря зовет, — сказал Рома. —
К телефону тебя.

— Меня?

— Непонятливый, что ли? — удивился Рома.

Рома был человек простой и всегда всему удивлялся. Мир ему казался загадочным и даже угрожающим. И понятно — столько раз он выходил в финал разных соревнований и никогда не становился чемпионом: то соперники мешали, то погода, то судьба. Рома много раз менял вид спорта, чтобы обмануть судьбу, но так и не обманул. Однажды он поднимал штангу, и представьте себе — гриф штанги (это такая палка, к которой крепятся чугунные блины) сломался в самый решительный момент, — хорошо еще, никого не зашибло! Разочаровавшись в штанге, Рома занялся ориентированием. Это такой странный вид спорта, когда надо бегать по лесу и искать спрятанные в пеньках и дуплах передатчики. В Гватемале он бежал первым, но тут началось землетрясение и поглотило последний передатчик. Вот и не засчитали Роме победу! Потом он выступал за сборную России по русскому хоккею, который за границей называют «бенди». Играли со Швецией на льду озера Тотенхавен, и в тот момент, когда Рома замахнулся клюшкой, чтобы всадить решающий мяч в ворота соперников, лед проломился, и Рома оказался в ледяной воде. Хорошо еще, что сумели вытащить

живым, но хронический насморк остался на всю жизнь.

Много еще было в его жизни трагических случаев, и закончил он свою спортивную карьеру физкультурником в лагере у своего брата. Но это еще не самый худший вариант.

Рома повел Савина в домик дирекции, где стоял телефон.

— А вы чего так хромаете? — спросил Сева.

— На какую ногу? На правую или на левую?

— На обе.

— На правую я занимался марафонским бегом по бездорожью, пересекал Кению и Танганьiku. Ты меня слушаешь, пацан?

— Слушаю.

— И как назло — стадо слонов. Последним шел слоненок, и у него была куриная слепота. Он наступил мне на ногу. А левая нога — спортивная ходьба. Стадион в Сиднее. Дистанция двадцать километров, толпы зрителей безумствуют, моя любимая девушка Настя выступает за команду Белоруссии, и вдруг я вижу, что один абориген целится в нее бумерангом. Знаешь, что такое бумеранг?

— Знаю, конечно!

— А я не знал. Бумеранг поражает Настюху под коленом, она падает, и ихняя австралийка обходит ее. И тогда я — не нарушая правил, — хватаю Настю на руки и шагаю с ней на руках к финишу. Это

дозволено правилами... Да, дозволено. И в этот момент начинает извергаться вулкан Везувий!

— Роман, — раздался голос из открытого окна. — Не отвлекай своими сказками молодого человека от дела.

— Это не сказки, это трагедия моей жизни!

— Никакого Везувия в Австралии нет! — крикнул Афанасий Столичный. — Можешь спросить у мальчика.

— Да я сам его видел! — возмутился Роман. — Я как раз рассказываю, почему стал хромать. А стал я хромать, потому что капля расплавленной лавы капнула мне на левую ногу. Вот и хромаю теперь на обе ноги.

— Везувий, — заорал Столичный-старший, — в Неаполе!

От звука его мощного голоса закачались деревья, и листья полетели на траву.

— Я и говорю в Неаполе, — согласился Роман. — В Австралии.

Никто не стал с ним спорить, и Сева вбежал в кабинет начальника лагеря и схватил телефонную трубку.

Телефон был большой, тяжелый, похожий на египетскую пирамиду со срезанной вершиной, из которой торчала пара изогнутых рожек, чтобы удобнее было класть на них трубку.

— Всеволод? — раздался в трубке голос, который Сева сразу же узнал — голос царевны-лягуш-

ки. Он был взрослый, густой, низковатый для такого хрупкого создания, чистый, и все слова она выговаривала очень правильно, словно иностранка, которая отлично изучила русский язык.

— Здравствуйте, — сказал Сева.

Со стороны (например, со стороны начальника лагеря) могло показаться, что Сева совершенно спокойно разговаривает по делам с какой-нибудь своей дальней родственницей. А на самом деле внутри у Севы всё дрожало, растворялось и превращалось в кисель. И это было бы еще ничего, что голова стала кисельной и руки окиселились, но гораздо хуже было с ногами: они тоже расплывались, и пришлось Севе свободной рукой вцепиться в край стола, чтобы не съехать на пол и не расплющить свой кисельный нос об угол.

— Сегодня вечером, — сказала царевна, — Афанасий Трофимыч устроит в лагере вечер сказок, и ты уж, пожалуйста, никуда не уходи. Сиди возле большого костра и внимательно слушай всё, что будут там рассказывать и показывать. И учти, что артисты будут в самом деле сказочными и так далее. Ты меня понимаешь?

Что значит «и так далее» Сева не понял, но переспрашивать не стал.

— Ты меня понимаешь? — повторила лягушка.

— Понимаю... — ответил Сева, а так как лягушка молчала, он решил, что тоже должен что-нибудь сказать, и сказал:

— Вы меня простите, что с короной так получилось. Я доверился Ванессе, а она оказалась ненадежной. Ее обманули.

Сева еще не кончил говорить, как понял, что ведет себя нечестно — пытается свалить на Ванессу свою вину. Пошел бы он сам за короной или охранял бы Ванессу, и ничего бы не случилось!

— Вы не виноваты, — сказала царица, — и я не сержусь. Потому что Ванессу ограбил Ванька Каин, это древний и очень хитрый разбойник. Если хочешь, сходи в библиотеку, там должна быть книжка о нем. Но надежда не потеряна. Гномы обещали сделать мне новую корону, а может и эту, старую, еще удастся вернуть. Но без короны, скажу тебе, Сева, мне плохо, потому что теперь я не могу превращаться в лягушку, а для наших дел это так нужно! — Царица глубоко вздохнула.

Потом добавила другим, куда более деловым голосом:

— Я тебе всё сказала. Будь внимателен и делай вид, что играешь в сказку. Ты умеешь...

— Я умею!

— Мы встретимся.

— Когда?

Ничего не поделаешь, Сева чувствовал, что царица-лягушка ему нравится, причем не как царица, а просто как девушка. И если бы она не была такой старой, может, он влюбился бы в нее всерьез.

— Придет время, и мы встретимся, — повторила царевна и повесила трубку. А Сева так и остался стоять с трубкой в руке, потому что его посетила грустная мысль — на самом деле царевна, деликатное создание, просто не хочет признаться, как сердита на него за то, что он, Сева, не смог выполнить ее небольшой просьбы — сохранить и вернуть корону...

— Поговорили? — спросил начальник лагеря.

— Да, извините, — ответил Сева и положил трубку на рожки.

— Знакомая? — вежливо спросил начальник лагеря.

— Она? — Сева задумался. И в самом деле, кто она ему? Просто знакомая лягушка? Или принцесса, в которую он намерен влюбиться?

— Не хочешь, не отвечай, — прогудел Афанасий Трофимыч. — Ты свободен. Возвращайся к друзьям. Скоро горн на обед прозвучит. Ах, как я люблю этот звук! Но всю жизнь ненавидел мелодию: «Вставай-вставай-вставай, штанишки надевай...»

Начальник лагеря пел басом, а снаружи ему подпевал несчастный Роман.

Глава четырнадцатая

Сева остается один

Когда Сева вышел на дорожку, начальник лагеря высунулся по пояс из окна и прогудел:

— Скажи во втором отряде, что сегодня вечером у нас будет Большой костер Сказок! Желающих приглашаем!

— Я знаю, — ответил Сева.

Он добежал до волейбольной площадки, но там застал только Лолиту. Она его дожидалась.

— Мог бы и подольше гулять, — сказала она, — на обед мы теперь точно опоздали.

— Ну и шла бы обедать! — грубо ответил Сева. И понятно — в тот момент в его ушах всё еще звучал хрипловатый голос царевны-лягушки, и Лолита казалась ему не такой привлекательной, как обычно.

Лолита всё поняла и пошла прочь.

Женщины вообще лучше чувствуют, чем мужчины, особенно что-нибудь неприятное.

Сева понял, что виноват, и догнал Лолиту.

— Мне позвонили, — сказал он, — и сообщили, что вечером будет большой костер. Вечер сказок. Понимаешь?

— Не понимаю и понимать не желаю, — отрезала Лолита.

У них с Ванессой была общая беда. Они почему-то решили, что они самые красивые, самые умные, и вообще самые-самые во всем лагере. И все просто обязаны ползать перед ними на коленях. И уж если они кого осчастливили своим вниманием, то благодарность должна быть на всю жизнь с прицепом...

— Просили сидеть поближе к костру, — не отставал Сева, — потому что для нас будет идти текст. Может, и задание...

— Вот и выполняй!

Тут они вошли в столовую и поспешили к своим местам. Сева сел, а Лолита тоже села и стала делать вид, что Сева ей по фигу, и вообще она с ним не знакома. Сева сначала немножко расстроился, а потом решил, что всё это не так уж и важно, потому что у него, у Севы, есть настоящая тайна. Человек может только мечтать о том, чтобы поговорить по телефону с настоящей царевной из волшебного царства! И пускай некоторые считают тебя дураком, но позвонила царевна именно ему, Севе, а не кому-нибудь еще!

И всё-таки оставаться одному не очень хотелось. И Лолита с Ванессой не такие уж плохие люди, жаль только, что у Севы нет друга парня. В Москве он вообще с женщинами не дружил — некогда пустяками заниматься! Но здесь так получилось, что жизнь диктует свои правила игры.

Сева придумал эту фразу, и она ему понравилась. Ему часто нравились собственные фразы. Не исключено, что, когда вырастет, он станет политиком или писателем.

Сева вышел из столовой: впереди еще полдня, которые надо занять, потому что если ты чего ждешь, то время начинает тащиться еле-еле.

Мимо прошла Лолита и даже не посмотрела в его сторону.

А Ванесса не знала, что Лолита злится на Севу, и спросила:

— Какие новости, командор?

— Разговаривал по телефону с нашими друзьями, — шепотом сообщил Сева, хотя никого из врагов поблизости не было.

— И что сообщают? — спросила Ванесса. Тоже вроде в шутку, а может и всерьез.

— Сегодня вечером будет большой костер, как будто вечер сказок.

— Почему как будто?

— Потому что на самом деле некоторым здесь придется внимательно слушать, что нам скажут, а потом исполнять.

— Опять врешь, Савин?

— Провалиться мне на этом месте! Чтоб я сникерса в жизни не увидел!

— Круто, — согласилась Ванесса.

— Мы должны сидеть поближе к костру, чтобы не пропустить важных слов. Так сказала принцесса.

— Значит, ты с ней разговаривал? — спросила Ванесса. Теперь она не считала Севу пустым трепачом.

— А с кем же еще?

— Так неловко получилось с этой короной!

— Она просила тебе передать, чтобы ты не беспокоилась. Она сама виновата.

Это Ванессе понравилось. Ведь никто не хочет быть виноватым, тем более если старался для другого. Хорошо еще, что тебя напришибли!

— Мне она вообще понравилась, — сказала Ванесса.

— Мне тоже, — сказал Сева.

И кто его за язык тянул! Но он уже не мог остановиться!

— Я даже сделал ей предложение.

— Какое предложение?

Севу понесло:

— Понимаешь, в волшебном мире разрешают жениться с двенадцати лет. Так что я сделал царевне предложение руки и сердца.

— Вот это номер! — У Ванессы даже глаза стали квадратными. — Ты не врешь?

— Она дала согласие, — сказал Сева, — но я не

уверен, что у меня дома эту новость примут с одобрением.

— Или ты меня разыгрываешь, или ты последний идиот в этом лагере, — сказала Ванесса. — И подозреваю, что второе к тебе больше подходит.

— Клянусь чем хочешь!

— Можешь не стараться, придурок, — сказала Ванесса. — Тебе еще ждать и ждать, пока... сказала бы, да стыдно за тебя, младенец!

И Ванесса пошла прочь, а Сева стоял, смотрел ей вслед и никак не мог понять, зачем он нес эту чепуху? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что все это — детская ложь. К тому же Ванесса принцессу видела и знает, что ей не меньше шестнадцати.

Сейчас бы вернуть свои слова обратно, да как их вернешь?! И будут ему теперь вслед кричать: тили-тили-тесто, жених и невеста! Может, конечно, и не будут, но позор всё равно останется.

В таком вот настроении Сева отправился в свой домик взять книжку о тайнах истории, потом убежать с ней в чащу, за забор, и до вечера никому не попадаться на глаза.

После обеда был тихий час, или час отдыха, называйте как хотите, но во втором отряде не дети, так что далеко не все его соблюдали. Домик был почти пуст, так что Сева без помех взял книжку и напрямик, чтобы его не видели, побежал к забору, чтобы выбраться в лес.

Краем глаза он замечал, что происходит вокруг, но как-то не очень интересовался. Он заметил, например, что на ступеньках у заднего входа на кухню сидит Сумской и поварешкой дочерпывает компот из большой кастрюли — везет ему с друзьями! На волейбольной площадке стучит мяч — первый отряд разминается. Из пустого бассейна доносятся голоса, его с утра чистят — взялись за дело всерьез... Вот и последние кусты, а за ними дыра в заборе.

Сева пролез сквозь дырку и углубился в лес. До начала Вечера сказок оставалось шесть часов...

Глава пятнадцатая

Большой костер на поляне

На самом деле всё оказалось обыкновеннее, чем думал Сева. Сразу после ужина, когда солнце еще не село, а лишь коснулось еловых вершин и поджало лучи, наколовшись на них, на территорию лагеря въехал трейлер, разукрашенный светящимися надписями и рисунками. И надписи и рисунки менялись: то надпись становилась рисунком, то рисунок — надписью. Пока трейлер разворачивался на площадке перед воротами, на его бортах красовались мирные пейзажи (правда, не подмосковные, а какие-то тропические, с кокосовыми пальмами, золотыми пляжами и бирюзовым морем), а когда трейлер ехал по лагерю, тропические пейзажи растворились в тумане, и из него возникли мрачные скалистые обрывы, серое море, сизые облака и голубые заснеженные пики на горизонте. Пики

принялись покачивать острыми вершинами, из них вырвались столбы оранжевой лавы, и черные облака поплыли над ними, извергая раскаленные камни. На самом большом облаке появилась надпись, словно сложенная из мерцающих звездочек — «Наш волшебный мир» гласила она, — а на задней стенке трейлера возник толстый клоун в черном цилиндре и костюме, расчерченном большими оранжевыми и лиловыми клетками. Клоун распахнул широкие двери трейлера, и оттуда стали выскакивать звери, зверюшки, зверята и даже насекомые; они прыгали, летали, щебетали, бегали, ворчали и попискивали, но, отбежав или отлетев на несколько метров от трейлера, растворялись в воздухе.

Но они не исчезали совсем, потому что на месте растворившегося в воздухе существа из земли тут же поднималось дерево, пальма, куст, а то и сказочный, неизвестный, но очень красивый цветок. Так что волшебный трейлер медленно удалялся по аллее, а за ним уже бежали, смеясь и крича, обитатели лагеря «Елочка». Такое приятное настроение исходило от трейлера.

Представление началось в начале десятого.

Больше всего оно было похоже на цирк.

На эстраде, с которой начальник лагеря и санитарный врач иногда говорили свои скучные речи, прыгали акробаты, два тигра дрессировали бородатого фокусника, метатель кинжалов с десяти

шагов швырял свои кинжалы прямо в сердце красивой ассистентке, а та вытаскивала кинжалы из сердца, улыбалась, и ни капли крови из нее не капало. Канатоходцы ходили по воздуху между двумя маленькими эйфелевыми башнями: каната между ними не было, но никто никуда не падал, а обезьяны сражались на хвостах как на шпагах. Два говорящих страуса выплевывали из клювов огненные шары, они складывались в короткие слова на иностранных языках, и по поляне разносился запах французских духов, а может быть тропических цветов, на которые французские духи стараются быть похожими.

Маленький оркестр, состоявший из разных животных — от медведя, который играл на контрабасе, до лисицы с маленькой свирелью в лапах, — исполнял зажигательные мелодии, так что многие начали танцевать. И чем больше народа танцевало, тем многолюднее становился оркестр, словно не только из трейлера, но и из леса, и даже из серебристых вечерних облаков появлялись всё новые и новые оркестранты.

Скоро уже все зрители и актеры танцевали вместе. Танцевали дети, танцевали воспитатели и поварихи, танцевали даже лагерный сторож дядя Тихон и шофер Капитолина — всего человек двести, а может даже больше.

А посреди этого шумного праздника был тихий островок, на который никто не обращал внимания.

Чуть в стороне от эстрады, на которой прыгали акробаты и вообще было много чего интересного, горел костер. У костра лежало толстое бревно, и на бревне, обнявшись, сидели Ванесса и Лолита. А у их ног, чуть в сторонке, сидел, обхватив руками колени, Сева Савин.

Напротив них, по ту сторону костра, был пенек.

На этом пеньке сидела женщина, которая была не одной и той же, а разной.

Вы, наверное, не совсем понимаете, как такое может быть, но всё дело в том, что, с одной стороны, она была одной и той же, а с другой — каждый видел в ней свою собственную бабушку. И был уверен, что и остальные видят именно ее. Вот такая вот хитрость!

Поэтому для Севы женщина была загорелой и еще совсем не старой, в белом платке, покрывавшем пышные с проседью русые волосы. Глаза у бабушки были ярко-голубыми, а одета она была в сарафан и высокие ботинки. А знаете почему? Дело в том, что бабушка Севы живет в Крыму, недалеко от Керчи, а там, на взгорье в степи, на краю которого стоит бабушкино село, встречаются довольно злые скорпионы. Зовут бабушку Марьей Васильевной, но сама она себя называет Мусей, и все в поселке на берегу моря тоже зовут ее Мусей.

Лолита увидела совсем другую бабушку. Но тоже любимую.

Ее бабушка была толстой, говорливой и, хоть и

жила в Москве, родом была из Каменец-Подольского, — это такой красивый и старинный город. Бабушка в молодости увлекалась эстрадными песнями и даже выступала на сцене; правда, ни в Киев, ни в Москву не попала, но, говорят, в Каменец-Подольском Фрида Блом была известной певицей. Бабушка любила громко смеяться, отлично готовила и шила так, что Кристиан Диор, который был поклонником ее таланта, раз двадцать звал ее к себе в Париж закройщицей. Но бабушка сначала была занята песнями, потом воспитывала своего сыночка, потом переключилась на внуку, и в Париж ехать отказалась.

А Ванесса увидела свою бабушку, которую она на самом деле видела очень редко, потому что бабушка всегда ссорилась с ее мамой: они никак не могли договориться, как лучше воспитывать детей — Ванессу и ее сестру Пелагею по прозвищу Палка. Бабушка была сторонницей аристократического воспитания, игры на скрипке и изучения латинского языка, не говоря уж о пристойных манерах, а мама считала, что девочки должны заниматься спортом и бегать кроссы. Девочки бегать кроссы не хотели, но не очень-то любили и латинский язык. Зато с раннего детства научились играть на противоречиях в семействе.

Итак, Сева видел свою крымскую бабушку Мусю, Лолита — бабушку Фриду, а Ванесса свою гордую бабушку Ирину Эдуардовну.

Но всё, что говорила первая бабушка, слово в

слово и одновременно с ней повторяли бабушки вторая и третья.

Так что бабушка была одна, просто ребята видели каждый свою.

Вот мы и нашли с вами тихое местечко, — улыбнулась бабушка.

Как раз в этот момент вереница акробатов наконец-то добежала до костра и принялась через него прыгать. От их прыжков поднялся ветер, и большие искры закружились в темнеющем воздухе.

— Может, пойдем в беседку? — спросила Ванесса и показала на белую беседку, что стояла над обрывом.

— Во-первых, — сказала бабушка, — в беседке сидят двадцать пять любителей туристической песни без слуха и голоса, зато с гитарами, а, во-вторых, нам здесь спокойней, потому что если ты хочешь поговорить по секрету, то лучше всего выйти на людную площадь, и никто тебя не заметит, не услышит.

— Это верно, — согласилась Лолита.

Она была немного удивлена тому, что ее бабушка Фрида, такая домоседка, выбралась поздним вечером в лагерь, но сама бабушка была так спокойна, что Лолита решила — приехала, значит так надо.

И вообще это был такой чудесный вечер, когда всё оживает и ты ничему не удивляешься, и если вдруг по небу поплывут светящиеся слоны, значит, им просто захотелось полетать в свое удовольствие.

— Я хочу рассказать вам одну правдивую историю, — сказала общая бабушка. — Вы могли бы мне не поверить, поэтому я специально устроила волшебный праздник, на котором сказочная история становится явью. Так что слушайте внимательно и поверьте мне — всё в этой истории, до последнего слова, чистая правда.

Она обвела слушателей внимательным взглядом, обернулась на фейерверк, который как раз в этот момент вспыхнул на эстраде, и продолжила:

— Жил-был гном Юхан-малыш. Так его звали не потому, что он был младшим в семействе, а потому что уродился карликом. Вы, наверное, думаете, что все гномы одного роста? Какого роста гномы?

— Наверное, мне по колено, — предположила Лолита.

— Я думаю, что он уместится на ладони, — сказал Сева.

— Нет, не уместится, — возразила Ванесса.

— Средний рост современного гнома, — сказала бабушка, — тридцать два сантиметра, но, конечно же, гномы различаются ростом, как и люди. Ходят легенды о гноме-великане по имени Лейф Кропотливый. Ростом он был больше двух футов. Знаете, сколько это будет?

— Шестьдесят сантиметров! — сказала Лолита. — Настоящий гигант!

На будущее вам полезно будет знать, что Лоли-

та — отличница. Она еще с яслей отличница, она в детском саду была отличницей, она кашу ела отлично, она тетрадки оборачивала в отличные обложки, она может пройти от дома до школы под дождем, по колено в лужах, а когда войдет в школу — все увидят, что у нее у единственной во всей школе туфли сверкают, как будто она не с улицы пришла, а из танцзала, вот так!

— Ты права, девочка, — сказала бабушка. — Среди гномов есть как гиганты, так и лилипуты. Юхан-малыш еле-еле дорос до двадцати сантиметров. Природа наградила его ловкостью, наглостью, упорством, но трудолюбия не дала. Он был изобретателен и хитер, но все мечты его были направлены на то, чтобы разбогатеть, не работая, то есть найти богатство вдали от дома.

Тут подскочил Толик Рембо из первого отряда, он хотел пригласить Лолиту на танец, он даже потянул ее за руку, но тут бабушка обернулась к нему и показалась лагерному хулигану его собственной бабушкой, которая служила во вневедомственной охране и ходила по ночным улицам с пистолетом.

— А ну, Толик, вали отсюда! — приказала бабушка Рембе, и тот тут же поджал хвост и скрылся в темноте.

(Только, пожалуйста, не думайте, что я ошибся, склоняя его имя. Это имя неграмотное само по себе, потому что не имя даже, а прозвище, и поэ-

тому обязательно склоняется. Так и говорят: к Рембе, Рембой, о Рембе, и если Ремб много, то можно сказать и «Рембами»!)

Остальные наши герои не слышали, как бабушка шутанула Рембу, а Лолита была просто счастлива — она уж и не надеялась, что удастся отогнать его бескровно.

Бабушка вздохнула и продолжила:

— И вот этот самый маленький на свете гном по имени Юхан ненавидел труд и мечтал разбогатеть в других странах. Но если человеческие путешественники, такие как Амундсен или Марко Поло, могли идти только по поверхности Земли, то гномы могут углубляться под Землю. Ведь наша планета буквально изъедена пещерами словно червивое яблоко. А малютке Юхану его бабушка однажды рассказала легенду о том, что где-то в глубинах Земли есть целый мир, потолок его так высок, что по нему плывут облака, а посреди него сияет свое солнце из подземной лавы, согревая и освещая этот мир. В том мире немало чудес, но попасть туда невозможно, потому что все пути туда завалены кучами гранита и базальта. Но маленький Юхан бабушке не поверил. Если туда невозможно пробраться, решил он, то как же туда пробрались те, кто рассказал об этом мире?! Так что если подземный мир не сказка, значит, туда есть путь! Но путь недоступный для обык-

новенных зверей или гномов, иначе бы они давно туда забрались. Вам не скучно?

Слушатели будто проснулись от этих слов.

— Нет, что ты, бабушка, — хором воскликнули они.

Бабушки улыбнулись разными улыбками, и каждая из них потрепала по затылку своего внука или внучку.

— Год за годом упрямый Юхан искал путь внутрь Земли. Он прочел все манускрипты в подземных библиотеках, поговорил со всеми мудрецами, но ничего так и не узнал.

Тогда он стал пробивать ходы сквозь самые большие и глубокие пещеры, какие только есть на Земле, и даже опускался в жерла вулканов.

Многие считали его сумасшедшим, а другие — просто дураком. Но никто не верил, что он добьется цели.

За годы поисков Юхан узнал больше всех в мире о подземельях, он познакомился с удивительными тварями, что обитают в глубинах Земли. И вот в один прекрасный день, который всегда наступает у того, кто очень долго и упорно стремится к цели, Юхан исчез на целый год. Все думали, что он погиб, но на самом деле оказалось, что он всё же проник в тот мир, о котором рассказала ему бабушка. Проник по извилистым узким ходам, которые кроме него могут преодолеть только червяки из племени Прони-

клов, которые охотятся в глубинах Земли за алмазами.

А потом наступил другой прекрасный день, когда Юхан вернулся наверх, и все удивились, потому что мысленно уже его похоронили.

Глава шестнадцатая

Вести о подземном мире

Юхан поведал гномам и прочим обитателям лесов и гор о том, что нашел Подземный мир.

Это оказался обширный и чудесный мир.

Попасть туда было непросто, и путешествие заняло три месяца. Юхан исхудал и облысел, потерял половину зрения, забыл имя своего дяди, а однажды даже хотел покончить жизнь самоубийством, потому что оказался в пещере без входа и выхода, которая медленно заполнялась водой. Он попадал в подземные дворцы, видел пещеры сокровищ и скелеты динозавров. Оказалось, что там, в глубинах Земли, живут различные существа, большей частью неприятные и злобные. Правда, у Юхана не было с собой видеокамеры или блокнота. Так что он просто рассказывал о своем путе-

шествии, а когда слухи о приключениях Юхана достигли чертогов Снежной Королевы...

Но тут Лолита удивилась и спросила:

— А разве она не умерла?

— Снежная Королева не может умереть, она волшебница. Она единственная волшебница, которая может жить среди льдов и снежных торосов.

— Но она же злобная! Она вынимает из людей добрые горячие сердца и вставляет льдышки.

— Дорогая моя внучка, — сказала бабушка Фрида. — К сожалению, жизнь не такая простая штука, как пишут в букварях и рассказывают в детских мультиках. Снежная Королева вовсе не злобная тварь, как изобразил ее Ханс Кристиан Андерсен. Сто пятьдесят лет назад он просил ее руки, и этой руки не получил, потому что довольно глупо бесмертной Снежной Королеве, окруженной Снегурочками и Снеговиками, выходить замуж за обыкновенного, совершенно некрасивого и бедного датского писателя. Вот он ей и отомстил. Кстати, он также незаслуженно оскорбил Крота в сказке «Дюймовочка», очень достойного землеройного господина. На чём я остановилась?

— На Снежной Королеве! — хором ответили Лолита с Ванессой.

— Вот именно. Так вот, когда слухи о приключениях Юхана достигли чертогов Снежной Королевы, она велела своим придворным записать рассказ гнома, а его пока что не отпускать.

Гном Юхан не спорил, он дал честное слово, что никуда не убежит, и ему разрешили повидать родных. Он пожил дома три дня, хвастался, что нашел в своих скитаниях потерянный город огневых троллей, у которых сундуки полны изумрудами и рубинами. А потом исчез, прихватив у соседей новые ботинки, теплую куртку и целый мешок еды. Соседи было погнались за ним, чтобы дух из него вышибить, но не нашли, а потом решили — может, оно и лучшему. Сгинет в подземельях — всем будет спокойнее. Снежная Королева тоже махнула на Юхана рукой; правда, оставались сомнения, видел ли он на самом деле Подземный мир или всё выдумал? Придется, решила Королева, послать кого-нибудь по его следам.

— Зачем? — удивилась Ванесса. — Там же темно и сыро, и водятся пауки.

— А может, даже вампиры, — добавила Лолита.

— А затем, — ответила бабушка, — что недавно старейшины волшебного мира собрались, чтобы обсудить наши самые главные проблемы.

— Какие же у вас проблемы? — спросил Сева.

— Да подожди ты! — перебила его Ванесса. — Давайте сперва выясним самое главное: есть ли на свете волшебники и волшебство, или всё это сказки, которыми ты нас, бабушка, кормишь после ужина.

— Весь сегодняшний вечер — самое обыкновенное волшебство, только ты, внучка, этого не заметила.

— Потому что я не верю.

— И я не очень верю, бабушка, — сказала Лолита.

— Вот поэтому к центру Земли, в тот подземный мир, до которого смог добраться карлик-гном, пойдете не вы, мои красавицы, хоть вы и хорошие девочки. А пойдет Сева Савин, который сейчас уже испугался того, что ему придется протискиваться сквозь подземные щели, борясь с пиявками и вампирами. Но испугался, потому что верит нам, волшебникам, и потому что и сам сможет стать со временем, если захочет, конечно, одним из нас. Сева — человек особенный, а вы, мои дорогие — самые обыкновенные милые крошки.

— Если он согласится лезть под землю и искать какую-то подземную дырку, то он — самый последний идиот, — заявила Лолита.

— Но я надеюсь, что он чуточку умнее, чем кажется, — сказала Ванесса.

Бабушка нахмурилась и сказала:

— Сева, мы не можем тебя заставить. Но выслушай меня до конца.

— Конечно, выслушаю. Говори, бабушка, — согласился Сева.

Ему бы помолчать, может, даже отшутиться, тем более что никто здесь и не ждал, что он поверит сказочной бабушке. Может, даже следовало бы уйти. Но Севе было интересно до щекотки.

Конечно, он до ужаса боялся этих черных глубин

и подземных ходов. Какой нормальный человек туда полезет?! Но хоть он еще и не до конца верил в таинственный Подземный мир, словно вычитанный из потрепанной книжки, в сердце его уже возникло знакомое колющее чувство, будто перед прыжком в воду с высокого обрыва. Ты боишься прыжка, ты боишься высоты, но ты уже знаешь, что эта высота зовет тебя и словно бы командует — а ну, прыгай!

— Вы хотите знать, зачем собирались старейшины волшебного мира? — продолжила бабушка. — Чего им нужно? А нужно им спасти невинных созданий далекой древности. Когда-то, между третьим и четвертым ледниковыми периодами, десятки тысяч лет назад, существовала Эпоха легенд. Людей тогда еще было мало, а Землей владели волшебники, джинны, русалки, лешие, сирены и драконы... Всех не перечислить, да и не стоит. Потом с севера наступили ледники, задули промозглые ветры, всю Землю засыпало снегом, промерзли речки и озера, покрылись льдом моря, погибли от холода и голода первобытные животные, высохли растения, и, конечно же, вымерли многие волшебные существа, которые в отличие от людей не умели разжигать огонь или делать лопаты.

— Откуда же мы о них знаем, — спросила Лолита, — если они так давно вымерли?

— Ты, девочка, не учитываешь человеческой памяти. У каждого ребенка на Земле есть своя ба-

бушка или даже прабабушка, и они рассказывают детям легенды и сказки. Вот так они и переходит от поколения к поколению. Когда-нибудь и у тебя, Лолита, будут внуки, и ты им расскажешь о Кошее Бессмертном или о царевне-лягушке.

— Царевну я видела, — призналась Лолита, — а этот самый Кошей — он что, на самом деле бессмертный?

— Бессмертный. К тому же обладает ужасным характером. Не советую к нему приближаться.

— Вот уж чего не собираюсь делать! — воскликнула Лолита. — Обойдусь без Кошеев!

— Ну, а потом, — сказала бабушка, поглядывая на темнеющее небо, — кое-кто из древних волшебных существ дожил до наших дней. Одни скрываются в тропической Африке, другие живут под землей, некоторые приучились жевать кору кедров и лиственниц. Даже волшебные существа могут приспособливаться к тяжелым обстоятельствам. Но увидеть их почти невозможно, потому что их мало и они научились прятаться. Оказалось, что злейшие враги сказочных существ — люди. Они вырубают леса, отравляют озера и реки, губят землю. А значит, каждый день где-то погибает гном, или леший, или домовый. Кто их, бедных, защитит?! С каждым годом на Земле становится всё больше людей и всё меньше мест для диких зверей и сказочных существ. В безопасности сегодня лишь те из них,

кто живет во льдах Арктики и Антарктиды, кто прячется на дне океана или под землей. Но и туда люди теперь добираются. Еще несколько лет, и на свете не останется ни одной русалки, ни одного водяного!

— А может, их отправить в зоопарк? — предложила Ванесса. — Будет круто! Приходишь, а там русалка — привет тебе, привет!

— Но ведь русалки не животные! — возмутилась бабушка. — Они такие же люди, как и ты, только немножко по-другому устроенные. Ты сама хотела бы пожить в зоопарке?

— Время от времени, — ответила Ванесса. — Особенно перед контрольной по математике.

— Сказочные существа — вольные. Они не могут жить в клетке или в загоне. Поэтому они продолжают гибнуть под винтами теплоходов, колесами поездов и автомобилей, в лесах, подожженных глупыми туристами, и на болотах, которые образуются на месте вырубленного леса. Плохо дело...

— И ничего нельзя сделать? — спросила Лолита.

— У тебя короткая память, подруга, — сказал Сева. — Ведь бабушка не зря рассказывала о Подземном мире...

— Сева прав, — сказала бабушка. — Это была мысль Снежной Королевы, и ее поддержала Фея Летнего Утра. Если под землей есть целый мир, где никто не живет, мы можем спасти сказочных существ, переселив их туда.

— А как же вы это сделаете? — спросила Лоли-та, — если туда по щелкам пробираться нужно?

— Сначала туда отправится умный, образованный человек, — ответила бабушка. — С головой на плечах, а не темный гном, который и считать-то умеет только до тринадцати с половиной.

— Почему до тринадцати? — удивилась Ванесса.

— До тринадцати с половиной, — поправила ее бабушка, но объяснять ничего не стала.

А Сева давно понял, что разговор идет о нем, и бабушка не шутит. Именно его, Севу, считают тем умным и образованным человеком, который проникнет в Подземный мир.

— Он должен попасть в Подземный мир, — повторила бабушка, — и всё понять.

Она, конечно же, подслушала его мысли.

— И это нужно сделать не за шесть лет, а за шесть дней.

— А в школу ты будешь за него ходить? — спросила Ванесса.

— Со школой мы как-нибудь разберемся, — нахмурилась бабушка. Как и все бабушки, она не выносила критики со стороны внуков.

— А теперь я хочу задать очень серьезный вопрос, — сказал Сева.

— Я жду, — сказала бабушка.

Она сидела, сложив руки на коленях, и ногти у бабушки были обломанные, потому что она всегда копалась в земле, на грядках, или в саду возле

сливовых деревьев.

— Как я туда пролезу? — спросил Сева. — Ты, бабушка, сама сказала, что даже гному было трудно пробраться по трещинам и переходам пещер. Значит, ваш разведчик должен быть в несколько раз меньше гнома.

— Это не о Севе, — засмеялась Лолита. — Он, конечно, не Гриша Сумской, но и не последний по росту в классе.

— Я четвертый, — сказал Сева.

— И что же, вы его уменьшать будете? — спросила Ванесса, как бы в шутку.

— Вот именно, — ответила бабушка. — Мы будем его уменьшать. У Снежной Королевы есть специальный мультипликатор. Это прибор, который уменьшает человека в двадцать раз. Если в него войдет Сева, то он станет ростом всего с палец.

— Вот и засуньте в этот мультипликатор гнома, — сказала Лолита.

Ей почему-то вдруг не захотелось, чтобы Сева лез в эту черную бездну. Страшно за него стало.

— Нельзя, — вздохнула бабушка. — Мы бы с радостью обошлись без помощи людей, но на сказочных существ человеческие научные приборы не действуют. Мы иначе устроены, у нас даже клеток нет. А мультипликатор изобретен людьми, и пользоваться им могут только люди. А в нашем с вами случае — только Сева Савин. Но, разумеется, он может отказаться. Никто его не неволит.

— Не соглашайся, Сева, — сказала Лолита, — я тебе не советую.

— А что он будет за это иметь? — спросила Ванесса. — Вы ему драгоценностей дадите?

— Если надо, дадим.

— Помолчи! — рассердился Сева. — Дело не в этом.

— И в этом тоже. Ты такое слово знаешь — альтруист? — спросила Лолита.

— Внучка, — рассердилась бабушка. — Образование человеку дается не для того, чтобы бить им окружающих по голове.

— А что такое альтруист? — спросил Сева.

— Это человек, который всем делает подарки, а сам получает по шапке.

— Нормально, — сказал Сева. — Мне только интересно, как вы дома и в школе всех обманете?

— Во-первых, до школы еще далеко, и в лагере тебе еще почти месяц жить.

— Меня хватятся.

— Не хватятся. Мы об этом позаботимся, а со Столичным договоримся.

— А потом?

— Потом ты вернешься.

— Со щитом или на щите, — заметила отличница Лолита.

— Со щитом, — сказала бабушка. — Ты найдешь короткий путь в Подземелье, которое мы условно называем Убежищем. А если удержишь-

ся, то мы продлим твою путевку в лагерь на вторую смену. А маму с сестренкой отправим отдыхать на Канарские острова.

— У них денег нет на Канарские острова летать, — буркнул Сева, которого никто не приглашал на острова, а звали лезть в яму.

— А премия маме? — напомнила бабушка. — И отличная, скажу тебе, премия.

— Но не могут же они два месяца на Канарских островах сидеть!

— А два месяца и не надо. Они будут считать, что их Севочка уехал к любимой бабушке и там купается в море и ест виноград.

— Ну, повезло тебе! — рассмеялась Ванесса. — Я же говорю — альтруист без штанов!

И тут Сева подумал, что он не дурак, чтобы лезть в Подземелье, когда все вокруг будут отдыхать и купаться. Даже в лагере и то лучше...

Подумать-то он подумал, а сказал совсем другое.

— Хорошо, — сказал он, — где ваша Снежная Королева?

Часть вторая

ЧЕРТОГИ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Глава первая Завтра в Лапландию!

Праздник в летнем лагере «Елочка» подходил к концу. Музыка уже играла не так громко и весело, будто собиралась перейти на колыбельную, как только сами по себе погаснут разноцветные фонарики и растворятся среди звезд последние вспышки фейерверка. Вожатая Майя устала уговаривать ребят разойтись по палатам; впрочем, уговаривала она их не очень настойчиво, как будто ей самой было жаль, что такой чудесный праздник заканчивается.

Бабушка, так похожая на Севину собственную бабушку, уехала в трейлере вместе с акробатами и сказала, что вернется утром с билетами в Финляндию.

Именно в Финляндию, потому что в Финляндии, а точнее в горах Лапландии, Севе надо будет встретиться и поговорить со Снежной Королевой.

Бывают же на свете чудеса!

Еще позавчера он был самым обыкновенным Севой Савиным из второго отряда, тринадцати с половиной лет, который отличался от остальных двухсот детей и подростков лагеря только тем, что верил в реальность сказок. Он был убежден, что сказки существуют на самом деле, и нормальный человек может запросто встретить гнома. Или русалку.

Но Сева не очень распространялся об этих своих убеждениях по той простой причине, что не любил, когда над ним смеются, потому что ни один нормальный человек этого не любит. Иногда, правда, встречаются шуты, по штуке на класс. Таким нравится, чтобы над каждым их шагом хохотали, чтобы каждое их слово вызывало смешки.

Сева был не таким. Сева предпочитал быть обыкновенным, но это не всегда получалось, потому что порой ему хотелось похвастаться. А врал он плохо. Неталантливый был врун.

Итак, Сева собрался в Финляндию.

Ему было интересно и немного страшно. Хоть бабушка и обещала, что мама его не хватится, потому что уверена: ее ребенок благополучно ходит в походы и собирает клубничку, всё-таки Лапландия — это Лапландия.

Сева в домик второго отряда не пошел; он незаметно прокрался к белой беседке с тонкими деревянными колоннами, которая одиноко стояла над

крутым спуском к речной долине. Когда-то на месте лагеря была барская усадьба, но за сто с лишним лет от нее осталась только беседка. Внутри круглой беседки вдоль перил тянулась скамейка. Сева уселся на скамейку и стал смотреть на небо. Ни о чём особенном он не думал, просто глазел на звезды. Звезды перемигивались, по небу пролетали спутники, один раз из глубин Вселенной примчался метеорит и сгорел, не долетев до леса.

Сзади скрипнула доска — в беседку поднялась Лолита. Сева оборачиваться не стал, он и так знал, что это Лолита. Он уже научился угадывать человека по шагам.

— Переживаешь? — спросила Лолита.

Лолита — человек-собственник. Ей обязательно нужно всё иметь, со всеми дружить и всеми командовать. В тринадцать лет она самый главный человек в своем доме. Это не значит, конечно, что ее кто-нибудь там боится, но никто не смеет ею командовать.

Сева не переживал.

— Нет, — сказал он, — просто сижу.

— Это неестественно, — сказала Лолита. — Ты отправляешься в путешествие к центру Земли и, возможно, не вернешься домой. Я бы на твоём месте попрощалась с родителями.

— Ты что, озверела что ли? — удивился Сева. — Ты представляешь, что мне мама скажет?

— Что бы она ни сказала, твоя совесть будет чиста.

На самом деле Лолита была не такая дура, чтобы всерьез предлагать Севе столь идиотский ход. Но она чуть опасалась за Севу. Сева был немножко ее собственностью. А терять свою собственность она ужас как не любила.

Лолита села на скамейку рядом с Севой и тоже стала смотреть на звезды. Она, конечно, рада была бы поговорить о Снежной Королеве, сказочном царстве и гноме Юхане, но понимала, что Севе разговаривать не хочется. И молчала вместе с ним.

Запел горн — отбой.

А как только он замолчал, в светлой полосе, оставшейся на небе там, куда ухнуло солнце, запел соловей. Потом второй, где-то справа.

А потом прилетели комары.

Лолита спросила:

— И ты на самом деле в это веришь?

— А ты?

— Конечно, нет!

— Тогда скажи, — спросил Сева, — кто нам с тобой всё это рассказывал? Про гнома? Про Снежную Королеву? Про Убежище?

— Как кто?! Бабушка моя, Фрида!

— И как она сюда попала? — не отставал Сева.

— Как попала? Ну, приехала...

Лолита осеклась и замолчала.

— Это гипноз, да? — спросила Лолита.

— Видишь, ты уже начала искать объяснения, — засмеялся Сева. — А объяснения нету.

— Но я же ее видела!

— А я видел мою бабушку. Мою собственную.
А Ванесса наверняка видела свою.

— Я ее спрошу, но ты, Савин, опять врешь!

— Плохо нам, сказочным людям, — сказал Сева. — Вы, приземленные человечки, совершенно не в состоянии что-нибудь вообразить!

— А ты как догадался?

— На тебя посмотрел и догадался. Ты даже назвала ее раза два бабой Фридой, а сама не заметила.

— Не может быть!

— Лолита, ну подумай, — сказал Сева. — Как ты можешь удивляться какой-то бабушке и совсем не удивляться тому, что я завтра лечу в Лапландию.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказала Лолита, которая почему-то обиделась на Севу: словно тот ее разыгрывает, или издевается над ней.

— Пошли в палату, — сказала она, — а то нас комары сожрут.

И они пошли к домикам второго отряда. Там еще горел свет, и видно было, как вожатая Майя свет тушит, выходит из комнаты, и кто-то тут же зажигает свет обратно.

Мальчишеский домик была налево, а девичий направо.

— До завтра, — сказала Лолита.

Сева вошел в домик.

Он думал, что не заснет и будет всю ночь ду-

мать о своем путешествии, но заснул так быстро, что сам не заметил, как накрылся одеялом.

Спал Сева без снов, не ворочаясь, вытянувшись во весь рост, словно готов был по первому же звонку вскочить и топать, куда прикажут.

На соседних кроватях спали другие мальчишки отряда, одни бесшумно, словно зайчата в норке, другие во сне разговаривали или даже вскрикивали. Над лагерем светила почти полная луна, и на ее фоне мелькали маленькие летучие мыши. Мыши снижались у окна мальчишеской спальни, а некоторые так даже и залетали в комнату. И, конечно, никто не догадался — впрочем, и некому было догадываться в это сонном царстве, — что летучие мыши выполняют особое поручение Общей Бабушки, которая велела им присматривать за тем, чтобы никто не нарушил сна Севы Савина. Ведь Снежная Королева приказала не рисковать — ни один волос не должен был упасть с головы этого юного джентльмена!

Как известно, Снежная Королева в юности училась в Англии, и не только изучила английский язык и манеры английского высшего общества, но и полюбила эту далекую страну, несмотря на то, что ее за прогулы и легкомысленное поведение вскоре исключили из Оксфордского университета. Ах, как давно это было! В те времена по улицам Лондона и Оксфорда ездили тяжелые кареты и скакали на конях джентльмены,

волосы у дам были длинными, до пола, а платья еще длинней. Но воспоминания юных лет — это самые глубокие и яркие из воспоминаний, поэтому неудивительно, что, никогда не видев Севу Савина, Снежная Королева называла его «наш маленький русский джентльмен» и боялась, как бы враги до него не добрались. Она еще не знала, кто на этот раз станет ее врагом, но жизненный опыт подсказывал Королеве, что без врагов и на этот раз не обойдется.

Однако здоровью Севы пока что никто не угрожал, потому что очень уж узок был круг людей, знавших, что Сева понадобился Снежной Королеве, и еще меньше знали о том, что с утра Сева должен улететь в Лапландию. И уж совсем немного народу в лагере могли бы ответить на вопрос, что такое Лапландия, с чем ее едят и где она, собственно, находится...

Глава вторая

Начало большого пути

Если вам когда-нибудь приходилось путешествовать, вы, наверно, знаете, как трудно спать ночью перед отлетом или отъездом.

Вставать надо в восемь, а вы просыпаетесь сначала в половине пятого и думаете: как славно, что можно спать еще так долго! Потом вы просыпаетесь в семь и долго не можете заснуть. Но за двадцать минут до подъема сон обурекает вас, и вы засыпаете без задних ног.

Вот и Сева проснулся первый раз, когда было еще совсем темно, и только самые первые птицы пробовали свои голоса, а последний комар делал круг почета над щекой жертвы, чтобы отправиться потом на свое комариное болото.

Во второй раз его разбудил птичий хор — птицы настраивали свой оркестр, причем так громко,

что удивительно было, почему весь лагерь не вско-
чил как ошпаренный.

Но все спали, а солнце еще не взошло — только самые первые его лучи вырывались из-за деревьев.

Сева собрался было повернуться на другой бок, как вдруг услышал жужжание тяжелого мохнатого шмеля. Шмель смело подлетел к Севину уху и прожужжал:

— Вставайте, Савин, вас ждут великие дела!

Может, конечно, он прожужжал что-то другое, но Сева услышал именно эти слова.

И Сева сразу понял, что это не сон и не розыгрыш. Пора лететь в Лапландию!

Сева вскочил, но никто не проснулся. На часах над дверью было шесть часов десять минут.

Сева побежал по коридору в туалет.

Почистив зубы и умывшись, он собрался вернуться в палату, чтобы одеться, но тут увидел в дверях туалета большого толстого кролика. Кролик стоял на задних лапках, а передними держал Севины рубашку и джинсы. Рядом с кроликом топтался маленький старичок с длинной, до пола, бородой, в синих трусах, белой рубашке и с красным галстуком. К груди он прижимал кроссовки Севы.

Это было смешно. Но никто не смеялся.

Сева быстро оделся.

Пока Сева одевался, старичок бубнил:

— Ты меня не бойсь, я здешний. Домовой я. Но особь статья. Так и зовусь — лагерный. Нас на свете немного, но у нас особые есть знания и заботы. Я могу горном петь и даже на барабанах молотить. Знаю, как галстук завязывать и строим ходить. А уж костер под дождем в походе никто лучше меня не разожжет. Понял?

— А зачем вам это? — поинтересовался Сева.

— Зачем — не зачем, а пригодиться может. А что если горн утеряется? Кто будет музыку изображать? Ну, ты готов, Савин? Пошли, а то тебя ждут.

И домовой-лагерный первым поспешил на улицу, выглянул из двери, бородой помахал, принюхался и сказал:

— Спокойно, по одному, короткими перебежками... марш!

И первым побежал к кустам. Сева за ним.

— Сева! — раздалось сзади.

Сева от неожиданности аж подпрыгнул. Кто его выследил?!

В открытом окне девчачьей спальни стояла Лолита и махала ему рукой.

Сева тоже ей помахал. В принципе она неплохой человек и даже проснулась пораньше, чтобы попрощаться.

— Ты осторожней, Савин, — сказала Лолита, и голос ее пробился к Севе сквозь оркестр птичьих голосов и звон насекомых.

— Я вернусь, — сказал Сева. — Ты не думай.

— Дурак! — откликнулась Лолита. — Неужели я могла так подумать...

Она захлопнула окно, но не отошла от него, а продолжала смотреть вслед Севе. Но Сева ее не видел, потому что они с лагерным скрылись в кустах и побежали к малым воротам — служебному входу. Туда приезжают машины с продуктами.

У выезда на шоссе стоял жигулёнок, шестая модель. В жигулёнке сидел физкультурник Рома. Рядом стоял начальник лагеря Афанасий Столичный.

— Доброе утро, — поздоровался Сева и обернулся к лагерному. Может, недоразумение? Сейчас его поймают и отведут обратно в палату?

— Тут я с тобой прощаюсь, — сказал лагерный. — До встречи. Возвращайся поскорей на благо нашего народа.

— Скорее, скорее, — торопил его Афанасий Столичный. — Роме надо еще на почту заехать и документы в центральную бухгалтерию отвезти.

Всё получалось как-то совсем обыкновенно и ничуть не по-сказочному. Лагерный вполне мог быть просто маленьким дедушкой, говорящий шмель — усилителем каким-нибудь, только вот Лапландия... Что делать с Лапландией?

— Вы не забудьте маме сказать... — начал было Сева и понял, что как раз маме ничего говорить-то и не нужно.

— Не беспокойся, твою маму мы обманем, —

заверил его начальник лагеря и заговорщицки подмигнул. — Меня об этом попросили старые друзья. Поезжай спокойно, отдыхай, трудись судя по обстоятельствам. Твоя фамилия Савин? Значит, всё правильно.

Сева попрощался с начальником лагеря за руку, так и не поняв — шутил тот или серьезно говорил.

Он сел рядом с Ромой, машина сорвалась с места и помчалась по шоссе. Сева только успел помахать провожающим — лагерный домовой стоял рядом с гигантом Столичным и едва доставал ему до колен. Но махали они вслед Севе одинаково.

— А правда, что ваш брат был чемпионом Москвы? — спросил Сева.

Рома не удивился. Он вообще никогда не удивлялся.

— Второе место в Европе, и если бы ему не подсунули допинг, быть бы ему олимпийским чемпионом. Горжусь братом, горжусь своей родиной!

Севе захотелось захлопать в ладоши, но он удержался. Солидный человек едет на важное задание. Лучше помолчим.

Так они и молчали, пока не доехали до Окружной дороги.

— Дальше куда? — спросил Сева.

— В Шереметьево, — сказал Рома. — Тебя что, не поставили в известность?

— Поставили, только я забыл, — признался Сева.

Утро уже было в самом разгаре. В низинах дотлевал туман, тени становились всё короче, вдоль дороги стояли корявые умирающие березы. Севе всегда их было жалко — они не могли убежать от выхлопов машин и гадкой химии, которой поливают асфальт зимой. Вот и умирали. Надо будет поговорить с волшебниками, подумал Сева, может, они знают какие-нибудь специальные заклинания.

Минут через двадцать они прибыли в аэропорт Шереметьево. Рома попрощался с Севой, сказал, что Севу будут ждать у табло вылетов, и тут же помчался обратно.

«Наверное, я здесь единственный человек, который не несет какого-нибудь чемодана и даже сумки, — думал Сева, — И зубная щетка осталась в лагере, и трусы, и майки. Как быть?»

Но он не успел расстроиться, потому что к нему подошла его бабушка.

— Доброе утро, внучок, — сказала она.

Сева обрадовался было, что видит ее, но потом вспомнил, что бабушка ему только кажется, и потому спросил:

— А на самом деле вы как выглядите? — спросил он.

— Что тебя беспокоит, внучок?

— Давайте говорить как взрослые люди, — предложил Сева. — Я уже понял, что мы имеем дело с гипнозом.

— Ты стараешься казаться взрослым и умным,

а это ошибка, — ответила бабушка. — Лучше скрывать свой ум и свои догадки. Слово «гипноз» медицинское и к нашему дому отношения не имеет. Но, признаюсь, мне лучше казаться твоей бабушкой, чем незнакомым тебе человеком.

— А какая вы на самом деле? — снова спросил Сева.

— Всеволод, — сказала бабушка. — Мне сейчас некогда играть с тобой в угадки. Твой самолет вылетает через час, а ты еще не получил паспорт и билет, не прошел контроль и вообще даже не начинал улетать.

— В Лапландию?

— Разумеется.

— А какой у меня самолет?

— Вон тот рейс. Москва—Хельсинки.

— Вы полетите со мной?

— Сам долетишь, — ответила бабушка. — К сожалению, мне придется остаться.

В голосе бабушки прозвучала тревога.

Что-то случилось.

Сева проследил за внимательным взглядом бабушки...

Ну, конечно же! Маска, я тебя знаю! По залу быстро шла неопрятная старуха в камуфляже, которую Сева видел по дороге в лагерь. Она крутила лохматой головой, словно выискивая кого-то. Бабушка сделала шаг вперед и прикрыла собой Севу от взглядов старухи.

— Кто она? — шепотом спросил Сева.

— А ну быстро! — велела бабушка. — Иди к стойке шесть, таможенню проходи по зеленому коридору. Держи билет и паспорт. Когда тебя спросят, почему ты один, скажи, что отец прошел раньше, а ты прощался с бабушкой. Ясно? А теперь беги. Только не бегом. Беги так, чтобы никто не догадался, что ты спешишь.

Сева быстро пошел к барьеру, куда торопились все пассажиры, потому что понял — бабушка не шутит. Близка настоящая опасность!

Сева еще не успел понять, какая опасность ему угрожает или будет угрожать, но он был не дурак и понимал, что лучше не спорить с теми людьми, а тем более с волшебниками, которым он согласился подчиняться.

Сева не оглядывался, пока не дошел до прохода, над которым была зеленая табличка. Зеленая табличка означала, что он не везет никаких запрещенных товаров или ценностей. А Сева ничего и не вез.

Таможенница была молодая и веселая.

Увидев Севу, она спросила:

— А ты куда собрался? Потерялся, что ли?

— Вот, — ответил Сева и положил свой паспорт на столик перед ней. И билет.

Девушка открыла паспорт, посмотрела на Севу, потом на билет, и сказала:

— Что-то непохоже, что тебе уже шестнадцать.

«Ну что же бабушка забыла меня предупре-

доть!», — мысленно возмутился Сева.

— У нас в семье все маленькие, — сказал он, — даже дедушка. А еще у меня акселерация.

Таможенница всё продолжала рассматривать его паспорт, будто надеялась отыскать в нем таракана или золотую монету.

А Сева думал, не зря ли он сказал про акселерацию (по правде говоря, он не был твердо уверен в значении этого слова), как вдруг исследовательскую деятельность таможенницы прервал отчаянный крик из зала.

Сева обернулся.

И увидел, что страшная старуха в камуфляжном костюме рвется к нему, к Севе, а другая женщина, правда не очень похожая на его бабушку, старуху не пускает.

— Это мой мальчонка! — вопила старуха. — Отдайте мне мою деточку!

Сева испугался, но догадался отвернуться, как будто эта драка его совсем не касалась.

— Мне можно идти? — спросил он таможенницу.

— А это не тебя ищут? — с подозрением спросила таможенница.

— Что вы! — ответил Сева. — Мой папа раньше прошел, он хотел выпить кофе в буфете.

Сева, конечно же, не знал, есть там за таможенной буфет или нет, но надо было говорить убедительно и спокойно.

Таможенница вернула ему паспорт: всё ее внимание было приковано к битве старушек.

Поэтому Сева спокойно пошел к стойке, где регистрировали билеты: от нее до драки было далеко, и он решил, что вряд ли злобная бабка в камуфляже сюда прорвется.

Интересно, кто эта старуха? Зачем она его преследует?

Пограничница за стеклом тоже спросила Севу, неужели ему исполнилось шестнадцать. И долго-долго изучала какую-то страничку у себя на компьютере. Но видно, волшебные жители всё подготовили как следует, так что, в конце концов, пограничница с сожалением вернула Севе паспорт.

Битва старушек, похоже, закончилась.

Севу никто не преследовал.

И он пошел искать 22-й выход, словно всю жизнь летает по заграницам и ничему не удивляется.

Странно, мама с Ксюшкой сейчас только позавтракали и думают, что Сева загорает на речке или пьет кефир. А их любимый ребенок направляется к выходу №22, откуда начинается посадка на самолет, следующий рейсом 765 Москва—Хельсинки.

Так не бывает!

Хотя, с другой стороны — если это всё-таки случилось, почему же, собственно, не бывает?!

Глава третья Верхом на птице

— Простите, пожалуйста, — произнес вежливый тонкий голосок под локтем у Севы. — Не вы ли будете господин Савин?

Сева посмотрел вниз и увидел, что рядом с ним идет знакомый карлик, бородатенький лагерный домовой. Он тащил в руке слишком большую для него сумку. Сумка волочилась по полу, и видно было, как лагерному тяжело.

— Я буду господин Савин, — ответил Сева, стараясь не улыбаться. — А у вас память короткая?

— У меня? Короткая память? — маленький бородач был возмущен настолько, что отбросил ремень сумки, сверкнул глазами и прорычал как разъяренный (правда, очень маленький) львенок: — Держите свой багаж! Я вас в жизни не видел и не намерен видеть впредь.

— А вы разве не домовой? — удивился Сева.

— Если я и домовой, это не дает вам права меня оскорблять!

— А разве не вы меня провожали до машины?

— Чтобы я? Провожал? Хулигана? До машины? За кого вы меня принимаете?

— Но разве вы не домовой?

— Домовой.

— Лагерный?

— Я домовой, но не лагерный, не палаточный, не инкубаторный и не прогулочный. Немедленно прекратите меня оскорблять! Я самый обыкновенный аэродромный домовой! Я служу домовым на Шереметьевском аэровокзале столицы. Ясно?

— А вы так похожи на нашего лагерного домового! Он тоже красивый.

Эти Севины слова слегка успокоили домового, и он сказал:

— В конце концов, каждый имеет право на ошибку. Люди неопытные и недалекие склонны порой путать нас. Хотя, конечно же, все мы сугубо индивидуальны.

— И много вас? — спросил Сева. — Я имею в виду специальности.

— Мы не какие-нибудь там служащие! — снова обиделся домовый. — Мы свободные домовые! И если есть дом, о котором надо заботиться — мы тут как тут. И я вам скажу, молодой человек, что нам приходится всё время осваивать новые

специальности. Полвека назад аэропортных и аэродромных домовых попросту не существовало. А теперь уже появились вакансии космодромных домовых. Представляете?

— С трудом, — признался Сева.

— Порой приходится совмещать две, а то и три работы. Мой знакомый вокзальный домовый освоил специальность автобусного домового, представляете? Каково ему — то в порт, то на вокзал, то на автостанцию...

— А что вы здесь делаете? — спросил Сева.

— Я? Я занят буквально круглые сутки.

Аэропортный гордо выпятил грудь, и Сева вдруг понял, что он одет в синий мундир летчика, а на голове у него фуражка с золотым орлом. И когда только он успел переодеться?!

Тут по радио объявили посадку на самолет до Хельсинки, и аэропортный домовый сказал Севе:

— Сумку не забудь! Таскать ее за тобой я не намерен!

Сумка была не такая тяжелая, как изображал домовый. Сева перекинул ее через плечо.

— А что там? — спросил он.

— Велели купить, собрать и передать, — сказал домовый. — Зубная щетка и шлепанцы, сам понимаешь. А ты чего без багажа летишь, обворовали, что ли?

— Нет, спешил, — сказал Сева.

— Ты там напомни, чтобы мне расходы возме-

стили, — сказал домовой, — а то я на такой службе разорюсь. Знаешь, почему теперь зубные щетки? С ума сойти! И куда мы катимся, куда катимся...

И аэропортный домовой исчез. Растворился!

«Может, — подумал Сева, — у него тут свои тайные дырки. Он сквозь любой барьер пролезет. И если надо что-то пронести, домовый тут как тут! Надеюсь, он не воришка. И не бандит. Представляете — домовый-бандит! Интересно, надо будет у бабушки спросить, когда в следующий раз ее увижу, сколько всего на свете разных домовых. А если они разные, то они отличаются только специальностью или размером тоже? Маленькие домовые, старенькие домовые, молоденькие домовые, жены домовых, дети домовых — домовяши и домовяшки... Как это я целую жизнь прожил, тринадцать лет существую, а не задумывался о самых обычных вещах?»

До самолета Сева дошел спокойно. На всякий случай он присоединился к шумной семье с тремя детьми и внедрился в нее как бы четвертым ребенком и даже взял за руку малыша. Семейство оказалось финским и говорило на каком-то языке, совершенно не похожем на человеческий.

Впрочем, никто его не преследовал, и Сева надеялся, что аэропортный домовый и его товарищи, у которых наверняка есть связи среди пограничников и стюардесс, за ним присматривают. Но он чувствовал себя разведчиком в глубоком тылу фашистских

войск или, если хотите, Джеймсом Бондом. А настоящий разведчик не должен терять бдительности!

В самолете сначала дали лимонад, а кто хочет — апельсиновый сок, место Сева было у окна, и под крылом сначала было много чего интересного, а потом самолет поднялся на девять километров, а с такой высоты немного увидишь, к тому же вокруг скопились облака.

Сева хотел подумать о путешествии, которое его ждет, но тут принесли завтрак, довольно вкусный, и думать стало некогда.

Стыдно признаться, но Сева раньше никогда не летал на самолете.

Однажды, правда, он ездил с классом на экскурсию в Петербург, но ехали они тогда поездом.

Когда завтрак закончился, а до Хельсинки оставалось еще полчаса, Сева решил поглядеть, что аэропортный гном положил ему в сумку, но тут на него напал странный сладкий сон. Может, потому, что он мало спал ночью.

В результате Сева проспал посадку.

Самолет подпрыгнул и покатил по финляндскому аэродрому. Сева проснулся от голоса по радио, который просил не вставать с мест до полной остановки самолета.

Многие, конечно, тут же стали вставать с мест и доставать с верхних полок свои сумки, а Сева не знал, что ему делать, но тут у него из-под ног раздался звонок.

Сева поглядел вниз — никого.

И тут он сообразил, что звенит в его сумке. Значит, аэропортный домовый подложил туда сотовый.

Сева быстро расстегнул молнию, и, в самом деле, поверх сложенной рубашки лежал мобильник.

Сева нажал на кнопку.

— Добро пожаловать в Финляндию, — произнес глухой голос с небольшим иностранным акцентом. — Надеюсь, ваше путешествие было приятным. Не спешите выходить из самолета, а когда спуститесь по трапу на летное поле и пойдете к выходу, к вам подойдет стюардесса в синем берете и с родинкой на правой щеке. Она отведет вас к служебному выходу. Слушайте ее во всём.

Ну точно как в приключенческом романе!

Сева послушно выполнил все указания голоса в мобильнике и вышел из самолета почти последним.

Внизу у трапа стояла курносая белокурая девушка в синем костюме и синем берете. На розовой круглой щечке была видна маленькая темная родинка.

— Сафин? — спросила она, глядя мимо Севы.

— Савин.

Тогда девушка осторожно, кончиками пальцев сняла со щеки приклеенную родинку и сказала:

— Прифьет.

Они пошли по летному полю, а когда подошли к небольшой дверце, прорубленной в воротах алюминиевого ангара, дверца приоткрылась, и из ангара

высунулся домовой. Почти такой же, как в Москве!

Только одет он был иначе: в шортах и ковбойке. Наши домовые в шортах не ходят, а делают вид, что носят летные мундиры.

— Привет, — сказал ему Сева, — вы по-русски разговариваете?

— А я, батенька, — ответил домовой, запрокинув голову и уткнувшись острым концом бороды в Севино колено, — сам-то родом буду из Ораниенбаума, слышал о таком месте?

— Нет, — признался Сева.

— А это целая такая куча дворцов и прудов, построенных Ея Императорским величеством матушкой Екатериной Алексеевной; там, в музейной тишине, и прошла моя юность.

— Вы с императрицей были знакомы? — удивился Сева.

— Да ты заходи, заходи, нечего посреди летного поля маячить. Мало ли кто за нами наблюдает...

Сева вошел в ангар. Там было прохладно и сумеречно. Самолеты, которые там стояли, казались совсем маленькими.

— В основном, — сказал домовой, — здесь хранится сельхозавиация и пожарники. Лес бережем. Так бишь, о чем это я?

— О Екатерине Алексеевне, — сказал Сева.

— Ну и зверь-баба была! — воскликнул домовой. — Родного мужа, Петеньку... сколько мы с ним в солдатики играли! Родного мужа приказала

шарфом задушить... Петруху... жалко мужика...

И домовой залился слезами.

А Сева стоял и молчал. Ну что ты будешь делать — прилетел тайно в Финляндию на явку со Снежной Королевой, а домовой рыдает, жалеет старинного русского императора! Рассказать Лолите — обхохочется!

— А ну, хватит! — раздался из-под высокого потолка ангара строгий голос. — Пора лететь. Королева ждет. А тебе, Андреас, пора бы подумать о пенсии.

— Ну, вот! — домовой принялся грозить потолку кулачком. — Хватит этих ваших подсматриваний и подглядываний. Я сам от вас уйду!

И Андреас, по специальности, как потом узнал Сева, ангарный, вцепился в Севину сумку и потащил его куда-то в глубь ангара.

Домовой бежал, часто переступая ножками в сапожках на высоких каблучках — видать, ему ужасно хотелось казаться повыше.

Сева едва поспевал за ним.

Они пробежали весь ангар — домовой продолжал ругаться, хотя ругаться было не с кем — мимо спящих самолетов и через заднюю дверь выскочили на зеленое поле.

Посреди поля стоял старинный самолетик, будто весь собранный из бамбуковых палок и обтянутый парусиной. Такие самолеты лет сто назад называли этажерками.

А возле самолетика прогуливался невысокий человек в кожаной куртке, кожаном шлеме, кожаных штанах и кожаных сапогах. Всё на нем было кожаное, черное, поношенное, но крепкое. Лицо его было закрыто квадратными темными очками. Так что место оставалось только для усов, правда, очень пышных.

— Вот твой пассажир, — сказал домовый. — Лети, Гарри Коллинз!

Пилот протянул Севе руку. Ладонь была жесткой и холодной.

Ладонь настоящего пилота.

— Он по-нашему не говорит, — сказал домовый. — Лет сто назад с ним беда приключилась. Гарри решил перелететь через Атлантический океан и пропал над Бермудским треугольником. Без вести. Его ждали, ждали, а потом решили, что утонул. А он, оказывается, не утонул, а промахнулся мимо своего времени. Там над Бермудским треугольником дуют временные потоки. И если неудачно попасть в поток, то тебя вынесет на берег другого времени. Кого куда. Вот Гарри и очутился в Лапландии. С тех пор служит Снежной Королеве. Но языков не изучает. А так парень ничего себе, хороший...

Пилот тем делом закинул Севину сумку в заднюю кабинку. В самолете было две открытых кабинки — одна позади другой. В первой сидел пилот, а во вторую полез Сева. Лез он осторожно,

чтобы не повредить палочки и парусину, из которых был сделан самолет.

— Да ты не трусь, не трусь, — подбодрил его ангарный Андреас. — Небось, не рассыплется. Сто лет назад летал и у нас уже третий год летает. Еще, говорят, два-три полета выдержит.

— А, может, не выдержит?

— Может, и не выдержит, — согласился домовый и пошел прочь.

Пилот пристегнул Севу к спинке жесткого кресла, сам влез в переднюю кабину, обернулся и зачем-то показал Севе большой палец. Видать, он действительно был славным парнем, жаль только, что лица его Сева так и не разглядел.

И тут Сева увидел, что впереди самолета, прямо перед винтом стоит маленький домовый. Он поднатужился и повернул лопасть. Еще раз, еще — и тут мотор зашумел, затарахтел, как старый мотоцикл, закашлял, и весь самолетик затрясся.

Домовой шустро отскочил в сторону, и самолетик побежал, подпрыгивая по траве, всё быстрее и быстрее...

Вот он задрал нос и начал подниматься.

И в этот момент Сева понял, что в небе они не одни.

Сверху на них пикировал небольшой, вполне современный самолет, черный с серебром, с загнутыми назад крыльями!

— Гарри! — завопил Сева и что есть силы при-

нялся молотить кулаками по спине пилота.

Гарри оглянулся.

Сева показал наверх.

И вовремя, потому что от черно-серебряного самолета отделилась и понеслась к ним навстречу строчка сверкающих точек.

Сева догадался — пулемет! Точно такое он видел в кино!

А Гарри не растерялся. Он положил самолет на крыло и стал круто поворачивать. Хорошо еще, что Сева был пристегнут, а то бы обязательно вывалился наружу!

Но как Гарри ни был скор, современная машина, конечно же, была шустрее.

И Сева с ужасом увидел, как пули дырявят брезент крыла!

Крыло вспыхнуло и стало отваливаться.

Самолетик тут же завалился на бок и принялся, кружась, медленно опускаться к лесу, как опускается, кружась в октябрьском безветрии, кленовый лист.

Вражеский самолет сделал круг над машиной Коллинза, но задерживаться не стал, а полетел прочь. В его кабине сидел пилот в черных очках, а рядом злорадно ухмылялась старуха в камуфляже!

Земля была всё ближе и ближе — Севе казалось, что она покачивается, хотя, конечно же, покачивалась не Земля, а самолетик — и Сева зажмурился,

потому что решил узнать, правда ли перед смертью человек вспоминает всё, что произошло в его жизни. И если это правда, то он сейчас вспомнит, куда задевал в прошлом году офицерский компас, который подарил ему дед. Никуда не выносил, а потерял...

Но тут самолетик пошел к Земле быстрее — видно, собрался врезаться в лес, — и Сева понял, что не успеет вспомнить, куда делся компас.

Вдруг стало темно.

Как будто над ними повисло темное облако.

Сева глянул наверх и понял, что рядом с ними пикирует еще один самолет, необычный, похожий на гигантскую птицу.

Он несся к Земле куда быстрее, чем самолетик Коллинза.

Самолет стремительно приближался, и когда он пронесся совсем близко от Севы, тот сообразил, что это совсем даже не самолет, а гигантская птица размером с самолет, черный глаз которой внимательно на него, на Севу, смотрит.

На секунду птица исчезла из виду, а в следующее мгновение самолетик тряхнуло, и Севу дернуло вниз, прижав к сиденью.

Из-под фюзеляжа показались белые перья, каждое с банановый лист, и Сева сообразил, что птица умудрилась подставить спину под падающую «этажерку», и самолетик, раненый, но всё еще живой, летит теперь на птице верхом.

Птица планировала, практически не шевеля крыльями, и когда Сева немного пришел в себя, он увидел, что под ними проплывают вершины елей, медленно расступаясь, словно специально для того, чтобы Сева мог полюбоваться синими озерами и белыми от бурлящей пены речками, несущимися между валунов и скал.

А пилот Коллинз сорвал очки, стал размахивать ими в воздухе, запел какую-то дикую английскую песню и обернулся к Севе.

— Бьютифул! — заорал он в перерыве между куплетами и снова показал Севе большой палец. Глаза у него оказались голубыми, а лицо таким худым, что кожа прилипала к черепу плотно, как у неживого.

— Что за птица? — прокричал Сева, показывая на крыло под самолетом.

— Рокк! — крикнул в ответ Гарри Коллинз. — Рокк!

И вот на одном своем и двух птичьих крыльях они, не спеша, полетели к северу.

Глава четвертая Лапландия

Постепенно лес под крыльями гигантской птицы становился всё ниже и реже, всё чаще стали попадаться обширные, заваленные валунами проплешины, а некоторые озера были так велики, что только сверху можно было увидеть их дальний берег.

Стало заметно холоднее. И хотя птица Рокк летела не высоко и не быстро, Севу начало знобить.

Пилот Гарри Коллинз догадался, что его пассажиру несладко, стянул с себя черную кожаную куртку и, обернувшись, протянул ее Савину. Тот стал было отказываться, но пилот сделал такие страшные глаза, что Сева рассмеялся и с наслаждением закутался в подбитую мехом, пропахшую трубочным табаком куртку.

Сева не прочь был бы поспать, но сон никак не

шел: всё-таки было немного тревожно, а вдруг птица устанет и скинет его вниз?! Раньше ему как-то не приходилось летать на птицах, а если не считать детской повести о путешествии Нильса с дикими гусями, действие которой происходило как раз в этих краях, то Сева, в общем-то, о такой возможности и не слышал.

Он, конечно, читал о птице Рокк, и знал, что о ней рассказывается в книге про Синдбада Морехода!

Но эти сказочные птицы должны жить где-то в Индии...

Вот так Сева летел, летел, и в голове у него скользили самые разные мысли, надолго, впрочем, там не задерживаясь.

Опять почему-то подумалось о подаренном дедом компасе. Сева вспоминал, вспоминал, но так и не вспомнил, а раз не вспомнил, то решил, что немедленная смерть ему пока что не грозит...

От этой мысли наш отважный герой немножко успокоился и — вы не поверите! — нечаянно задремал, и догадался об этом лишь тогда, когда птица Рокк начала снижаться.

Самолет качнуло.

Хорошо еще, что Сева был пристегнут!

Сева открыл глаза — зеленое поле было совсем близко.

Он перегнулся через борт и увидел, что птица Рокк опустила на траву, побежала по ней, балансируя на спине самолетом, потом низко присела,

вытянула вперед голову, и самолетик, скользя вперед по шее, съехал на траву и замер.

Гарри Коллинз одним прыжком перемахнул через борт самолета, протянул вверх руки и помог Севе спуститься на землю. Он говорил ему какие-то веселые слова, и Сева дал себе слово обязательно выучить английский язык. Стыдно! С тобой разговаривает старинный пилот, можно сказать, пионер авиации, с которым ты только что потерпел крушение после воздушного боя, а ты не можешь ему ничего ответить, кроме примитивного «сенкью».

Руки у Гарри были ледяные, и Сева сказал:

— По моей милости вы промерзли насквозь. Сейчас бы вам чарку виски, правда?

Сева снял куртку и протянул пилоту.

— Гарри не пьет, — сказала бабушка, подходя к самолету. Откуда она взялась, если до ближайших деревьев было метров триста, Сева понятия не имел. Впрочем, разве можно удивляться в царстве сказочной Снежной Королевы?

Хотя это царство совершенно не производило впечатления сказочного.

Дул холодный ветер. Небо было синим-пресиним, и по нему весело неслись ватные облака. По зеленой траве летного поля, словно вороны, важно ходили чайки, значит, море недалеко.

— Энд но кофе! — сказал бабушке пилот, совершенно не удивившись ее появлению.

— Кофе он тоже не пьет, — заметила бабушка, — только курит.

Пилот словно услышал подсказку. Он достал из кармана кожаных штанов затейливо изогнутую трубку и стал ее терпеливо раскуривать, прикрывая ладонью огонек зажигалки.

— Хороший человек, — сказала бабушка, шагая рядом с Севой в сторону деревянной сторожки, над которой на высоком шесте трепетал надутый конус — полосатая матерчатая труба с дыркой на конце, которая показывала, в какую сторону дует ветер. — Хороший человек и машину свою понимает, любит. Жалко, что погиб.

— Как так погиб? — удивился Сева.

— Давно уж погиб. Да и кому удастся остаться живым в Бермудском треугольнике?!

И сама же ответила:

— Никому.

— Значит, он мертвый? — спросил Сева.

— Как статуя, — сказала бабушка.

— А он мне куртку дал.

— Понятно. Она ему только для красоты нужна, а вообще-то он добрый, отзывчивый.

«А мне не понятно», — подумал Сева. И не удержался, спросил:

— А может, вы все мертвые?

— Исключено, — ответила бабушка. — Некоторые из нас вечные, другие долгоживущие, а мертвых раз-два и обчелся.

— Понятно, — сказал Сева, но как-то не очень уверенно.

Сбоку от тропинки, по которой они шли, лежала на животе птица Рокк. Нормальные птицы так не лежат. Ведь птицы даже спят сидя!

— Как она успела нас подхватить! — вспомнил Сева. — Ты бы только видела, бабушка!

— Мне доводилось такое наблюдать, — ответила бабушка. — Птицы Рокк — крайне сообразительные существа. У них гнезда на вершинах гор, и порой сильный ветер выбрасывает птенцов наружу. Но почти всегда мать или отец успевают догнать птенца у земли и подставить спину.

Птица Рокк подняла голову. Глаза у нее были черными, с блюдце каждый, а клюв (размером с небольшую лодку) — желтым. Птица приоткрыла клюв и мелодичным басом сказала:

— У-ху.

— Спасибо, — сказал птице Сева.

Из невысокого редкого леса, который окружал аэродром, выехала хрустальная карета, запряженная тремя парами северных оленей.

Дверца кареты распахнулась, и оттуда выпрыгнула женщина в длинном, белом в блестках платье с короткими рукавами. Подобрав подол, женщина побежала к Севе.

У женщины были удивительно белые волосы, но не седые, а просто белые, как пена, в которую

камни и острые скалы взбивают хрустальную воду финляндских ручьев.

И лицо у женщины было куда белее обычных человеческих лиц.

Зато губы у нее были ярко покрашены, а ресницы такие длинные, словно ее глаза были озерцами, окруженными густым тростником.

Женщина побежала к Севе. Она бежала, раскинув длинные белые руки, увитые браслетами и унизанные перстнями и кольцами.

На бегу она кричала:

— Ну, долетел всё-таки! Долетел, а мог погибнуть в пути! Нет, вы только подумайте, какими надо быть мерзавцами, чтобы поднять руку на невинного ребенка! Я приказываю немедленно отыскать и примерно наказать убийц! Вы меня слышите?

— Слышим... слышим! — прокатилось над полем.

И тут только Сева, во все глаза глазевший на белую женщину и ничего другого вокруг не замечавший, увидел, что бежит она не одна. За ней, как стая слепней и оводов за кобылицей, несется свита. Свита Снежной Королевы.

Белые волки и серые летние песцы, гномы в красных колпаках и в деревянных башмаках, лешие, покрытые густой шерстью, из которой торчали еловые ветки и всяческий лесной мусор, тролли, такие уродливые, что при виде зеркал приходили в бешенство (так пугались самих себя), медвежата белые и медвежата бурые — ведь именно в Лапландии мир-

но живут и те, и другие, — ну и, конечно же, домовые из заброшенных лесных избышек с длиннющими бородами и домовые постриженные, в камзолах или пуховиках, которые обитают на виллах, в коттеджах и на горнолыжных курортах, белые полярные совы и всякая другая живность, которую Сева не успел толком разглядеть — иными словами, десятки и десятки спутников Снежной Королевы.

Королева подбежала в Севе, обхватила его сильными руками и вдруг подбросила в воздух как котенка.

И тут же поймала, поднесла лицом к своему лицу и поцеловала горячими красными губами прямо в кончик носа.

Сева не сразу сообразил, чему он больше удивился.

То ли тому, что взлетел к облакам.

То ли тому, что у Королевы такие сильные руки.

И такие горячие и мягкие губы.

Ведь если бы его спросили, какими будут губы у Снежной Королевы, он бы, не раздумывая, ответил, что ледяными, как руки пилота Гарри Коллинза, который оказался мертвяком. Хотя, конечно, жаль, что это так, потому что пилот Коллинз очень понравился Севе.

Так что Сева не на шутку обрадовался горячим губам Снежной Королевы.

Снежная Королева отпустила Севу, и он еле удержался, чтобы не шлепнуться на траву.

А Снежная Королева уже побежала к птице Рокк, которая поднялась на гигантские желтые,

морщинистые лапы и потянула к Королеве свой гигантский клюв.

Королева потрепала птицу по клюву.

— Спасибо тебе, цыпленок! — сказала она, и птица — в это трудно поверить, но клянусь вам, так оно и было! — птица Рокк улыбнулась и начала переступать с ноги на ногу, как бы пританцовывая.

А Снежная Королева уже разговаривала с бабушкой.

— Что же это получается? — спрашивала она строго. — Ты не смогла обеспечить безопасность нашего спасителя! Что бы ты сказала своим потомкам, если бы камрад Савин погиб?! А что бы ты сказала его драгоценной маме Елизавете Павловне?! Что?!!

И тут бабушка неожиданно рухнула на колени, начала биться головой о землю и кричать:

— Не губи, Ваше величество! Виновата я в легкомыслии, и нет мне прощения!

Севе стало как-то неловко за свою бабушку, хоть он и знал, что его бабушка — вовсе не его бабушка, а только видимость. Так что он кинулся к ней и стал поднимать на ноги.

— Ну, бабушка, не надо, — повторял он. — Люди же смотрят!

— Мальчик прав, — важно сказал длинноротый домовой. — Не надо выяснять отношения на людях. Раз он жив-здоров, значит, он жив-здоров!

— Ах, как мудро! — закричали все вокруг.

Снежная Королева склонила голову набок и повторила:

— Раз он жив-здоров, значит, он жив-здоров.

— А это еще мудрее! — закричали придворные.

Севе стало смешно (хотя он, конечно, и виду не подал), и он подумал — как странно: я понимаю всё, о чем они говорят.

— В этом нет ничего удивительного, — ответила на его мысль бабушка, шустро поднявшись с колен. — Ты же находишься в пределах сказочной юрисдикции Снежного Королевства. Удивительно было бы, если бы ты ничего не понимал.

— Пошли, Сева, — Снежная Королева протянула ему теплую руку.

Сева ухватился за ее пальцы.

— Не удивляйся, — сказала Королева. — Конечно же, я теплая. Я живая и даже теплокровная. Вот была бы я мертвячкой, как Гарри, тогда и руки у меня были бы ледяными. А тут...

Она наклонилась и снова поцеловала Севу в щеку.

— Вытри со щеки помаду, — велела она, — а то девчонки будут дразниться.

Сева тер щеку и думал: сколько же ей лет, никогда не догадаться... Кожа гладкая, ни единой морщинки, глаза ясные, сверкающие — такого же цвета, как бывает вода в проруби, сама стройная, как гимнастка на помосте, и в то же время ты понимаешь, что никакая она не молодая. Но старая ли?

Нет, этого сказать было ни в коем случае нельзя.

Скорее не старая, а... старинная, как бывает старинным прекрасный хрустальный бокал.

— Пошли, наш верный отважный друг, — сказала Королева и повела Севу к карете.

Она уселась на покрытое подушками сиденье, рядом посадила Севу, и тут же по ее знаку в карету полезли ее придворные и сопровождающие гномы и феи. Карета сразу же набилась мелким народцем и наполнилась различными голосами.

Тесно стало до безобразия, но в то же время никто до Севы не дотрагивался. Друг с дружкой они толкались и щебетали вовсю, попискивали, смеялись и даже ныли, но Сева сидел как за стеклом.

— Ну как, не удивительно тебе? — спросила Королева.

Сева открыл было рот, чтобы признаться, что ничего более удивительного и похожего на сон с ним в жизни не случалось, но тут его проклятый язык сам за него ответил:

— Ничего особенного, — сказал язык. — А грибы у вас есть?

— Грибы?!

И в карете наступила гробовая тишина. Будто Сева произнес совершенно, ну просто ужасно неприличное слово.

— Грибы?! — повторила Снежная Королева.

— Я их собирать люблю, — сказал Сева. — А так не люблю, вы не думайте. Я их даже ем редко, только если соленые.

— Он их ест! — с ужасом прошептал над ухом Севы белый пушистый мотылек.

— Давай договоримся, мой друг, — сказала Снежная Королева голосом Снежной Королевы. — Больше ни о каких грибах мы здесь не говорим. Даже это слово забыли. Ты понял?

— Я понял, — сказал Сева.

И чуть было не добавил — «Ваше величество».

А тишина внутри кареты так и осталась. Карета ехала по асфальтовой шоссейке, раскачивалась, позвякивая множеством колокольчиков и хрустальных подвесок, но внутри нее никто так слова и не сказал.

И тут Сева подумал: а чего это я стесняюсь?! Во всём мире грибы собирают и едят. Кроме поганок. Может быть, здесь грибы ядовитые?

Но Снежная Королева уже сменила тему разговора.

— Как здоровье Афанасия Тихоновича? — спросила она.

— Чье здоровье? — не понял Сева.

— Бывшего чемпиона мира Афанасия Столичного. Неужели ты о нем уже забыл?

— Это наш начальник лагеря?

— Вот именно.

— На вид он ничего, молодец, — сказал Сева. — А вы что, знакомы?

— Так я же была в него влюблена! Как я болела за него двадцать три года назад, когда в Хельсинки

проходило первенство Европы!

— А он? — спросил Сева.

По карете пролетело угрожающее шушуканье и шипение.

Опять он что-то не то ляпнул!

Но на этот раз ему ответила сама Королева.

— Считается, — сказала она, — что любой смертный под воздействием моих чар теряет голову.

— А Афанасий Тихонович?

— Вот он и покинул спорт, — загадочно ответила Королева. — И прозябает в оздоровительном летнем лагере под Москвой. А мог бы стать президентом Гренландии!

— У нас хороший лагерь, — вступился за Афанасия Столичного Сева. — Наверное, лучший в Московской области. И кормят нормально...

Что ж, — сказала Королева. — Хороший, так хороший. Я тебе верю, мой мальчик. — Она смотрела прямо перед собой, и у нее был очень красивый, хотя и совершенно неподвижный профиль. Такое впечатление, что голову Королевы высекли из мрамора. А потом подкрасили ей глаза и губы. Она казалась не королевой, а статуей. Сева хотел было сказать ей об этом, но тут карета наклонилась, затормозила и встала.

Сева подождал, пока выйдет Королева, выбегут и выползут ее многочисленные подданные, и лишь потом сам выпрыгнул из кареты и ступил на вымощенную мраморными плитками площадь.

Глава пятая Дворец Снежной Королевы

Плитки были до того ловко пригнаны, что даже зазоров не видно: гладкие, отшлифованные, светлые, но все разные и каждая со своим узором — красивее, чем в метро.

Плитками была вымощена площадка размером с баскетбольную, и сбоку стояли в ряд несколько саней и снегоходов. А также вездеход с лыжами вместо задних колес.

А впереди Сева увидел дворец Снежной Королевы.

Сева в жизни бы не догадался, что это дворец.

Скорее он был похож на очень большой деревенский дом. Но не на избу, а на старинный терем. Он был сложен из толстенных бревен, крыша у него была крутая и покатая, а крыльцо — высокое и крытое...

Королева сказала:

— Пошли, пошли, что рот разинул? Разочарован? Надеялся увидеть снежный или ледяной дворец настоящей Снежной Королевы? А тут какой-то мотель! Не бойся, мой мальчик, всё у меня настоящее. Просто я не хочу привлекать к себе излишнего внимания.

— Вы говорите по-русски совсем без акцента, — сказал Сева. У Севы счастливый характер. Он быстро привыкает к людям. Вот и к Королеве уже начал привыкать. В конце концов, не ему нужна Королева, а она его просит сделать для нее одолжение. А он, Сева, просто любит помогать людям.

— Я вообще не говорю по-русски, — ответила Королева. — Но сейчас ты попал в мою волшебную страну, а здесь языков разных нет, не нужны они нам. И так обходимся.

— Хорошо бы так на всей Земле было! — вырвалось у Севы. — Во всех странах один язык! Вот было бы здорово!

— Почему? — спросила Королева.

— Тогда бы у нас иностранные языки в школах отменили. Представляете — раньше был английский, а теперь идем в кино!

— Как наивно, — пожала плечами Снежная Королева. — Неужели ты думаешь, что учителя оставят вас в покое? Вам тут же придумают какую-нибудь этику, эстетику или сопротивление материалов!

И Снежная Королева так грустно засмеялась, что Сева сразу догадался, что она когда-то училась в школе, и у нее с этим связаны не самые приятные воспоминания.

— Да, — Снежная Королева угадала мысли Севы. — В мое время в школах еще были телесные наказания.

— Сочувствую, — сказал Сева.

— Кстати, — обернулась к нему Королева, — в частных беседах ты можешь называть меня просто Роксаной. Но на людях попрошу именовать меня Ваше величество.

— Слушаюсь, Ваше величество!

— И без иронии! — сказала Снежная Королева.

Королева подошла к двери (самой обыкновенной, деревянной), и дверь распахнулась, медленно, как и положено во дворце.

Они вошли.

Заиграла музыка.

По обе стороны от двери стояли на задних лапах громадные белые медведи. Лапами они держали алебарды и опирались на них. Увидев Королеву, медведи дружно зарычали.

Сева зажмурился и крепче впился в руку Королевы Роксаны.

— Не бойся, это просто стражники, — сказала Королева. — И раз ты мой друг, они будут охранять и тебя.

Сева спорить не стал, правда, он читал недавно, что диким животным нельзя до конца доверять. Потому что тигру или льву, не говоря уж о медведе, который живет в вашей квартире, в один прекрасный момент может что-нибудь втемяшиться в башку, и он вас растерзает как котлету.

Но особо пугаться у Севы времени не было, потому что он вдруг понял, что вестибюль королевского дома почему-то намного больше, чем весь дворец снаружи.

Это был самый настоящий зал, но что самое удивительное — не деревянный, как Сева ожидал, а ледяной или стеклянный, с прозрачными колоннами, белым в метровых снежинках потолком и голубым скользким полом. А между колоннами на каменных постаментах стояли белые ледяные скульптуры.

Они изображали каких-то великих людей, потому что у них были гордые позы, высоко поднятые головы, а руками они все куда-то указывали. Правда, в разные стороны.

— Мои предки, — сообщила Снежная Королева. — Большею частью по материнской линии.

Что это означало, Сева не понял. Поэтому спросил:

— А по отцовской — они где?

— Они не заслужили монументов. Ты ж понимаешь...

Дальше спрашивать смысла не было. Не заслужили — значит, не заслужили...

— Мы поговорим у меня в кабинете, — сказала Королева, направляясь к резной каменной двери. Дверь была ростом этажа в два и тоже послушно распахнулась, едва к ней подошла Королева. А белых медведей там не было.

— Фотоэлемент? — спросил Сева.

— Какой еще фотоэлемент! — сказала королева. — Он бы у нас быстренько заржавел.

А сама улыбнулась. Словно знала, что такое фотоэлемент...

Кабинет Снежной Королевы был поменьше вестибюля. Если бы не ледяные стены и не потолок в виде сталактитов — ледяных сосулек, на конце которых горели разноцветные лампочки, — можно было бы подумать, что это обыкновенный городской кабинет.

Снежная Королева подошла к обширному письменному столу, заваленному бумагами, карандашами, ластиками, кассетами, фломастерами, папками, скоросшивателями, дисками, скрепками, ручками — над всей этой помойкой нависал огромный экран позолоченного компьютера, — уселась во вращающееся кожаное кресло, оттолкнулась и закрутилась, весело крича на лету:

— Ничего не знаю! Ничего не умею! Не желаю притворяться умной!

Взмахнула руками, и ничего на столе не осталось. Лишь свернутый в трубку лист бумаги, гусиное перо, чернильница на краю, да серебряный колокольчик.

— Порой, — сказала Снежная Королева, замедляя полет в кресле, — я сама не понимаю, в каком мире живу. А живу я очень давно, потому что, судя по всему, я бессмертна. Это совершенно неприлично, но никуда не денешься. Ведь у каждого есть свои обязанности перед народом и страной. Я стараюсь приносить пользу, но знаешь, мальчик, я далеко не всегда уверена, что это именно польза. Может, мне давно надо бы уйти в отставку и утопиться в Ледовитом океане.

— И сколько же вам лет? — спросил Сева, который не знал, что женщинам этот вопрос задавать совершенно запрещено. Даже неприлично.

— Ну, кто считал, — отмахнулась Королева. — Больше двадцати. И это уже старость...

Она взяла колокольчик и легонько взмахнула рукой.

Ласковый серебряный перезвон взлетел к сталактитам, порхнул между колоннами, отразился от ледяных стен, и весь дворец наполнился радостными новогодними переливами.

— Пора переходить к делу, — сказала Снежная Королева. — Мы с тобой люди занятые и не можем тратить время на пустые разговоры о времени, возрасте и былых сражениях, не так ли? Наши друзья ждут.

— А мне в лагерь надо поскорее вернуться, — сказал Сева.

А то она еще подумает, что ему тут больше всех нужно!

— Конечно, тебе нужно в лагерь. Ну, где же он?

И тут открылась небольшая дверь справа от стола, и вошел высокий толстый дядька в красном костюме и галстук-бабочке. Красноносое лицо толстяка украшала окладистая седая борода.

— Ты меня звала? — спросил он.

— Познакомься, — ответила Снежная Королева. — К нам приехал помощник и спасатель Всеволод Савин.

— Как же, как же, наслышаны, — прогудел толстяк. — Рад познакомиться. Зовут меня по-разному: Нильсом, Санта-Клаусом, Дедом Морозом, Юханом Миекке и даже Николаем Угодником. Выбери любое имя по вкусу.

— Нильс, — вмешалась в разговор Роксана, — один из моих мужей. Они все похожи, но один за другим стареют, и приходится их заменять на молодых и здоровых. Нильс — шестидесятый муж Снежной Королевы. Ясно?

— Ты поменьше ее слушай, — засмеялся Дед Мороз. — Моя снежинка — великая выдумщица. Она тебе еще не рассказывала о том, какое горе ее семейству принесли грибы?

— Нет, — сказал Сева.

— И не надо мальчику об этом знать! — воскликнула Королева. — Трагедия нашего семейства касается только моих родителей. И будь любезен не высказываться без моего разрешения!

— Ну ладно, ладно, Роксана, — смутился Дед

Мороз. — Я не думал, что это такая трагедия...

— Нильс!

— Роксана!

— Нильс!

— Молчу.

— Совсем молчи.

— Совсем молчу.

Снежная Королева дотронулась до свернутого в трубку листа бумаги, и он развернулся. Оказалось, что это карта. Нарисованная от руки и со множеством пометок.

— Рассказывай! — приказала Снежная Королева Нильсу. — Отважный рыцарь готов слушать. Ты готов?

— Конечно, готов, — ответил Сева.

В кабинете Снежной Королевы было довольно прохладно, и хотя в камине потрескивали громадные толстые поленья, а окна, нарисованные на ледяных стенах, светились снаружи и никуда не вели, так что и дуть из них не могло, всё равно во дворце было неуютно и зябко.

— Знаешь ли ты, что видел под Землей карликом Юхан? — спросил Дед Мороз.

Севе было непривычно видеть Деда Мороза летом (хоть и у Полярного круга), без шубы — правда, в валенках, — а в костюме и с галстуком-бабочкой.

— Мальчик всё знает, ему рассказали, — вмешалась Королева Роксана. — Переходи прямо к делу.

— Бабушка рассказала мне, — сказал Сева, — что маленький гном пробрался к центру Земли и там нашел громадную пещеру, в которой росли деревья и текли реки, а сверху светило солнце.

— Ну, не совсем солнце, а шар раскаленной лавы, — поправил его Нильс. — Но в принципе это было великое открытие: я бы сказал, не менее великое, чем открытие Америки. Целый мир, необитаемый, чистый, неизгаженный твоей человеческой цивилизацией...

— Не обижай молодого человека, он хочет нам помочь, — сухо сказала Снежная Королева.

Она внимательно разглядывала карту.

— Я не обижаю, — сказал Нильс. — Но необходимо признать, что именно люди с их заводами и фабриками, с их никуда не годной канализацией и выхлопными газами, ревущими самолетами и дикими атомными бомбами подвели Землю к краю пропасти. Если так будет продолжаться, то через несколько лет Земля расколется и погибнет.

— А недавно, — вмешалась Королева Роксана, — нам сообщили, что озеро Китеж возле Уральского хребта, которое славилось чистой водой и рыбой таймень, погибло. Кто-то превратил всю воду в озере в мертвую. Но так как те места ненаселенные, никто особенно не встревожился.

— Кроме нас, — сказал Дед Мороз. — И мы

обязательно отыщем негодяев, которые губят нашу планету.

— И спасем наших друзей, — добавила Королева.

Глава шестая Царский обед

Они просидели часа три над картой, которую составили во дворце Снежной Королевы со слов маленького гнома, прежде чем тот сбежал в новое подземное путешествие.

Дед Мороз с Королевой подробно описали путь, который следует пройти Севе. Сейчас я об этом рассказывать не буду, потому что Севе всё равно придется идти этим путем — тогда и посмотрим.

А потом Нильс — Дед Мороз сказал вот что:

— Если бы никто кроме нас не знал об этой пещере, если бы мы были уверены, что никто туда не пробрался, а побывал там только маленький гном Юхан, мы бы не стали торопиться, вытаскивать из летнего лагеря мальчика, о котором мало что знаем и за которого, конечно же, переживаем, а подобра-

ли бы команду спелеологов. Но есть немало признаков того, что кроме нас кто-то страшный и вредный прознал про подземный мир и хочет захватить его. И у нас, к сожалению, нет оснований считать, что он хочет добра нашей Земле. А доказательство...

— Доказательство то, что нас с летчиком чуть не убили, — сообразил Сева.

— С пилотом ничего бы не случилось, — сказал Нильс, — а вот тебя по-человечески жалко.

— У меня было предчувствие, — сказала Роксана. — Недаром я послала тебе навстречу птицу Рокк. Я не люблю посылать ее в населенные места. Ее уже три раза чуть не сбили ракетой «земля-воздух». Уж очень она похожа на неопознанный самолет — нарушитель воздушного пространства нашей финляндской родины.

— Ну и реакция же у нее! — вспомнил Сева.

— Это она сама сообразила, — заметила Снежная Королева. — Я бы на ее месте ни за что бы не догадалась подставить спину под колеса самолета.

— Потому что они грязные, дорогая? — спросил Нильс.

— Без шуток. Шутки у тебя солдатские!

Снежная Королева насупилась, как самая обыкновенная женщина, которой страшно надоели глупые шутки ее мужа.

А муж принялся хохотать и гладить большими ладонями свое толстое пузо. От его хохота с высокого шкафа, что стоял сбоку от стола, упал череп.

Сева даже не сразу сообразил, что это череп, потому что он был оранжевого цвета. А когда сообразил, подпрыгнул как ужаленный.

Дед Мороз напалдал череп валенком, и тот откатился в угол кабинета.

— Безобразие! — воскликнула Королева. — Я с ним поговорю! Так можно и заикой стать. Смотри, как он мальчика напугал. Ты испугался, Всеволод?

Но Сева уже сообразил, что череп ненастоящий, а так, игрушка. Поэтому сказал:

— Еще чего не хватало!

— Вот видишь, — сказала Королева Нильсу. — Чтобы больше этого не повторялось!

— Вот и скажи об этом Кривляттеру, — ответил Нильс. — Мне он смертельно надоел. Я бы его давно выгнал.

— Ах ты мой революционер, — вздохнула Королева. — Из всех моих многочисленных мужей ты самый спесивый и вздорный.

— Зато самый умный, — ответил Нильс.

И оба они рассмеялись, но тут же вспомнили о Севе.

— Шутки шутками, — сказала Королева, — а учитывать опасности мы обязаны. Одно дело — туристический поход к центру Земли. Опасно, но приятно. Другое дело ждать нападения бессовестных и бессердечных глыков.

— Кого? — переспросил Сева.

— Это условное название для наших врагов, — сказал Дед Мороз. Сева кивнул, но не поверил.

У него было странное чувство, будто он разговаривает не в обычной жизни, а во сне. И все вокруг говорят неправду, но не потому, что хотят его обмануть, а потому, что сами не знают разницы между правдой и ложью. Придумали каких-то глыков, вот и грозят ими, а глыков, может, и не существует вовсе. Но тогда, возможно, и подземного мира, убежища для драконов и русалок, тоже нет? А кто тогда напал на самолет Гарри Коллинза?

Однако, с другой стороны, не всё можно придумать. Да и зачем им тратить столько сил, чтобы обмануть одного Всеволода Савина из 59-й школы? И дворец Королеве строить, и домовых распускать по всей Земле, и устраивать бал в летнем лагере? Одна птица Рокк чего стоит! Такую не выдумаешь.

— Ты задумался, Всеволод? — спросила Снежная Королева. — Может, ты боишься идти к центру Земли? Если так, то лучше скажи об этом прямо сейчас, пока ты не оказался там, в преисподней.

— Ничего я не боюсь! — вспылил Сева.

Ему немного надоели бесконечные разговоры. Взрослые порой очень много о себе думают, и им кажется, что они все такие деловые и практичные, а на самом деле они тратят на разговоры куда больше времени, чем дети или подростки. Тины конкретнее взрослых!

— Мой юный друг, — торжественно произнесла Снежная Королева. — Я предлагаю следующий порядок действий. Сейчас мы все проследуем на обед. Обед будет скромным, только для узкого круга придворных и соратников. На этом обеде, после которого, как всегда, последуют танцы, я представлю тебя некоторым лицам, которые помогут тебе со снаряжением и подготовкой к путешествию. Ведь тебя надо не только уменьшить в мультипликаторе, но еще одеть, обуть и вооружить. И везде требуются специалисты. Я вообще противница дилетантов. Тебе понятно это слово?

— Это значит любитель, — ответил Сева.

— Молодец, подаешь надежды, — сказала Снежная Королева. — Пошли обедать.

Она поднялась и направилась к дверям.

Дед Мороз и Сева шагали следом.

За дверью, которая еще три часа назад вела в большой вестибюль, открылся узкий, плохо освещенный коридор.

Впереди была абсолютная темнота.

Снежная Королева, не смущаясь, шагнула в эту темноту, а Сева затормозил, потому что испугался, но тут Нильс подтолкнул его в плечо, и Севе, хочешь не хочешь, пришлось последовать за Королевой Роксаной.

Но темнота протянулась ненадолго, всего шагов на двадцать. Тем более, что рука Нильса всё время

лежала на Севином плече и направляла Севу вперед.

Затем впереди открылась дверь, вспыхнул яркий свет, и Сева увидел, что Роксана остановилась и ждет его.

— Ах! — воскликнул Сева, потому что меньше всего ожидал, что Снежная Королева за эти двадцать шагов успеет полностью переодеться.

Ее платье с длиннющим шлейфом было темно-синим у пола, постепенно светлело к поясу, словно закатное небо на Западе, и становилось совсем оранжевым на груди.

Ее белые мраморные плечи были обнажены, а волосы цвета светлого золота взбиты высоко и пышно. Прическу венчала бриллиантовая корона — точно такая же, как у давешней царевны-лягушки, только, разумеется, в двадцать раз больше и ярче сиянием.

Королева глядела на Севу с Нильсом, сердито сведя густые брови:

— Ну, поторопитесь же! Люди ждут!

Даже Дед Мороз оробел и сильно толкнул Севу вперед. Королева поймала Севу на лету и схватила за руку.

— А ну, — приказала она. — Раз-два-три!

Дед Мороз пристроился по другую сторону Севы, и вот так, рука об руку, они вошли в главный зал дворца Снежной Королевы.

Главным он был не только потому, что оказался

велик, и не потому, что в нем буквой «П» стоял огромный обеденный стол, а оттого, что в середине перекладины этой буквы «П» возвышался королевский трон, по сторонам стояли два трона поменьше, а дальше шли кресла, похожие на троны.

Все места за столом были свободны.

Придворные, сотрудники, близкие люди и знатные звери, волшебники и колдуньи, саами, ненцы и прочие жители Дальнего Севера и даже королевские пингвины особой разумной породы толпились в отдалении. Все они мучились от голода и с нетерпением ожидали появления Ее величества.

И вот она вошла, вплыла, влетела в зал, и все ахнули, потрясенные королевской красотой. Они принялись хлопать в ладоши, выть, петь и смеяться как дети, и от этого шума даже упали одна или две сосульки с потолка, правда, до стола они не долетели, потому что поверху дул специальный поток горячего воздуха, и поэтому сосульки в полете растаяли и даже испарились.

Лишь кое-где на пол упало несколько капель горячей воды.

— Здравствуйте, мои дорогие, — произнесла Королева, и все в зале поклонились ей. А некоторые так даже упали ниц.

Не глядя по сторонам, Королева Роксана прошествовала вдоль стола и уселась на трон. Сверху, откуда-то из-за сосуллек, послышалась музыка ан-

самбля АББА. Негромкая, будто сыгранная только для того, чтобы не слышно было, как скрипят и стучат ножками стулья, как толкаются гости, спеша занять свои места.

Нильс с Севой тоже заняли свои места. Дед Мороз уселся на трон рядом с королевским, а Севе досталось угловое кресло. Почетное, но не из главных. «А ты чего хотел? — спросил себя Сева. — Здесь эти места, может, по десять лет выслуживают!»

Интересно было смотреть, как кресла в одном ряду с Королевой занимали Деда Морозы, разные, конечно, но бородами и костюмами, красными щеками и носами весьма похожие на Нильса. Сева и без подсказки понял, что все они — мужья Королевы Роксаны, но не самые главные, умные и любимые. А по другую сторону все места, кроме самого близкого к Королеве, заняли хорошенькие снегурочки. И Сева заподозрил, что это дочки Королевы, хоть было их довольно много, штук десять, не меньше. Лишь трон, самый близкий к королевскому, оставался пустым.

Неожиданно Королева подняла руку. Замолк, оборвал мелодию оркестр, замолчали, словно подавились воздухом гости.

— Как стыдно, — произнесла Королева Роксана. — У нас в гостях сегодня лучший представитель человеческого племени, который, рискуя жизнью, добрался до наших краев и чуть не погиб в пути.

По залу прокатился возмущенный шум. Видно, не все еще знали, как птица Рокк спасла самолет Гарри Коллинза.

— Как стыдно, что в такой опасный, рискованный и решающий момент в истории нашего королевства, когда дисциплина и послушание должны стать нашим главным лозунгом, среди нас находятся типы, которые не умеют кланяться Королеве, проявляя тем самым неуважение к нашим старинным обычаям!

Зал приглушенно ахнул, и многие сжались в своих креслах, опасаясь, что карающий перст Королевы укажет на них. Но виноватым оказался довольно наглого вида тролль — лохматое существо с торчащими зубами, одетое в какую-то шкуру и подпоясанное дохлой змеей.

Перст королевы указал на тролля. Драгоценные кольца и перстни сверкнули как взрыв ракеты.

— Это тебя касается, Питер А-тролль, — прогремел голос Роксаны. — Покинь зал. Ты остался без обеда!

Тролль словно ждал этих слов. Он встал, опрокинул стул, на котором сидел, и вразвалочку направился к дверям.

— Питер, немедленно вернись и поставь стул на место!

Тролль продолжал идти к двери.

Тогда Дед Мороз Нильс поднял указательный

палец и нарисовал им в воздухе какую-то хитрую фигуру. Стул сам поднялся и встал на свое место.

Королева сделала вид, что не заметила жеста любимого мужа. Троль обернулся от двери и показал Королеве язык.

И это было роковой ошибкой!

Из глаз Королевы вылетел ослепительно-яркий луч и коснулся языка тролля. И все, включая Севу, увидели, как на конце его языка, слишком длинного даже для тролля, появился большой белый пузырь.

И как ни старался троль втянуть язык обратно в рот, тот во рту не умещался. Троль зарычал и выбежал из зала.

— Это послужит ему уроком, — сказала Королева.

— Боюсь, ты заблуждаешься, — вполголоса возразил ей Нильс. — Питеру А-тролю уже двести двадцать лет, и двести пятнадцать из них он провел в безобразиях и наглых выходках. Типун на языке никогда не исправит профессионального безобразника.

— И, тем не менее, правила остаются правилами, и дисциплина должна быть внедрена, — решительно сказала Роксана.

И все с ней согласились.

И тут белые медведи открыли дверь, и в зал вбежала девушка лет пятнадцати-шестнадцати, бледненькая, запыхавшаяся, с распущенными рыжими волосами и в зеленом платье.

— Прости, мама! — крикнула она от двери и побежала вдоль стола к Королеве.

И Сева узнал в ней царевну-лягушку.

Ему было приятно встретить старую знакомую.

— Мама, — воскликнула на бегу царевна-лягушка, — на поляне за дворцом, где я собирала цветы, я видела чужих людей. Совсем чужих! И они исчезли, как только я хотела их спросить, что они делают по соседству с дворцом моей мамы.

— Люди?! Чужие?! Как это могло случиться?

Вопрос был обращен к громадному Снежному человеку, который сидел на дальнем конце стола.

Снежный человек тут же вскочил.

— Где видела? — спросил он царевну.

— На Земляничной поляне, — ответила царевна.

— Не беспокоитесь, Ваше величество, — пробасил Снежный человек, схватил со стола пирог, видно, не надеясь вернуться до конца обеда, и побежал к двери. У него были такие длинные руки, что ему приходилось подгибать пальцы, чтобы не волочились по полу. Весь он был покрыт светлой и не очень чистой шерстью. Другими словами — типичный снежный неандерталец, который умудрился в свое время не вымереть вместе с другими неандертальцами.

Королева обернулась к дочке:

Счастье, что ты убежала от них, Кристина! — сказала она.

— Я не убежала! — возмутилась царевна Кри-

стина. — Я была столь ужасна в гневе, что это им пришлось спасаться бегством.

— Безумие! — испугалась Роксана. — Это же опасно! Да ты садись, садись, и ешь с хлебом. Тебе нужны витамины.

Глава седьмая

Черная рука

В тот день Сева еще плохо разбирался в нравах и обычаях Снежного королевства, поэтому удивился, когда царица-лягушка по имени Кристина отказалась садиться на трон возле мамы, а прошла к свободному креслу рядом с Севиным и уселась там.

— Давно не виделись, жених, — сказала она.

У царевны-лягушки были особенные, сверкающие глаза: из них непрерывно выскакивали смешинки и летали по воздуху.

В лагере она была совсем не такой.

Заметив удивление на Севиной физиономии, она сказала:

— У тебя в лагере я была перепутана, меня каждый пришибить мог. Я и в тебе не была уверена. Риск был такой, что у мамы случился гипертонический криз.

нический кризис. Знаешь, что это такое?

— Конечно, знаю. У бабушки был. Гипертонический криз.

— А тут я дома. Ты только попробуй меня тронь. И будешь не жилец на этом свете.

Царевна рассмеялась звонким смехом, будто стеклянные колокольчики посыпались с потолка.

— А ты здесь всегда живешь? — спросил Сева.

— Я закончила школу в Оксфорде, — сказала принцесса, — и приехала на каникулы. Ты не думай, в Англии не знают, кто мои родители.

— А зачем ты в Оксфорде... то есть, что ты там делала?

— Училась, и неплохо, — сказала принцесса.

— Но ты же волшебная!

— Ну вот — опять двадцать пять! Думаешь, здесь все уроды?!

— А разве ты не снегурочка?

— Ничего подобного! И папа мой вовсе не Дед Мороз, а простой советский зимовщик, гидрограф Пенкин с дрейфующей Полярной станции «Северный полюс-27». Он заблудился в пургу, чуть было не замерз, а моя мама, которая пошла погулять по холодку, увидела замерзшего папу, влюбилась в него и велела медведям принести его к себе в летний дворец, который находится у нее на острове Шпицберген. Там папа прожил почти полгода. Но потом им с мамой пришлось расстаться, потому что мой папа стал тосковать

по своей предыдущей семье и другим детям. И сбежал от мамы и пропал без вести. Может, он даже остался жив, и его укрывают в какой-нибудь воинской части на Кольском полуострове, а, может, попал в трещину или в полынью... Так или иначе, я несчастная сиротка!

— А голова не болит?

— Ага, вспомнил! У меня там до сих пор шрам не зажил! Разве можно от живой лягушки корону отрывать?!

— А ее тебе пришили?

— Дурак! Она у меня выросла! У всех принцесс нашего Снежного королевского дома вырастают на голове бриллиантовые коронки. Иначе как нас отличить от обыкновенных принцесс?

Тут Кристина увидела обалдевшее лицо своего «жениха» и расхохоталась.

— Кристина! — крикнула ей мать. — Сейчас же перестань издеваться над нашим гостем!

— Уже перестала, — ответила Кристина. — Он поверил, что у меня бриллиантовые короны на голове растут, а из ушей растут сережки!

— Да разве у вас разберешься! — обиделся Сева. — Тогда и не говорите, что вы волшебные.

— Но ты же видел, как я была лягушкой! — воскликнула принцесса. — А еще хвастался, в сказки он верит! Тебя, между прочим, из-за этого к нам и позвали! А теперь ты в кусты?

— В какие еще кусты! Я же здесь сижу!

— Тогда ешь мороженое! У нас здесь лучшее мороженое за Полярным кругом! К нам даже из Арабских Эмиратов джинны прилетают мороженого поесть.

— Опять врешь?

— Ничего я не вру. Ты попробуй, а тогда говори.

Она зачерпнула серебряным половником три шарика мороженого из серебряного ведерка и положила Севе в блюдечко.

— А бриллиантовые короны делает мастер Звянк, — сказала она. — Знать надо! Ему из самых глубин Земли гномы бриллианты достают. Ты с ним скоро познакомишься. Может, даже завтра.

— Почему?

— А когда тебя будут готовить к путешествию, он что-нибудь для тебя сделает. Он всё умеет.

Принцесса положила в рот шарик мороженого.

Сева последовал ее примеру.

Ничего подобного есть ему еще не приходилось! Мороженое тут же растворилось во рту без остатка, и у него, оказалось, был не только апельсиново-земляничный вкус, но и изумительное послевкусие — когда само мороженое проглотилось, во рту началась довольно приятная битва мятных иголок с малиновыми подушечками.

Пришлось съесть еще один шарик, чтобы погасить эту битву.

Второй шарик оказался ванильно-шоколадным, а послевкусие у него было и вовсе невырази-

мое. И Сева чуть не прослушал, что говорит ему Кристина. А говорила она вот что:

— Я сама хотела пойти искать подземное царство, даже в мультипликатор пыталась залезть. Но не получилось. Оказывается, во мне всё же много волшебной крови — не берет меня мультипликатор! А жалко, а то бы мы с тобой вместе пошли. Ты мне нравишься, и ты не трус.

Только она это сказала, как Сева страшно опозорился.

Но, возможно, на его месте опозорился бы каждый.

Любой нормальный человек, попавший в волшебное королевство.

Потому что когда он решил зачерпнуть из серебряного ведерка еще немножко мороженого, и подвинул ведерко к себе, то из ведерка неожиданно вылезла по локоть черная рука с когтистыми синими пальцами и попыталась схватить Севу за нос.

В следующее мгновение Сева оказался под столом.

И всё было бы еще не так отвратительно, если бы рука не полезла за ним под стол.

И Сева, наш маленький герой, как называла его Снежная Королева, на карачках побежал под столом, натываясь лбом и плечами на ноги, лапы, сапоги и копыта гостей. А рука неслась сзади и порой хватала его когтями за штаны!

Но тут на пути у Севы показалась большая человеческая рука, которая схватила Севу за шиворот и вытащила из-под стола.

Сева от ужаса даже голос потерял, а только задышался.

И тут он сообразил, что добежал до трона Снежной Королевы, а вытащил его из-под стола Нильс, ее муж, или, как его называли при дворе, Дед-консорт.

Дед Мороз посадил Севу на колени, а другой рукой схватил черную руку и изо всех сил кинул ее в угол комнаты.

Там на руку накиннулись облезлые летние пещы, которых стали рвать ее в клочья и драться к веселью гостей.

— Что ж ты, Кристя, — укоризненно произнес Дед Мороз, — нашего гостя не остерегла?

— Так неожиданно, — ответила принцесса. — Я даже сообразить не успела... Прости, Сева.

— Чтобы наша Кристина прощения попросила... — задумчиво произнес Дед Мороз, — такого я не помню.

— Потому что мы друзья, — громко ответила Кристина. — Иди сюда, Сева, мороженое еще осталось.

— Без шуток! — оборвала ее мать. — Во всём надо знать меру!

Сева был согласен с Королевой. Есть мороженое из ведра, в котором водятся черные руки —

это выше возможностей нормального человека!

Обед был в самом разгаре, некоторые гости обжирались, другие оппивались. Графины с этикетками «Водка Лыдышка» и «Ликер Айсберг» пустели на глазах.

Снежная Королева поднялась из-за стола, но сделала это так, что никто не обратил на ее уход внимания, если не считать нескольких человек, на которых она, уходя, указала пальцем. Те тоже поднялись и пошли к дверям следом за Королевой и Севой, которому тоже дали понять, что пора уходить.

Вышла из-за стола и Кристина.

Королева возвратилась к себе в кабинет и села в кресло, а те, кто пришли, остались стоять.

— Я вас долго не задержу, -- сказала Королева. — Все вы уже знаете Всеволода Савина, нашего друга и помощника. Он отправляется в трудный и, может быть, смертельно опасный поход в глубь Земли. Он должен узнать всё, что необходимо, о подземном царстве, которому мы соизволили дать условное название «Убежище», потому что намерены подарить его тем существам, которым грозит на Земле гибель. У каждого из вас есть нечто полезное для Всеволода. А ты, Всеволод, слушай и запоминай.

Королева показала на мрачного горбатого старика с черными крашеными волосами. В левый глаз у него было вставлено сильное увеличительное стекло, с которым он никогда не расставался.

Одет он был в черный, кое-где порванный, а кое-где прожженный халат.

— Ты видишь, Всеволод, величайшего в мире ювелира и кудесника. Имя его Гном Перекантер.

Гном Перекантер поклонился, но как-то криво и будто бы нехотя.

— Не смотри, что он кажется таким злым и нелюдимым, — сказала Королева Роксана. — Просто он всегда очень занят. Правда, Перекантер?

— Можно я пойду? — сказал гном. — У меня в тигле золото перегорит.

— Иди, иди, скажи только, когда Всеволоду к тебе явиться.

— А пускай завтра с утра и является, — ответил ювелир и камнерез.

Взор Снежной Королевы обратился к следующему специалисту.

Если бы это не был гарантированный житель волшебного королевства, Сева принял бы его за жулика, который подходит к тебе на улице и говорит: «Смотрите, вон кошелек лежит, давайте его подберем, а деньги поделим». И не дай вам Бог попасться на эту удочку и дать жадности вас одолеть. Всё потеряете — и те деньги, что лежат в подброшенном кошельке, и свои собственные.

Был он кудрявенький, весь такой розовенький и похож на барашка, хоть у барашков и не бывает розовых мордочек. Глаза у него были кроличьи, а ушки всё время двигались, как у трусливого кота.

— Ахаль, — представила его Снежная Королева. — Портной.

— Позволю заметить, Ваше величество, — пропел портной Ахаль, — я лучший портной в вашем королевстве, а также во всех Скандинавских странах.

— Когда ты назначаешь встречу Всеволоду?

— Сегодня снимем мерку, завтра сделаем примерку, послезавтра хоть на парад.

— Отлично, — сказала Королева. — Кто следующий?

— Разрешите прервать вашу беседу? — послышался чей-то бас. — Я вернулся.

Все обернулись к двери. Там стоял Снежный человек, начальник охраны.

— Ну что, поймал?

— Далеко не уйдут, — ответил Снежный человек.

— Ты настоящий полковник, — сказала принцесса Кристина. — Все преступления и события ты тут же берешь под личный контроль. Но не поймал еще ни одного вора и не раскрыл ни одного убийства.

— А у нас убийств и не было, — ответил Снежный человек.

— Мультипликатор действует? — спросила Королева.

— Испытаем в любой момент, — отрапортовал Снежный человек.

— Вот с тебя и начнем, — сказала Королева. — А уж потом к оружейнику и к веревочнику, а также к осветителю и главному повару.

Снежный человек пошел к дверям, Сева за ним, а Кристина сказала:

— Мама, Севе нужно сопровождающее лицо. Подумай, он и полдня тут не пробыл. Хотя он и храбрится, но внутри весь трясется. По себе знаю — когда меня хулиганы начали ножом резать...

— Немедленно прекрати! Пожалей свою единственную мать! — закричала Королева Роксана. — Что бы подумал твой покойный папа, если бы узнал, что советские дети режут тебя ножиком! А я тебя не уберегла!

Снежный человек первым вышел из кабинета. За ним шел Сева. А принцесса-лягушка замыкала шествие. И, хоть Севе не очень было приятно слышать, что он внутри весь трясется, но, честно говоря, с Кристиной было как-то спокойнее. Своя герла, в лагере познакомились...

Глава восьмая

Испытание чемодана

Оказалось, что под дворцом есть еще три или четыре этажа.

Там была и бескрайняя кухня, и прачечная, и какие-то склады. Даже странно, зачем сказочному королевству такое хозяйство. Казалось бы, вызвал джинна или колдуна — и строй себе любой дворец.

По дороге Сева настолько успокоился, что признался Кристине, как ему хочется выучить английский. А Кристина, которая была в принципе своя, компанейская, сказала, что хочет научиться играть на банджо.

Поэтому, пока они топали чуть ли не полчаса по ледяным и каменным туннелям дворца, Кристина объясняла Севе разницу между Паст и Презент. Она хорошо объясняла, а Севе хотелось у нее чему-нибудь научиться. Ему даже нравилось, как часто

она смеется, и как из ее глаз и губ вылетают смешинки.

Наконец Снежный человек остановился перед дверью, украшенной резьбой, изображавшей Змея. Змей был очень натурально раскрашен, Севе сначала даже показалось, будто он живой. Снежный человек нажал волосатым пальцем змею на глаз, и змей приподнял голову. За головой обнаружилась замочная скважина, и Снежный человек вставил в нее обломанный ноготь большого пальца.

«Вот это да! — уважительно подумал Сева. — Ни один вор не догадается!»

С визгливым скрипом дверь отворилась.

Внутри всё было белым и чистым, как в операционной.

Посреди комнаты на зеленом ковре стоял среднего размера чемодан.

Больше в комнате ничего не было.

— Вот и мультимпликатор, — прогудел Снежный человек.

Он раскрыл чемодан.

Кристина заперла за собой дверь.

— Ты такой забывчивый, — сказала она Снежному человеку. — Мало ли кто может сюда заглянуть!

— Пока я команду службой безопасности, ничего не случится, — гордо заявил Снежный человек.

— Ты не только Снежный человек, — сказала ему Кристина, — ты еще и дикий человек. Пойми, пока ты имеешь дело с дураками троллями, шалу-

нами эльфами, воришками песцами и безобразниками лешими, лучше тебя специалиста не найти. Но мне кажется, что сейчас у нас появились новые враги, самые настоящие люди. Я среди них жила. Я сама наполовину человек, а Сева на все двести процентов. Мы знаем, какой жестокий мир существует за стенами нашего королевства. И какие там бывают жестокие люди. Моя мама не даром хочет устроить убежище для эльфов и русалок, потому что понимает — если мы сегодня же за них не вступимся, не спрячем их, все волшебные существа погибнут. Но чувствует мое сердце — нас кто-то хочет опередить.

— Не опередят, — пробасил Снежный человек. — Я надежен как скала.

И он захохотал так, что даже ледяные стены вздрогнули.

Сева подошел к чемодану.

— И что мне надо делать? — спросил он.

Он ведь не знал, какие здесь правила.

— Подожди, — сказала Кристина, — я включу.

— Это мое дело, — возразил Снежный человек.

От него пахло псиной, и в шерсти было много еловых иголок. Видно, он долго гонялся за кем-то по лесу.

— Отойди лучше, опять чего-нибудь напутаешь, — возразила Кристина. — Мне хочется, чтобы Сева остался жив и здоров. Я его сюда заманила и несу за него ответственность, понял?

Снежный человек тихо зарычал, но так, для порядка, а не со злобы. Принцесса Кристина присела на корточки у чемодана. Сева — рядом с ней.

Кристина открыла крышечку на боковой стенке чемодана.

Там был ряд кнопок и переключателей.

— Все продублировано внутри, — объяснила Кристина. — Если ты уже стал махоньким, то главное — вернуться в чемодан. Это можно сделать по этим вот ступенечкам. А там есть пульт управления, очень маленький, внутри. Хочешь попробовать?

— А что мне надо сделать?

— Встань в чемодан. Нет, лучше сядь на корточки. Получилось? Теперь не бойся. Сейчас я включу мультипликатор, и ты начнешь уменьшаться.

— До какого размера? — Сева стоял посреди чемодана и тщетно пытался сладить с дрожью в руках и холодом в груди.

— До размера указательного пальца. Сантиметров до семи. Только не бойся.

— А обратно я вернусь? — Севе казалось, что он пошутил, а на самом деле шутки не вышло.

— Пора начинать. Не трусь! — сказала Кристина, и Севе стало стыдно. Не будь рядом принцессы-лягушки, он бы, может, и струсил, но теперь это было никак невозможно.

— Держись, — приказала Кристина и включила тумблер.

И тут Сева упал.

Грохнулся...

Свалился с обрыва...

В следующее мгновение Сева пребольно ударился пятками, потому что уменьшился очень быстро, а это значит — упал с высоты в полтора метра на пол.

Короче, грохнулся, и, когда пришел в себя, оказалось, что он сидит на дне чемодана.

Сева с трудом поднялся.

Вокруг как забор поднимались стенки чемодана, вдвое выше его.

А сверху, откуда-то с неба — если не знаешь, сойдешь с ума от страха — на Севу глядела гигантская голова божественного существа: из глаз вылетали звезды, губы размером почти что с Севу двигались, и из них исходило громовое шипение.

Но тут Сева догадался, что это Кристина шепчет, чтобы его не испугать. А как только догадался, стало нестрашно.

Всё обыкновенно — влез в мультипликатор (надо будет обязательно спросить, откуда в сказочном царстве такой прибор взялся), и стал мальчиком-с-пальчик. А может, мультипликатор был здесь всегда, и именно от него пошла сказка про мальчика-с-пальчик.

— Нормально! — Сева помахал Кристине рукой и увидел, как ее рот разрезжается в гигантской улыбке. В улыбище.

— А что дальше? — спросил Сева.

Рядом с головой Кристины — чужь подальше и в стороне — маячила мохнатая башка Снежного человека.

— Смотри, — крикнул ему Сева, — не наступи! Это была как бы игра, и игра Севе нравилась.

Кристина отстранилась и, прикрыв рот ладошкой, шепотом произнесла:

— Вылезай.

Хоть она и старалась говорить тихо, ветер поднялся такой, что Сева еле удержался на ногах.

— Как вылезать? — крикнул он Кристине.

Кристина сунула палец в чемодан и показала на ступеньки, маленькие такие скобочки, врезанные в угол мультипликатора. Как раз по размеру мальчика-с-пальчик.

— Понял!

Сева быстро полез по скобочкам наверх, и, стояло ему подняться над краем чемоданного забора по плечи, как он почувствовал, что растет.

Гигантские фигуры Кристины и Снежного человека стали быстро уменьшаться, пол стремительно уходил из-под ног, и, чтобы не упасть, Севе пришлось уцепиться за протянутую руку царевны-лягушки.

— Ты как себя чувствуешь? — спросила Кристина.

— Замечательно, — ответил Сева, глядя себе под ноги. Он стоял в чемодане, который снова доставал ему немного выше щиколоток. А только

что его стенки казались чуть ли не крепостными!

— Эту игрушку, — Снежный человек показал на чемодан, — мы отвезем в точку старта. Там ты в нее и залезешь. Всё рассчитано. У меня как в аптеке.

— Смотри, чтобы на этот раз без накладок, — строго сказала принцесса. — Повторяю, Сева мне нужен живым и здоровым.

— Таким и доставим, — ответил Снежный человек и громко расхохотался. Уж очень смешными ему показались собственные слова.

— Тогда пошли дальше, — сказала Кристина. — Начнем с портного.

Дорога к портному вывела их из дворца наружу — в редкий лесок, наполненный вечерним жужжанием комаров. Хотя было еще совсем светло, в воздухе явственно пахло вечером.

— У нас тут летний день на три месяца, — сказала Кристина, — а потом девять месяцев полярная ночь. И знаешь, я от них устаю — слишком много солнца, слишком много звезд — одинаково плохо. Наверное, поэтому люди произошли от обезьян, а не от полярных медведей. Там, в Африке, всего понемногу — и дня, и ночи.

Сева с Кристиной согласился. Ему во всём хотелось соглашаться с Кристиной, потому что она умела говорить очень убедительно.

Глава девятая Ледяной музей

— **Х**очешь, через музей пройдем? — предложила Кристина.

На поляне, по которой они шли, высился холмик, чуть повыше человеческого роста, сложенный из валунов и присыпанный землей. Холмик порос травой и черникой, и в нем была деревянная дверца.

Кристина подергала за ручку, и дверца со скрипом отворилась.

Кристина сунула руку внутрь и щелкнула выключателем.

За небольшой прихожей, в которой было холодно как в ледяной пещере, потому что это и было началом ледяной пещеры, Сева увидел обширный зал.

Под низким земляным потолком прямо на полу были расставлены глыбы льда. Глыбы поболь-

ше, глыбы поменьше, кубы, трапеции и пирамиды...

— Всё, что вмерзло в ледники и торосы Ледовитого океана и на его островах, мама свозит сюда на память потомкам и для обучения снегурочек и маленьких морозиков. Гляди.

В первом ледяном кубе Сева увидел викинга. Он сразу понял, что этот человек — викинг. Он был в кольчуге, высоком железном шлеме с шишаком, опирался на большой круглый щит и казался совершенно живым. Ну, заснул на минутку и скоро проснется.

— Тысяча лет, — сказала Кристина. — Представляешь, он замерз тысячу лет назад... А вот целая ладья, на таких ладьях викинги пересекали Атлантический океан.

Но Сева уже спешил к следующей ледяной глыбе, которая была размером с целый пароход.

В глыбе таился гигантский кит.

Кит был полосатый, голова у него была такая большая, что занимала не меньше трети всей китовой длины.

А дальше было еще интереснее. Там, в ледяной пирамиде, стояли рядом два мамонта, а между ними, приподняв хобот, — их детеныш-мамоненок.

— А этим больше двадцати тысяч лет, — сказала Кристина. — Знаешь, когда я была маленькая, я из этого музея вообще не вылезала, сидела дня-

ми и ночами... А вот великан.

И правда, в следующей ледяной глыбе был заточен пятиметровый человек в шлеме с мамонтовыми бивнями вместо рогов, в ожерелье из акульих зубов, в панцире, сделанном из морских черепах, но почему-то босой.

— Никогда не встречал? — спросила Кристина. — Богатырь Нерьян, с Северного Урала. А вот и девушка, которую он любил. Это очень грустная сказка...

Во льду была замурована прекрасная девушка в зеленом малахитовом платье и кокошнике, усыпанном изумрудами. Перчатки и сапожки девушки были чешуйчатыми. Глаза закрыты, а ресницы такие длинные, что концы их лежали на белых щеках.

— Это хозяйка...

— Это хозяйка Медной горы, — поспешил сказать Сева. — Я эту сказку читал. Она полюбила мастера Данилу, который вырезал чашу из малахита.

— Она не была способна к любви, потому что была Королевой уральских подземелий. Но однажды к ней спустился таежный бог Нерьян. Он хотел отнять у нее драгоценности. За свою королеву вступились гномы и, конечно, отстояли бы ее, но тут эти подлые грибы... Эти подлые грибы, — голос Кристины задрожал. — Пошли отсюда, — сказала она, — всегда начинаю плакать, когда дойду до этого места.

— Странно, — сказал Сева, поспешая за Кри-

стиной, которая бежала между ледяных глыб и пирамид, — в сказке об этом ни слова.

— Зачем огорчать детей? — сказала Кристина. — Из сказок всегда вычеркивают самые неприятные сцены. Дети думают, что им всё рассказали, а на самом деле всё только начинается.

— Ну, напумни хоть одну сказку, которая кончается не так, как я знаю, — попросил Сева.

— Ну, например... ты про спящую красавицу слышал?

— Конечно, слышал.

— Как эта сказка кончается?

— Принц поцеловал принцессу, она проснулась, и они стали жить долго и счастливо.

— Вот и нет, Савин, — сказала Кристина. — По-настоящему сказка тут только начинается. Спящая царевна переехала во дворец, вышла замуж за принца, родила ему двоих детей, а потом принц стал королем и ушел на войну, а королева осталась дома с его мамашей, которая ее ненавидела. Вот тут всё и пошло. Молодую королеву мамаша отравила, а детей приказала отвести в лес, чтобы их там волки съели... ужасная сказка!

— Странно, — сказал Сева. — Но, наверное, это исключение.

— Исключение? А ты знаешь, что есть продолжение у «Золушки»?

— Ну какое там может быть продолжение?!

— Очень простое. Когда Золушка переехала во

дворец к принцу, следом за ней заявили и мачеха с дочками. Мачеха, понятно, стала изображать любовь к Золушке и заботу о ней, а заодно тихонечко доказывать принцу, что таких маленьких ножек, как у Золушки, у нормальных женщин не бывает. Такая маленькая ножка — типичное уродство, возможно, китайского происхождения.

— Китайского?

— В Китае был такой древний обычай туго бинтовать ноги девочкам, чтобы они не росли. И получались словно копыта.

— Чего-то ты меня путаешь...

— Ничего я тебя не путаю! Ты лучше дослушай, а потом спорь. Значит, мамаша доказала принцу, что такие маленькие ножки — уродство, потому что у настоящей принцессы должны быть большие крепкие устойчивые ноги. Это она и королю — принцевскому папаше — доказала, который, конечно же, был вдовцом. В результате мачеха вышла замуж за короля. И сразу же приказала, чтобы больше обуви маленьких размеров не делали, а если увидят маленькую ножку — сразу рубить!

— Ну уж этого быть не может!

— Почему?

— Потому что это изуверство. Кто бы ей разрешил?

— Никто не разрешил. А королеве и не нужно никакого разрешения. Отрубила и всё тут. Пришлось объявить им войну. В той войне и король, и

принц, и Золушка погибли. Только мачеха сохранилась.

Сева старался уловить в глазах Кристины шутку, но из них вылетали только смешинки, а смешинки — это настроение, они не могут тебе сказать, говорит человек правду или врет.

Тут музейный зал закончился и, кинув последний взгляд на небольшого замороженного дракона с тремя головами, Сева попал в длинный и прямой тоннель. По полу бежала узкоколейка, а на стенах висело множество электрических кабелей. Ну совсем как в метро.

Разница была лишь в том, что со стен то и дело срывались и уносились прочь спугнутые летучие мыши — наверное, вампиры, потому что с их зубов на пол капала кровь, — да крупные пауки и скорпионы сидели на потолке и норовили прыгнуть тебе за шиворот. Но Кристина, видно, не в первый раз шла этим туннелем: в руке у нее, откуда ни возмись, появился веник, которым она ловко смахивала скорпионов в тот самый момент, когда те примеривались к прыжку.

Потом они поднялись по узкой лестнице и оказались в обжитых местах. Там были какие-то мастерские, склады и комнаты, где стояли столы, а за ними сгорбившись, трудились писцы.

— Вот мы и пришли, — сказала Кристина.

Глава десятая Портной и сапожник

Они остановились перед дверью, над которой была прибита красная вывеска в золотой раме:

**ПОРТНОЙ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ИЗ ПАРИЖА И ВАРШАВЫ
АХАЛЬ МАХАЛЬЕ**

Кристина приоткрыла дверь:

— К вам можно?

— Входите! — пискнул девичий голос.

Сева с Кристиной вошли.

На высоком стуле сидела небольшая фея, не из волшебниц, а из тех, что питаются летом цветочным нектаром, а зимой — чем придется. Они боятся холода и, если не успеют перелететь на юг, прячутся во дворце Снежной Королевы, где их ис-

пользуют по всяким мелким хозяйственным надобностям или просто подкармливают. К тому же, как вы наверняка знаете, сказочный мир тем удивителен, что работать там по-настоящему никто не умеет. Есть некоторые существа, которые трудятся с утра до вечера, но результаты их трудов невелики.

Возьмем, к примеру, гномов. Все знают, что они ходят с кайлами и ломами, стучат молотками и зубилами под землей и добывают драгоценные камни. Но, во-первых, они больше песни поют, чем добывают, а, во-вторых, если и добывают, то особо себя не утруждая. Ну а в-третьих, на добытые камни они тут же начинают резаться в кости или, там, в карты, и в результате камни попадают к перекупщикам. Перекупщики — те же гномы, просто поумнее своих собратьев. Камни получше они прячут в сундуки, а сундуки ставят в пещеры. И потом нередко забывают, куда их спрятали. Поэтому что даже перекупщики настоящей цены деньгам не знают.

А остальные и вовсе лишены способности к труду. Ведь нельзя же считать трудом занятия стражников! И не будете же вы утверждать, что повара, поварихи и прочий кухонный народ трудится? Да они поедают куда больше, чем приносят своим господам! И что самое возмутительное — себе они берут самые лакомые кусочки, а гостям и господам оставляют обрезки, объедки и подгоревшие котлеты!

Кое-кого из слабых жителей королевства, конечно, можно заставить работать. Дюймовочек порой обязывают помогать мастерам шить новые платья или туфельки, а фей, у которых, как известно, волшебные пальчики, можно уговорить на любое дело, если оно им понравится. Просто надо убедить их, что это дело — всего-навсего игра.

Вот и фея, которая сидела за маленькой швейной машинкой и любовалась, как крутится позолоченное колесо, сама упросила хитрого портняжку дать ей работу.

А тот и рад...

— Где Ахаль? — спросила Кристина.

— Они у себя, — ответила фея. — Только не велели никому об этом говорить. Ничего, что я вам сказала?

— Ничего, ничего. Я же знаю, что феи не умеют врать. Если бы ты сейчас наврала мне, у тебя бы пятки чесались до утра.

Кристина подошла поближе к столу, за которым работала фея, и пригляделась.

— Вот такое и ты будешь носить, — сказала она Севе. — Как, нравится?

И Сева увидел, что фея шьет костюмчик для оловянного солдата.

— Главное, — сказал он серьезно, как будто каждый день превращался в мальчика-с-пальчик, — главное, чтобы костюмчик был крепким и не порвался.

— А вы попробуйте, попробуйте, — пискнула фея, протягивая Севе клубок ниток. — Рвите, не бойтесь. Это нитки из паутины синего крестовика. Нет ниток крепче и тоньше!

Севе вдруг ужасно захотелось посадить это нежное создание на ладонь, но тут он подумал: «А ведь я сам скоро буду такого же роста! Тогда мы с ней сможем познакомиться и даже пойти на танцы!»

Кристина, словно умела читать мысли, сказала:

— Савин, ты забыл, что многие из фей древнее, чем моя мама. Они почти вечные и совсем не стареют.

— Ну и что? — спросил Сева, сделав вид, что не собирался с феей на танцы. — Мне неважно, сколько кому лет. Мне самому только тринадцать, и ты для меня почти пожилая.

Так он отомстил Кристине, но она не захотела обижаться.

— Тебе давно уже тринадцать?

— До четырнадцати осталось еще полгода.

— А мне пятнадцать позавчера исполнилось. Вот и считай, пожилая я или просто твой старший товарищ!

Сева пожал плечами. На некоторые женские слова лучше не отвечать, потому что у женщин есть такое качество — они всегда оставляют за собой последнее слово.

— Так где же портной? — напомнила Кристина. — Он нам очень нужен.

— Ой, я загляделась на мальчика и совсем забыла! — пискнула фея и нажала на кнопку.

Тут же по мастерской прокатился оглушительный звон, и откуда-то сверху донесся тоненький голосок:

— Что там еще стряслось? Неужели вы не знаете, что я занимаюсь ответственным делом?!

— Это мы с рыцарем Всеволодом, — сказала Кристина. — Мы к тебе.

— Добро пожаловать! — ответил портной, и тяжелые шторы в дальнем конце комнаты распахнулись. Там оказалась еще одна комната: в ней за пустым блестящим столом восседал знаменитый портной Ахаль Махалье, похожий на белого барашка с розовой мордочкой.

— Ах, какое счастье лицезреть великого героя! — воскликнул он, соскочил со стула и низко поклонился.

— Мы уже виделись, портняжка, — сказала Кристина.

В голосе ее не было никакого уважения к знаменитому портному.

— Лишний раз засвидетельствовать — радость для меня, принцесса. Я же вас с детства помню. Ну, прямо как сейчас — прыгаете по болотцу, вся такая зелененькая, маленькая, так бы и наступил!

— Не помнит он ничего такого, — повернулась царевна-лягушка к Севе. — Просто ему хочется меня обидеть.

— Разве бы я посмел!

— Ты много чего смеешь, а только притворяешься безобидным. И мне твое притворство не нравится. Лучше расскажи, что сделал для нашего друга.

— А вот, посмотрите, неужели у вас моя работа не вызывает восхищения?

Широким жестом портной с мордочкой ягненка показал на пустой стол.

— И что же мы здесь видим? — спросила Кристина.

— Вы видите вершину портновских достижений нашей эпохи! — воскликнул портной. — Вы видите то, чего не может увидеть человеческий глаз!

— Ближе к делу, Ахаль! — прикрикнула на портного принцесса. — Давно твоя спина не пробовала моей палки!

— Не позорьтесь перед представителем демократической державы! — заюлил Ахаль. — В России даже детей редко бьют, а портных — никогда!

— Так ты сшил что-нибудь или нет?

— Невидимое платье! Совершенно невидимое! Как вам повезло, что вы повстречали меня на своем жизненном пути! После того самого короля, о котором все забыли, вы будете вторым, кому посчастливится отправиться в путь в невидимом платье!

Сева вспомнил, что читал об этом сказку Андерсена. Но он-то здесь при чем?

— Зачем мне невидимый костюм? — спросил он.

— Это особый изыск! — Ахаль был собой доволен и даже горд. — Мало кому удавалось проникнуть в недра Земли в невидимом платье.

Тут Кристина отстранила Севу и, сделав к шаг к портному, невинным голосом спросила:

— И сколько же шелка и бархата пошло на невидимое платье рыцаря?

— Сколько выдали, столько и пошло, — барашек потупил глазки и принялся рисовать что-то на полу носком башмака.

— Но ведь немало?

— Кто будет мелочиться, когда речь идет о великом путешествии!

— Значит, так, — сказала Кристина. — С мамой я поговорю. В конце концов ты не единственный, а может и не лучший портной сказочного королевства. Чтобы к завтрашнему дню одежды для рыцаря были готовы, включая плащ, рюкзак и одеяло, белье, запасные трусы и майки, полотенца и на всякий случай бинты и марлю. Тебе ясно, жулик?

— Ну, это вы зря, Ваше высочество, — обиделся портной. — Мы же стараемся...

— Тогда дай мне поддержать твой невидимый костюм! — потребовала Кристина. — Ведь он только невидимый, но не невесомый ведь!

— Ах, он больше чем невидимый, принцесса. Его нельзя пощупать обыкновенными пальцами! Ни за что! Это мой шедевр!

А Кристина между тем сделала быстрый шаг в

сторону и распахнула дверцы платяного шкафа.

Там висели разные одежды, Кристина стала их перебирать, а портной кинулся к ней с криком:

— Нельзя, Ваше высочество, не смейте, не надо!

Но он оказался недостаточно проворным — Кристина уже держала в руке вешалку с синей бархатной кофточкой.

— Это тот самый бархат?

— Он только похож! Я его на толкучке купил!

— Хорошо, возьмем на проверку. И пускай тогда палач с тобой разбирается.

— Разве я не имею права сделать маленький подарочек моей подруге фее Мелузине? — заблеял Ахаль. — У нее же день рождения!

— Когда? — спросила Кристина.

— Точно не скажу, — ответил портной, — но где-то скоро, а что?

И тут Кристина рассердилась. У нее, как Сева потом понял, бывали вспышки гнева. Вообще-то она была очень терпеливой девушкой, но когда терпение у нее кончалось, она взрывалась как хлопушка.

Кристина швырнула бархатную кофточку в лицо барашку и кинулась прочь из комнаты. Лишь на пороге обернулась и крикнула Ахалю:

— Чтобы вся одежда была готова завтра к утру! А потом уматывай на все четыре стороны. Иди к людям! Нам, волшебникам, ты больше не нужен!

— А это мы еще посмотрим! — проблеял в ответ Ахаль. — Тоже мне волшебница!

Кристина начала рыдать, потому что решила, что портной смеется над ее не совсем волшебным происхождением. Сева усадил ее в кресло в коридоре, а сам встал рядом как истукан — он не совсем точно знал, что надо делать с ревущими царевнами.

Кристина тем временем ругала жуликоватого портного последними словами.

— Такие как он всегда сказками прикрываются, — сердилась она. — Нет, ты только подумай, спереть весь бархат и шелк, который ему дали, чтобы сшить тебе достойный костюм, а потом придумать историю о невидимой одежде! Да кому она нужна! Кому?! Ведь она же невидимая!

— Может, на пляже пригодится? — спросил Сева.

— Зачем?

— Погода испортилась, похолодало, все надели костюмы и даже свитера, а тут по пляжу идет человек, на вид совершенно голый, и не боится ветра, не страшится холода. Герой! А оказывается, это не кто иной, как я!

— Ну уж от тебя я такой чепухи не ожидала, — рассмеялась принцесса. — И ответу тебе со всей прямоотой: невидимые костюмы нужны только жуликам и только для того, чтобы воровать материю. Другого варианта нет и быть не может! Лад-

но, пошли дальше. Нам надо до темноты еще к оружейнику и сапожнику попасть.

До ужина Сева с Кристиной успели побывать у оружейника Густава Умелого, который сделал для Севы очень острый меч размером со спичку и перочинный ножик длиной в ноготь. Он всё просил прощения за то, что время поджигает и он не успеет выковать для славного рыцаря кольчугу. Ведь для этого потребуется микроскоп и целый выводок гномиков, чтобы ее сплести.

В свободное от работы время Густав Умелый играл в солдатики. Он сам отливал их из олова, одевал в латы, выковывал им оружие. Днем они были игрушки как игрушки, зато ночью просыпались и сами сражались в свое удовольствие. Этому никто не удивлялся, но некоторые соседи жаловались королеве — говорили, мол, пушечные залпы мешают спать.

Густав пригласил Севу в гости, когда он вернется из путешествия. Он обещал отдать под его команду половину пехотинцев и тридцать конников Зеленого знамени, и подвел Севу к строю кавалерии, чтобы познакомиться.

Барон фон Шлотфельдт, командир эскадрона Зеленого знамени, неожиданно поднял закованную в латы руку. И чуть не уколол Севу мечом в глаз. Сева даже отпрыгнул от неожиданности.

— Ты ему понравился, — сказа оружейник Густав Умелый.

Напоследок они навестили сапожника.

Он обещал сшить Севе к утру сапожки, а потом сказал:

— Вообще-то я специализируюсь по хрустальным туфелькам — видишь, сколько их у меня стоит!

И действительно, полок шесть были заставлены сверкающей обувью.

— Зачем вам столько? — удивился Сева.

— Уж очень много Золушек развелось, — ответил сапожник. — И сериалы, и мультики, и спектакли, и трагедии. Ты не представляешь, сколько в мире школ, в которых есть драматические кружки! Вот посмотри — последний заказ из Руанда-Урунди. Специально вырезал из черных бриллиантов.

У сапожника тоже трудились феи и гномы. Правда, особенно они себя не утруждали.

Гномы играли в шахматы или в кости, феи болтали, собравшись в кружок, или примеряли туфельки, которые делались здесь на заказ, а в комнате, где валялись валенки, на куче шерсти храпели тролли.

Работал лишь сам сапожник: сгорбившись над пеньком, он набрал полный рот гвоздиков и вколачивал их в подошву.

И тут зазвенел колокольчик.

К нему присоединился еще один, еще и еще — и покатились по коридорам и туннелям подземелий Снежного дворца мелодия, зовущая, влекущая и манящая.

— Что это? — спросил Сева.

— Это сигнал на ужин, — ответила Кристина.

Страшный топот заполнил коридор. Чуть не сшибив Сева с ног, промчались к выходу гномы, пролетели феи и эльфы, и рванулись как в бой глупые тролли.

— Чего они так спешат? — спросил Сева.

— На ужин бегут.

— Такие голодные?

— Нет, просто после ужина сразу же раздастся сигнал отбоя, и потушат свет. И до утра во дворце будет почти совсем темно.

— А почему всё так спешно?

— Не поспешишь, гномы и феи устроят танцы на всю ночь, — ответила Кристина.

Они шли к столовой.

— А ты не танцуешь? — спросил Сева.

— Еще чего не хватало!

— Я тоже не танцую, — обрадовался Сева. — А то я боялся, что если это королевский дворец, меня заставят танцевать.

— Ну, если только современные танцы... — неуверенно сказала Кристина, глядя под ноги. — Но мама не выносит современных танцев.

— Современные танцы — это совсем другое дело, — согласился с царевной Сева.

Глава одиннадцатая

Слишком много призраков!

Танцев после ужина не было. Настроение во дворце было тревожным. Завтра отправляется в путешествие рыцарь Савин, тринадцати с половиной лет, и путешествие может оказаться опасным.

Снежная Королева посадила Севу за ужином рядом с собой, а Нильса отправила с дозором проверить лес вокруг дворца. Она стала расспрашивать Севу: как он получился таким, какой есть.

Почему до солидного возраста верит в сказки: может, в семье какие-нибудь неприятности? Или в детстве неудачно болел коклюшем?

Конечно, Королева была не совсем серьезна: она делала вид, что верить в сказки могут лишь дети или не совсем нормальные люди, и всё время будто упускала из виду, что сама была сказочной, что Сева си-

дел за столом в сказочном королевстве и намеревался идти в поход для того, чтобы помочь именно сказочным существам.

Но Сева отвечал на вопросы, как хорошо воспитанный юноша отвечает настоящей королеве, например, королеве Англии.

— Спать ты будешь в гостевых апартаментах, — сказала Королева Роксана после ужина. — С видом на кладбище собак и казненных гномов. Надеюсь, ты не боишься привидений?

— Еще чего не хватало! — обиделся Сева, который, конечно же, думал, что ничего не боится. — А что эти гномы натворили?

— Ах, это давняя история, — отмахнулась Роксана. — То ли тролли их казнили, то ли они сами себя перебили. Кто помнит...

Но Сева почувствовал, что королева говорит неправду. Знает она, в чем дело, но почему-то не хочет признаться. И это ему не понравилось...

Провожал Севу до спальни местный домовой.

Домовой был совсем древний, с бородой от старости даже не белой, а какой-то грязно-желтой. Борода болталась у домового между ног, доставая до пола, одет он был в домашний халат, а на голове носил меховую шапку, которая была ему так велика, что то и дело падала на нос, и ему приходилось приподнимать ее кончиком носа, чтобы хоть что-нибудь разглядеть.

На этот раз под землю они спускаться не стали,

а долго шли кривыми коридорами и переходами; порой им навстречу попадались другие обитатели дворца, некоторые уже в ночных рубашках или халатах, другие в пижамах, а то и просто в семейных трусах до колен.

И тут зазвенел звонок.

Домовой сказал:

— Поспешаем, юноша, а то сейчас свет потушат.

Он вытащил из-за пазухи свечу и спросил:

— Спички есть?

— Я не курю, — сказал Сева.

— Курю — не курю, а помнить о спичках надо всегда!

Навстречу шел невысокий толстый Дед Мороз с трубкой в зубах.

— Разрешите прикурить, — попросил его домовой.

Дед Мороз кинул ему зажигалку и пошел дальше, не оборачиваясь.

Свет мигнул и погас.

— Ну вот, предупреждал же! — проворчал домовой.

Он чиркнул зажигалкой, зажег свечу, и тут же по стенам и по потолку запрыгали призрачные тени.

Половицы громко скрипели под ногами.

Домовой открыл небольшую дверь. Сева вошел в просторную комнату с низким потолком. В комнате стояла продавленная кровать с кованой железной спинкой, а возле кровати — тумбочка и та-

бурет с кувшином. Под табуретом стоял ночной горшок.

— Это наша спальня для гостей, — сказал домовый. — Но гостей у нас мало бывает. Располагайся, клопов нет, я сам их керосином травил.

И правда, в комнате сильно пахло керосином.

— Свечку я тебе не оставляю, — сказал домовый. — Самому нужна. А то ночью в этом крыле много всякой нечисти шастает. Со свечкой спокойнее. А ты, если что, дверь на крючок запри, а сам прячься с головой под одеяло. Они под одеяло не лезут.

— Кто они? — спросил Сева и почувствовал, что голос плохо его слушается.

— Кто, кто, вот увидишь кто, и скажешь, а то кто, кто, мало ли кто!

Фраза домового показалась Севе загадочной и даже глупой. И совсем его не успокоила.

Огонек свечи поплыл к двери.

— Вы уже пошли? — спросил Сева.

— А что мне — всю ночь возле тебя плясать?

Дверь открылась, снова закрылась, и Сева остался один.

Он пошел было следом за домовым: ему захотелось позвать его, чтобы тот вернулся, он даже дверь открыл — но увидел лишь огонек свечи, который еле светил вдали.

Тогда Сева закрыл дверь и запер ее на крючок.

Крючок был хилый, любое привидение сорвет.

Постепенно глаза стали привыкать к темноте.

За окном, правда, были сумерки — не совсем ночь, но и не совсем день, — но к окну совсем близко подступали елки, так что в комнату попадало совсем немного света.

Сева подошел к окну и выглянул наружу.

За окном простиралась холмистая пустошь.

Сева сразу догадался, что это не просто холмики, а могилы. Значит, и на самом деле там кладбище.

На некоторых холмиках стояли каменные плиты, на других они были повалены.

Сразу за кладбищем начинался лес.

Не то чтобы было страшно, но как-то неприятно. Хуже не бывает, когда не знаешь, чего бояться, а страх тебя всё равно не отпускает.

Густые сумерки выжали из влажной земли туман, он полз между могилами, иногда приподнимая голову, белую, бесформенную и безглазую.

И тут Севе показалось, что по кладбищу кто-то идет — вроде бы, человек, в плаще с капюшоном, серый-серый, чуть темнее тумана, но светлее леса и неба.

Может, сторож?

А может, привидение?!

Вообще-то говоря, в сказочном царстве должны водиться привидения. Только не хочется с ними встречаться.

Привидение медленно подняло голову, и сердце Севы сжалось.

Из треугольной темноты капюшона на Севу

смотрели светящиеся зеленые глаза. Яркие лазерные точки. Нет, не лазерные — фосфорные!.. или просто колдовские.

Сева отпрянул от окна, задернул штору и снял с табурета кувшин с водой. Отнес табурет к двери и сунул его ножку в дверную ручку.

Если табурет не удержит ночного гостя, то, по крайней мере, упадет с грохотом.

Разбудит.

А вот с оружием было куда хуже.

Оружия совсем не было!

Правда, кувшин был эмалированный, довольно тяжелый, и можно было им отбиваться.

Хорошо, ставим кувшин у изголовья кровати...

В общем-то, Сева понимал, что с таким оружием воевать с привидениями особого смысла нет. Лучше сразу сдаться им в плен. Хотя, с другой стороны, сдашься, и тебя тут же превратят в какого-нибудь вампира или ходячего мертвяка. Надо, вроде бы, лечь, но ляжешь — и сразу же станешь еще беспомощней.

Сева вернулся к окну и осторожно отодвинул уголок занавески.

Кладбище было пусто.

Но это еще ничего не значило.

Может быть, в этот момент привидение поднимается по лестнице?

Сева постоял у двери, прижав к ней ухо.

Полная тишина!

Так ничего и не дождавшись, Сева решил всё-таки лечь спать — он устал за день, и спать хотелось ужасно.

Конечно, раздеваться он не стал, просто лег поверх одеяла, — к счастью, в комнате было не холодно.

Потом подумал, что, может, и в самом деле лучше накрыться с головой: придет привидение и не заметит его...

Конечно, наивная мысль, но все-таки лучше иметь хоть какие-нибудь мысли, чем совсем их не иметь.

И Сева заснул.

Конечно, он не заметил, как заснул, потому что люди этого никогда не замечают.

Зато заметил, как проснулся.

А проснулся он оттого, что ему в глаза светила лампа.

Или прожектор.

Сева открыл глаза, зажмурился и сказал:

— Кто там еще?

Прикрыл глаза ладонью и удивился тому, что свет, разбудивший его — зеленый.

И сразу же сердце сжалось от ужаса.

Сева вскочил, потянул на себя одеяло.

Одеяло зацепилось за край кровати.

Светлое привидение в халате с капюшоном, из-под которого светили два зеленых огонька, стояло над Севой и манило пальцем.

И хотя в комнате было темно, Сева понял, что пальцы у привидения костлявые, и даже не просто костлявые, а костяные. То есть пальцы скелета. А каждый знает, что если у привидения пальцы скелета, значит оно и само скелет.

И легче от такого открытия не становится.

И вообще, если привидение манит тебя к себе, то лучше убраться от него подальше.

Сева начал отползать в угол кровати, но натолкнулся спиной на стену.

Тогда он пополз вдоль стены, но тут что-то зазвенело, покатилося, и глухой, хриплый голос произнес:

— Отдай мои зубы, Всеволод!

Несмотря на почти полную темень, Сева различил в ногах кровати силуэт — страшно даже представить, но куда хуже увидеть! — черный силуэт крокодила.

Известный древнегреческий философ Архимед как-то принялся кричать:

— Дайте мне рычаг, рычаг дайте, и я весь мир на фиг переверну!

Рычага ему не дали, а потом римский солдат, которому надоели эти крики, взял и зарезал Архимеда.

Сева, хотя ему некогда было рассуждать как Архимеду, а кричать особого смысла не имело, оказался в схожем положении.

Любое оружие ему бы стоило!

Это не значит, что он был очень смелым — нам с вами это уже известно. Но когда волк загоняет в угол кролика, кролик берет Калашников и расстреливает волка в упор.

И как отчаявшийся кролик, Сева изогнулся — сам не понял, как — и схватил ту штуку, что мешала ему вытянуть ноги — это была челюсть крокодила.

— Оттттай! — беззубо шамкал крокодил.

Сева соскочил с кровати. В руке у Севы была крокодилья челюсть, длиной с Севину руку, а, может, и подлиннее, зубы в ней были длинными и острыми, чуть загнутыми, но, к сожалению, держались слабо, — видно, крокодил был стареньким. Поэтому, когда Сева стал отбиваться от привидения челюстью, зубы из нее выскакивали и прыгали по полу как белые кузнечики.

Привидение не испугалось, оно только отмахивалось от зубов и сердито повторяло:

— А ну не балуй! Зашибу! Разорву...

Не выпуская из рук челюсти, Сева стал отступать к двери.

Крокодил полез из-под кровати. Он полз и полз — а конца ему всё не было видно.

А привидение закрыло спиною дверь.

С потолка сорвался, ударился об пол и покатился в сторону оранжевый череп — где-то Сева его уже видел.

И тут же на окне откинулась занавеска, и появи-

лись сиа́мские близнецы. Сиа́мские близнецы — это такие близнецы, которые срастаются боками или плечами. А эти срослись головами, как бы прижались ушами, чтобы лучше слышать друг друга. Были они голубыми и толстенькими: они уселись на подоконник, свесили в комнату ноги в сапожках и стали ими болтать.

Ничего они не делали, даже не угрожали, но показались Севе страшнее, чем привидение и крокодил вместе взятые.

— Отттай жжупы, — шипел крокодил.

— Лапу отдай! — рявкнул небольшою тигр, сидя на задних лапах и облизывая себе живот.

От нечисти в комнате становилось тесно.

— Хватай его! — закричало привидение.

И все они, совсем как в страшной повести Николая Гоголя, кинулись на Севу.

А Сева — ну что тут еще будешь делать?! — размахивая перед собой челюстью крокодила, стал пробиваться к двери.

Но что самое отвратительное, челюсть как будто проваливалась сквозь черепушки и морды привидений и прочих страшилищ, завязала в них, а вытащить ее обратно было трудно, как из клея.

Если вам доводилось встречаться с привидениями или чудовищами, приходящими из кошмаров, то вы знаете, что самое страшное в этом деле — неизвестность. Пока ты идешь по кладбищу и никого не видишь, зато слышишь сзади крадущиеся

шаги, ты можешь рехнуться от страха — страха неизвестности. Но если ты увидел, наконец, скелета, который трусит за тобой, теряя на ходу ребра, а другой скелет уже высунул череп из могилы и пытается вытащить из гроба свое костлявое тело, ты тут же перестаешь бояться, потому что твой преследователь показал себя. И если сможешь — ты убежишь, а не убежишь, так станешь отбиваться.

Ведь не такой уж ты и трус!

Сева был человеком обыкновенным и вначале здорово стухнул, но когда выяснилось, что с призраками всё-таки можно сражаться, он осмелел. Он размахивал челюстью крокодила как дубиной, он пинал ногами скелет собачонки, который норовил тяпнуть его за коленку, он сшиб в воздухе летевший на него зеленый пистолет... Чудовищ было слишком много!

Сева начал злиться.

Совершенно непонятно, сколько длился этот неравный бой — может, час, а может и полминуты. Но Сева уже сообразил, что к окну не пробиться: в него лезли и лезли новые враги.

Оставалась дверь.

Сева бросился на привидение.

Он ткнул ему в плащ концом челюсти, и челюсть провалилась вперед.

Сева потерял равновесие.

И полетел в темноту следом за челюстью.

Глава двенадцатая

Страшилки Кривляттера

Пол под ногами расступился.

Сева ухнул в пропасть.

Конец!

Когда человек падает в пропасть, он закрывает глаза.

Когда же ударяется о пол этажом ниже — он глаза открывает... Комната была ярко освещена, потому что там горели свечи в канделябрах, к тому же топились камин, в котором красным пламенем полыхали толстые сосновые бревна.

В удобных креслах перед камином полукругом сидели Деда Морозы. И Нильс, и тот толстый, что курил трубку, и еще штук десять или двенадцать.

У каждого в руке была высокая глиняная кружка.

А в центре этого полукруга, лицом к камину, сидела Снежная Королева Роксана. В синем бархатном платье, обшитом серебряными кружевами, словно морозными узорами на окне, глядящем в снежную ночь.

Севино появление Морозы встретили громким невежливым хохотом.

Сева собрался было рассердиться, потому что сообразил, что его не по-детски разыграли, но тут Деда Морозы подняли кружки, протянули к нему руки и хором принялись говорить:

— Сколь, смелый рыцарь! Привет тебе — хеллоу, прозит, ты нас не разочаровал!

Так что Сева не рассердился, а просто рассви-репел!

— Так это у вас шуточки такие!

Севе хотелось плакать. Он сидел на ковре, у него дрожали руки и коленки, а эти сытые молодцы попивали что-то там из своих поганных кружек, да еще над ним издевались!

И тут заговорила Королева Роксана.

— Мы видели всё, что происходило в твоей комнате, — сказала она. — Видишь, какой у нас есть монитор! Тут у нас недавно телевизионный спутник рухнул — кое-что пригодилось.

Сева посмотрел на экран и к своему удивлению увидел, что наверху в комнате, откуда он только что свалился через аккуратно выпиленный люк, призраки и чудища никуда не исчезли, а бесцельно бро-

дят, словно никак не могут понять, куда же девалась их добыча. И уж совсем невероятно было увидеть беззубую крокодилью морду, что свесилась сверху и заглядывает через край люка, дивясь на яркий свет в нижней комнате и обилие зрителей.

— Молодец, — сказала Снежная Королева. — Мы тобой довольны, а ты не должен на нас сердиться. Мы знаем, что ты не самый храбрый человек на свете, но нам бы очень не хотелось, чтобы ты оказался отчаянным трусом.

— А я и не оказался! — и тут Сева вспомнил, что в руке у него по-прежнему зажата крокодилья челюсть, и поднял ее, словно угрожая мужьям Снежной Королевы. И вдруг ему на щеку упала горячая капля...

Что такое?

Сева поглядел наверх.

Крокодил, свесив беззубую морду в круглый люк, плакал большими горячими слезами.

Сева хотел было совсем обидеться, но вдруг ему стало жалко привидение крокодила, которому, оказывается, тоже бывает несладко.

И он метнул челюсть вверх.

Крокодил раскрыл пасть и ловко поймал подарок.

И тут же, оглушительно шелкнув оставшимися в челюсти зубами, крокодилья морда исчезла в темноте.

Деды Морозы поднялись со своих кресел, они

хлопали Севу по плечам, хвалили его за смелость и смекалку. Севе даже дали звание: Барон Крокодильного Зуба, а Дед Мороз Нильс обещал нарисовать зуб на его рыцарском гербе. Сева осмелел, поверил, что он и в самом деле отважный рыцарь, и даже уселся в кресло рядом с Королевой Роксаной и принял из ее рук кружку брусничного сока. Некоторые Морозы в том царстве употребляют пиво, но большей частью пьют напитки ягодные.

— Прости нас, Всеволод, — сказала Королева Роксана, — но мы решили тебя испытать. Как ты будешь вести себя, когда станет по-настоящему страшно. Ведь в пути тебе наверняка станет страшно. И неоткуда будет ждать пощады и помощи.

Лицо у Королевы было мраморным, а губы розовыми как малиновый мусс. Губы улыбались, а глаза оставались печальными.

— В жизни мало что бывает просто так, — сказала Снежная Королева. — Ты думаешь, нам самим все эти привидения, крокодилы и вампиры не наскучили? Они же не из воздуха берутся!

— А откуда же?

— Кривляттер! — крикнула Королева. — А ну-ка, явись пред наши очи!

И тогда на середину ковра вышел из ниоткуда странный человек.

Он был невелик, но это было весьма условно, потому что за пять минут он мог подрасти на пядь, а в следующую минуту на полметра умень-

шиться, зато отрастить пузо, его длинные черные волосы были заплетены сзади в длинную косу, но могли вдруг завиться и встать дыбом, закрыть уши или вообще исчезнуть.

При этом Кривляттер ни на секунду не оставался в покое. Он чесал ногой ногу, руками скреб под мышками, он мигал и щурился, он говорил заикаясь, потому что его слова убегали вперед мыслей, а порой застревали на полпути.

Севе он поклонился и быстро заговорил:

— Ты молодец, молодец... я б-б-б на т-т-твоем месте п-п-провалился. Чесслов. Давай дружить, ты чужой — я чужой!

Он протянул Севе руку, и тут только Сева сообразил, что, заглядевшись на его ужимки и прыжки, он даже не сразу заметил, что Кривляттер меняет одежду так часто, что угадать, во что он сейчас одет, невозможно.

Рука у Кривляттера была горячая, и Кривляттер тут же начал выдирать ее у Севы и кричать:

— Н-н-не жми! Боооль-ах! Уйди, не вож-ж-жусь...

— Простите, — пробормотал Сева.

— Нет, ты меня п-п-прости.

Он поднял ладонь, и на ладони его уже сидела Дюймовочка, ножка на ножку, она махала ручками, чтобы не потерять равновесия и не упасть.

— Д-д-дарю! — сказал Кривляттер. — Женись!

— Совсем рехнулся, — сказала Снежная Коро-

лева. — Бери свою Дюймовочку и неси ее в детские ясли. Уходи, уходи! Видеть тебя не желаю!

— А я и рад! — рассмеялся Кривляттер. — А мне и к лучшему.

Он опустил руку, и Дюймовочка соскочила на пол. И стала одного роста с Кривляттером. Очень красивая девушка.

— Зря ты на мне не женился, Савин, — сказала она голосом Ванессы.

Этого еще не хватало!

— Ванесса?!

— Такой не знаю, — ответила девушка и, разрыдавшись, выбежала вон из комнаты. За ней последовал Кривляттер.

— Кто он? — спросил Сева.

Он почувствовал облегчение от того, что Кривляттер наконец-то ушел.

— Ты на него не обращай внимания, — сказал Нильс. — Он не вредный, но чужак.

— Чудаки тоже бывают надоедливыми, — сказала Королева. — Кривляттер не совсем сказочное существо. Он просто-напросто тупиковая ветвь эволюции. Природа долго размышляла, от кого произойти человеку. Пробовала, ошибалась, снова пробовала. Ты слышал о неандертальцах?

— Волосатые, похожие на горилл, они жили в пещерах, а потом почему-то вымерли.

— Вот именно — тупиковая ветвь, — сказал толстый Дед Мороз с трубкой в золотых зубах. —

Эти кривляттеры населяли берега озера Китеж и остров Епифань. Но потом передрались.

— А я думаю, — возразил Нильс, — тут не обошлось без инопланетян.

— В общем, это последний кривляттер на Земле, — сказала Снежная Королева. — И у него есть удивительная способность. Его буйное воображение может рождать чудовищ. То, что вы, дети, называете страшилками — это его выдумки. Правда, в последние годы он халтурит, выпускает одинаковые страшилки. Сотнями.

— Порой это невыносимо, хоть на Северный полюс беги, — добавил Нильс.

— Так вы его попросите уехать, — сказал Сева.

— А он честно зарабатывает деньги. И мы от него немало получаем.

— Это как?

— А его страшилки отсюда прямиком идут в Голливуд и на другие киностудии.

— А порой они и так, в натуре, надобятся, — сказал домовой, который, оказывается, сидел под креслом у Королевы и не утерпел — так ему захотелось поучаствовать в беседе, что он и высунул бороду наружу.

— Они недолго живут, — сказала Королева, угадав следующий вопрос Севы. — Они сами растворяются в воздухе. Но в кино их успевают снять и по телевизору показывают... Он у нас тут самый богатый.

— Сейчас он со своей Дюймовочкой, — снова встрял домовый, — в трактир пошли. А потом он напьется пива, а она развеется.

— А сейчас спать, — сказала Роксана. — Завтра с утра сборы в поход.

Снежное королевство погрузилось в сон...

Не спал лишь Сева Савин: он волновался, как завтра пойдет в глубь Земли, да и мешали страшилки Кривляттера — по полу, громко топоча, бегало несколько отрезанных пальцев, а из стены время от времени высывалась слепая кошачья голова и мяукала: «Отдай мои глаза!»

Сева запустил в кошачью голову подушкой, голова пропала, но и подушка исчезла в стене. Пришлось дальше не спать без подушки...

Часть третья

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Глава первая

Продажный портняжка

Ранним утром, когда все в той или иной степени были заняты подготовкой Севы Савина к путешествию к центру Земли, из дворца вышел курчавый пузатенький человек, похожий на сытого барашка, с очень розовым личиком, каких у барашков не бывает.

Он вывел на лужайку перед дворцом пузатенький трехколесный велосипед и вежливо расklанялся со сторожевыми белыми медведями, которые дремали, опустив морды на рукояти алебард.

Медведи только заурчали в ответ, потому что знали, что портной Ее Величества каждое утро занимается физкультурой на велосипеде. Он ездит с горы к озеру и там подолгу сидит на больших валках и размышляет о своих будущих достижениях.

Портной Ахаль был славен на весь сказочный

мир тем, что умел шить невидимые одежды. Известно, что он когда-то опозорил одного короля, отправив его на улицу в невидимом камзоле. Тысячи людей смотрели на голого короля, но молчали, лишь один мальчик закричал: «А король-то голый!»

Мальчику никто не поверил, даже те, кто видел, что король голый. Мальчика отправили в деревню к тетке на перевоспитание, и та каждый день порола его как Сидорову козу. В конце концов он сбегал, нанялся в юнги и плавает теперь вокруг света на шхунах и фрегатах.

А портной Ахаль получил премию за лучший покрой камзола, и король наградил его медалью, правда, пожаловался, что камзол немного трет под мышками, а придворные глотки надорвали, доказывая друг дружке и всему свету, что платье было в меру скромным, роскошным и чрезвычайно изящным.

С тех пор Ахаль стал полагать, что теперь ему всё сойдет с рук, а так как другие короли не пожелали шить у него камзолы, он пристроился при дворе Снежной Королевы, у черта на куличках, в Лапландии.

Королева Роксана Ахалю не верила и сама никогда у него не шила. То, что можно в исключительном случае королю — пройтись голышом по улицам столицы, — совершенно недопустимо для королевы.

Ахаль знал, что Королева его не любит, ему не верит и в грош его не ставит. Поэтому вы можете себе представить, как он ее ненавидел. А если учесть, что портняжка был страшно жадным, становится понятно, что он делал на берегу озера Холмасто. Он торговал королевскими секретами.

А пока он едет туда на велосипеде, нужно пояснить, почему такая умная и решительная женщина как Королева Роксана терпела обманщика при дворе и даже доверила ему шить одежду для Севы Савина.

На самом деле всё просто: Ахаль никогда ничего сам не шил. Он только руководил. А шили феишвеи (есть такой род фей, они обшивают всех фей, дюймовочек, царевен и гномов сказочных земель). И феи эти были замечательными мастерицами.

К тому же, учтите, что везде (в том числе и в сказочных землях) всегда полно дураков. А для этих дураков очень важно сказать: «А вы знаете, что в нашем Снежном королевстве живет Тот Самый Портной, который шьет невидимые одежды?»

Впрочем, Роксана знала, что за портняжкой надо присматривать, вот за ним и присматривали.

Докатив до озера, Ахаль прислонил велосипед к стволу вековой ели, а сам сел на камушек.

Не прошло и пяти минут, как из камушка выснулась тонкая металлическая антенна.

— Ты меня слышишь? — спросил голос с иностранным акцентом.

— Как самого себя.

— Что нового во дворце?

— Вчера прибыл мальчишка из Москвы, пустой и глупый, ни на что не годный. Королева собирается отправить его в центр Земли.

— Зачем? — поинтересовался голос из антенны.

— Вроде бы хочет завоевать для себя новые земли. Вы же знаете, все короли такие. Их хлебом не корми, дай что-нибудь завоевать.

— Ну и дурак же ты, портняжка, — сказала антенна.

— Это кому как кажется! — обиделся портняжка.

— Где твой еженедельный доклад? — потребовала антенна. — Сколько алмазов добыто гномами в шахтах?

Портной вытащил из кармана бумажку, которую выменял у гнома Свальтрупа за пачку жвачки, и наколот ее на кончик антенны.

— Отчет принят, — сказала антенна и спряталась в землю. А листок исчез вместе с ней. На месте антенны лежало шесть золотых монет.

Со стороны ни за что не догадаешься, что антенна принадлежала алмазному тресту Де Бирс. Пока добыча алмазов идет у гномов ни шатко ни валко, этот могучий концерн спокоен. Но если гномам вдруг попадется выдающийся камень чистой воды, концерн начинает принимать меры, как бы его купить первым, чтобы не упали цены на рынке.

Заработав на алмазах, портняжка пошел по берегу дальше. Велосипед он катил рядом.

У берега покачивалась на волне белая чайка с золотым ошейником.

— Опаздываешь, агент, — сказал ошейник (в нем, как вы уже наверняка догадались, скрывался передатчик и приемник). — Где донесение?

— Одну минутку.

Портной достал из кармана несколько бумажек и принялся их просматривать.

— Требуется, — бормотал он, — Тресту торговли запрещенными товарами для американского зоопарка молодые русалки, пресноводные, хорошие собой, желательно с икрой, две штуки. Правильно?

— Ты выяснил, где их найти?

— Группа русалок обитает в притоке реки Северная Двина, — сказал портной. — Я тут координаты переписал. Только брать их надо к осени, в дождливую погоду, когда они бдительность теряют.

— Когда брать — наше дело, — отрезал ошейник, чайка взмахнула крылами и взлетела. Портняжка хотел было потребовать гонорар, но чайка сделала над ним круг, и к ногам Ахалья бабочкой спланировал зеленый листок — сто долларов.

— Премного благодарствую, — сказал портной. Он спрятал доллары за пазуху и помахал вслед чайке ручкой.

Теперь его путь лежал к ручейку, впадавшему в озеро.

У бережка медленно плавал зеленый рак, здоровый — размером в локоть. Видно, старый, матерый...

— При дворе королевы Роксаны объявился мальчик, — заявил рак, высунув усы над водой.

— Явился, не запылится, — согласился портной. — У меня обшиваться невидимыми платьями не пожелал, дружит с гадкой, я бы сказал нечистоплотной и негуманитарной принцессой Кристиной неизвестного происхождения.

— Имя, фамилия? — потребовал рак.

— Фамилии не знаю. Королева называет его Всеволодом.

— Зачем он здесь?

— Его снаряжают в путешествие.

— Одного?

— Не могу знать.

— Когда?

— Вернее всего — сегодня после обеда.

— В подземелье, в небо, на гору, в лес? Должны быть слухи!

— А Королева и не скрывает — под землю.

— Куда под землю?

— Говорят, там какое-то убежище образовалось, для чертей, леших и ведьм. Хорошего от этой королевы не жди!

Надо заметить, что Королева Роксана, которая подслушивала этот разговор из своего кабинета,

потому что ей передавала все слова сова, которая сидела на ели как раз надо головой Ахалы, мрачно усмехнулась. Она полагала, что если тебя ругают враги, значит, ты чего-то стоишь. Но портной за это заплатит! Нет, не сегодня... Он нужен Королеве, потому что если у тебя при дворе объявился предатель, лучше знать — кто он. Раньше времени спугнешь — получишь взамен нового, и не будешь знать, кто это такой...

Нет, пускай портняжка делает свои тайные гадости и не догадывается, что его разоблачили.

А тем временем рак продолжал допрашивать портного:

— Как они собрались выпускать одного, не сказочного, мальчика в такой тяжкий путь? Почему мальчика? Почему не сказочного?

— Об этом я догадываюсь, — гордо сообщил Ахаль. — Только это вам будет стоить экстрагонора.

— Гонорар как обычно, — ответил сухо рак и щелкнул клешнями. — А не хочешь сотрудничать с нашим Фондом, найдем другого добровольца.

— Ах, — барашек испугался, что останется без небольшого, но верного дохода. — Я ни сном, ни духом не желаю разрывать с вами сотрудничество! Но информация у меня такая редкая, такая ценная, такая, можно сказать, эксклюзивная, что грех не попросить прибавки к моему скромному гонорару.

— Ладно, — смиловился рак, — говори, мы

сами решим, что стоит денег, а что ты нам дашь в подарок.

— Когда они привели ко мне этого Всеволода, то попросили сшить для него платье в неправильном размере.

— Уточни!

— Одежда для мальчика-с-пальчик. Понимаете? Они его будут уменьшать!

— Зачем?

— Потому что туда, куда он собрался, можно пролезть только маленькому гномику или насекомому. Он намерен пробираться по узкому-узкому проходу.

— Ясненько, — сказал рак. — Но почему тогда посылают его, а не какого-нибудь гнома или колдуна?

— Говорят, что сказочные существа в мультипликаторе не уменьшаются.

— Повтори — где они не уменьшаются?

— Это прибор такой... Муль-ти-пли-катор. Уменьшает всё в двадцать раз.

Если вы думаете, что Королева Роксана слушала этот разговор равнодушно, вы крупно ошибаетесь. Она уже три минуты кричала, требовала, настаивала на том, чтобы портному помешали выкладывать врагам королевские тайны. Но как всегда бывает, ее приказы попали по пути в дуло Проклятой Елки и там застряли.

— В каком месте он войдет под Землю? Через какую пещеру, дырку, отверстие? Говори!

— Честное слово, не знаю...

— Думай! Ты должен знать!

— Догадался! — завопил портной.

Но не сказал того, что хотел сказать, потому что в этот самый момент Снежная Королева смогла, наконец, вытащить свой приказ из дупла Проклятой Елки и докричаться до комариной стаи.

И тут же стая комаров в количестве девяти тысяч отчаянных заполярных бойцов кинулась на Ахаля.

Комары вцепились портняжке в лицо, залезли ему в волосы, протиснулись сквозь поры одежды, дырки для шнурков ботинок — одновременно Ахаля укусили девяносто комаров первой волны и их тут же сменили сто тридцать бойцов второй штурмовой группы.

Больно было так, что портной забыл обо всём на свете.

И напрасно рак взывал к нему из воды: — Стой! Вернись! Ты обязан мне всё сказать! — Это были его последние слова!

Потому что старый ленивый сом поднялся из омута и неожиданно, как молния, кинулся на рака. И рак исчез в его пасти. Лишь что-то некоторое время еще попискивало и булькало в животе рыбины.

А портной, не останавливаясь, бежал до самого дворца, и со стороны непонятно было, человек это бежит или гигантский серый шар, слепленный из комаров.

Глава вторая Остановить Савина!

С утра в обширном как хоккейный стадион кабинете Президента Международного Унитарного Фонда Развития (МУФР) Георгия Георгиевича Полотенца состоялось секретное совещание.

Вам может показаться, что господин Полотенец слишком часто совещается и советуется. Это не совсем так. На самом деле все решения он принимал в абсолютном одиночестве, но при этом любил показать соратникам, что их мнение играет для него роль. Это было педагогично. Пускай думают, что они для него что-то значат.

В этом была его сила и в то же время слабость. Потому что был один человек, который отлично разбирался в его характере и пользовался его особенностями.

Этим человеком была прекрасная Элина Виленовна.

Она пришла работать в Международный Унитарный Фонд Развития восемь месяцев назад простой уборщицей.

Она приехала из города Бредуны Муходранского района.

Уборщица с такой географией не имеет никаких шансов стать правой рукой президента фонда. С ее данными лучше заняться модельным бизнесом. Но Элина Виленовна модельным бизнесом не интересовалась. Она даже деньгами интересовалась умеренно. Ее интересовала власть.

Будет власть, будет всё остальное. И даже Сережа Птичкин, ради которого она травилась (правда, не до смерти) в девятом классе и которого потеряла, так как Сережина одноклассница Серафима Скудная обладала трехкомнатной квартирой, приусадебным участком, автомобилем «девятка» и папой в горсовете.

И тогда Элина покинула свой городишко.

И сказала себе и своим ближайшим подругам Глаше и Стеше, что она возвратится в Бредуны, только когда станет посильней, чем сама мадам Тэтчер. И вернется она только для того, чтобы посмотреть, как Сережа Птичкин, низкий предатель, забывший все слова, которыми они обменивались под кустом сирени в городском саду на берегу речки Вертушки, будет ползать у ее ног и

просить о возврате милостей. А она ему скажет: «Поздно!» Вот это слово «поздно» и было одной из двух причин ее жизни в Москве. А второй причиной был ее страх перед бедностью. Ведь она прожила в бедности первые двадцать лет своей жизни.

Это не должно повториться!

По идее уборщица из Бредунов не может стать вице-президентом фонда.

Даже если отдать ее в руки лучших стилистов и имиджмейкеров столицы.

Но самое-то интересное и заключается в том, что за первые четыре месяца проживания в Москве никто Элину Виленовну к стилистам и имиджмейкерам не водил.

Эти месяцы она посвятила укреплению дружбы сначала с вахтером Ахмет Ахметовичем, а затем с охранником Костей.

И отлично подметала контору.

Как только Элина Виленовна накопила денег, она купила духи, кремы с хорошим запахом и краску для волос.

Когда-нибудь я расскажу, что было дальше, но сейчас не буду отвлекать вас от основного рассказа. Главное, что Элина Виленовна к моменту действия нашей повести ездила на скромном «Мерседесе», снимала скромную трехкомнатную квартиру и намеревалась завладеть душой и телом президента Международного Унитарного

Фонда Развития (МУФР) Георгия Георгиевича Полотенца. И это ей, похоже, удастся.

Итак, с утра в кабинете президента Международного Унитарного Фонда Развития (МУФР) Георгия Георгиевича Полотенца состоялось секретное совещание.

На него был приглашен только самый узкий Круг.

Во главе стола сидел сам Георгий Георгиевич — не выспавшийся, похудевший и почти осунувшийся.

По правую руку от господина Полотенца сидела секретарь Фонда Элина Виленовна, женщина роковой спортивной красоты, у которой случилось несчастье — с утра она была в парикмахерской и ей перепутали краску для волос. В результате вместо златовласой Элина Виленовна стала ярко-оранжевой. И ее не все узнавали, что Элину Виленовну бесило. Элина Виленовна вообще была человеком несдержанным, и легко взрывалась.

Слева от президента МУФРа на краешке кресла примостился юный гражданин-мальчик Каин.

Он выглядел усталым — сутки уже не спал.

Дальше рядышком сидели еще два члена правления: магистр Проникла в черном костюме и консультант Эфимыч — косматый, толстый, невымытый, в старой шляпе, надвинутой на глаза, и в длинном плаще, который не снимал даже в по-

стели, — а также директор фабрики детской игрушки «Малютка-супер» Василий Фридрихович Кох, подтянутый, усатый, бородатый, расчесанный на прямой пробор мужчина старше средних лет. Сидоровы уже улетели на Кольский полуостров.

— Сегодня у нас несколько вопросов, — произнес Георгий Георгиевич. — Как идет работа? — повернулся он к Василию Коху, который тут же поднялся и доложил:

— Мы сталкиваемся с некоторыми трудностями, но в целом намечается прогресс.

— Бурение началось?

— Мы интенсивно ведем проходку Большой трубы. Бур прошел первые пятьдесят метров. Всё идет по плану.

— На благо человечества! — заметил Георгий Георгиевич. — В целях заботы о пожилых людях. Вы меня поняли?

— Как же не понять. Готовим пробный сброс мертвой воды.

— Когда достигнете Полости?

— Встречаются тяжелые породы. Шесть буров уже сломались.

— Переходите на суперлазер!

— Это слишком дорого, экселленц! — воскликнул Василий Фридрихович.

— Фонд оплатит, — отрезал Полотенец. — Мы ведем переговоры с миллиардером Гейтсом, он хочет срочно омолодить свою любимую матушку.

— Вас понял, — сказал Кох и сел.

Господин Полотенец вытащил носовой платок и шумно высморкался.

— А теперь ситуацию с Полостью доложит начальник охраны гражданин Каин.

Каин достал из кармана пиджака очки в золотой оправе и надел на острый носик. Очки были просто стеклянными, не увеличивали и не уменьшали, но Каин считал, что так выглядит солиднее.

— Как уже говорилось на предыдущем заседании, — начал Каин, — нас заинтересовало поведение одного испорченного подростка из летнего лагеря «Елочка», который нелегально встретился и сблизился с подозрительной лягушкой. Нам удалось выследить эту лягушку. Оказалось, что она — дочка так называемой Снежной Королевы, возглавляющей незаконное формирование на севере Лапландии.

— Вот именно! — воскликнула Элина Виле-новна. — Какая наглость!

Все одобрительно закивали.

— Удивительно другое, — продолжил гражданин Каин. — Удивительно то, что этот Савин сумел наладить связи с агентурой Королевы, которая перетащила его в Лапландию, в свое логово.

— Почему не задержали? Почему не пресекли? — спросил магистр Проникла.

— Мы пытались, — ответил Каин. — К сожалению, силы противника были превосходящими.

— Где он теперь?

— Вот в этом вся проблема. Наш человек при дворе Снежной Королевы сообщает, что его уже подготовили и вместе с мультипликатором завтра с утра доставят ко входу. Наш человек полагает, что цель его — достижение Полости.

— Моя полость! — завопил магистр Проникла. — Я не позволю никому до нее дотронуться!

— Дело не в этом, — заметила Элина Виленовна. — Главное, зачем ему надо в Полость?

— Чтобы ее завоевать, — ответил Георгий Георгиевич. — И лишит нас замечательной базы для сброса мертвой воды!

— Уничтожить!

— Выгнать!

— Растерзать!

Просторный, но неуютный кабинет президента Международного Унитарного Фонда Развития огласился криками.

Георгий Георгиевич устало поднял руку и сказал:

— Криками делу не поможешь. Мы даже не знаем, в каком месте он намерен идти под Землю, мы не знаем, что такое мультипликатор. Знаем только, что с его помощью он хочет пролезть сквозь узкие трещины. И вообще — в нашу ли Полость он собрался?

— В любом случае, — сказал Эфимыч, консультант по сказочным вопросам, — его надо догнать и не пустить.

— Вот это правильно! — согласился Полотенец. — Короче, посылаем туда боевую машину. Истребитель без опознавательных знаков. И полетит на нем гражданин Каин.

— Настоящий командир, — возразил Каин, — никогда не бежит в атаку впереди своего взвода. Он руководит действиями из тыла. Если меня собьют, некому будет побеждать ваших врагов, Георгий Георгиевич.

— Мальчик дело говорит, — поддержала Каина Элина Виленовна. — Мы слишком много вложили в то, чтобы его омолодить. А если они снова поднимут в небо птицу Рокк?

— А меня, Элина Виленовна, это не интересует! — завопил господин Полотенец так, что щеки посинели. Вопль его пронзил сразу несколько стен, эхом отозвался в сводчатом вестибюле и вернулся обратно, по пути разметав стопку сложенной у принтера бумаги и сбив с ног мальчика-курьера. — Мальчишка должен быть остановлен! Можете даже привезти его сюда, я сам его допрошу.

— Вот это дело! — обрадовался магистр Проникла. — Можно, я его буду пытаться?

— Нет, я! — воскликнул Эфимыч, консультант по сказочным проблемам

— Мы еще не поймали медведя, — резонно сказала Элина Виленовна, — рано его делить. Он, может, еще сам вас растерзает.

— Это малодушие! — закричал Эфимыч и навдвинул шляпу на уши. — Наши никогда не отступают!

— Молчать! — прервал его Полотенец. — Короче, — повернулся он к гражданину Каину, — отправляйся на Кольский полуостров. Возьмешь с собой Кассандру. Выполняй!

Каин сплюнул на пол, выругался на неприличном русском языке середины восемнадцатого века и пошел прочь, бормоча себе под нос: «Никто не ценит! Бегаешь как бобик, стараешься, сна и покоя не ведаешь, а вместо спасибочки только упреки!»

На этом секретное совещание закончилось.

Глава третья

Терранавт номер один

Сева Савин устроен понятно. Чем ему страшнее, тем он больше балагурит. Не потому что дурак, а потому что стесняется. Стесняется показаться трусом или дураком.

А что в результате получается?

Получается, что его иногда считают трусом, и изредка — дураком.

Нам говорят, что на ошибках учатся. Но никогда не объясняют, на чьих ошибках и кто учится. Когда его собирали в путь, Сева услышал новый вариант этой мудрости. Дед Мороз Нильс сделал умное лицо и сказал:

— Учти, у тебя, Сева, не будет возможности учиться на ошибках.

И тут Сева — видно, нервничал — не выдержал и воскликнул:

— На чьих ошибках? На моих или на чужих?

— Без разницы, — ответил Дед Мороз.

Тут вошел Снежный человек с ассистентами, и началась последняя проверка. Так уходили в космос первые космонавты, а Сева, терранавт номер один, чувствовал, что он узурпатор, то есть воришка. От него ждут подвигов и великих свершений, а он всю жизнь боялся вечером мимо кладбища проходить. Хотя в привидения не верил, потому что не был суеверным.

Простите, спросите вы, а как же тогда он верил в сказки и даже отыскал царевну-лягушку, если он не суеверный?

Потому что, отвечу я вам, это совсем разные вещи.

Сказка — это действительность, только особого рода. Ее можно объяснить и понять. Связь между Ледниковым периодом и вымиранием теплокровных мастодонтов совершенно очевидна. А вот связи между черной кошкой, невыученными уроками и (как следствие) провалом на контрольной нет никакой, она рождается только в перепуганном мозгу лентяя и тупицы.

Снежный человек чувствовал себя большим начальником и даже покрикивал на Дедов Морозов, которые пришли в зал из любопытства. Конечно, Деда Морозы в Снежном Царстве считаются куда более важными персонами, чем Снежный человек, но сейчас он руководил ответственной опе-

рацией, и от его внимательности и мудрости зависела жизнь терранавта Савина, а может и всего Сказочного мира.

— Одежда! — произносил Снежный человек громким голосом.

И сам себе отвечал:

— Джинсы, куртка, кроссовки и нижнее белье для Савина нормального размера.

И все зрители, что стояли в зале, шевелили губами, повторяя за Снежным человеком, — будто проверяли, правильно ли Снежный человек всё посчитал.

— Одежда для уменьшенного Савина, — провозглашал он.

И сам себе отвечал:

— Джинсы, куртка, сапоги непромокаемые, нижнее белье, берет резиновый с мягкой подкладкой, позволяющей избавиться от травмы головы, если на нее упадет камень.

Одежду мальчика-с-пальчик он складывал пинцетом в заплечный мешок. Затем он передал мешок Севе, и Сева спрятал его в карман.

— Оружие и приспособления! — воскликнул Снежный человек.

— Оружие и приспособления, — хором повторили Деда Морозы и снегурочки.

— Пояс спасательный, надувной, — сказал Снежный человек и передал пояс Севе, чтобы тот положил его в карман. Пояс как раз налез на Севин указательный палец.

— Паутина с крючьями, чтобы подниматься и спускаться по стене. Липкие нашлапки на подошвы.

Особенно невзрачно выглядели веревки, то есть паутинки с крючьями. Сева знал, что целая бригада гномов трудилась над плетением паутины, а их мужья тем временем ковали крючки и оружие.

Наконец дошло дело и до оружия:

— Меч заколдованный, титановый, — объявил Снежный человек. — Перерубает любое вражеское оружие. Нож складной.

С этим мечом Сева уже намучился. Его учил фехтовать крикливый и нервный гном Андерсон, которых никак не мог понять, почему этот человечий детеныш не может сделать такой простой вещи — выбить шпагу из рук противника?!

— Я тебе завидую, — сказала Королева Роксана, которая пришла поглазеть на то, как Сева учится обходиться под землей своими силами. — Хотела бы я туда попасть!

— А что вам мешает? — спросил Сева. — Поехали!

— Ты с ума сошел! — искренне возмутилась ледяная красавица. — На мне такая ответственность, что я и на полчаса не могу покинуть мое хозяйство. Они всё тут перепутают и сами передедутся.

— За вас двадцать Дедов Морозов останется, — сказал Сева. Он уже понял, что лучше бы помол-

чать, но разве можно остановить собственный язык?

— Мужчины! — с великолепным презрением произнесла Королева. — Что могут сделать мужчины, когда женщины нет рядом?!

— Мамочка, — сказала Кристина, которая как раз вошла в зал. — Можно я пойду с Севой?

— Это еще зачем?

— Он будет мужчина, а я женщина, которая с ним рядом. И мы всё сделаем как надо.

— Ты с ума сошла! — перепугалась Снежная Королева. — С мальчиком вдвоем в мультипликаторе! Хочешь опозорить свою единственную мать?!

— Прости, — рассмеялась Кристина, и смешинки из ее глаз рассыпались по всему залу. — Маме меня жалко.

— А меня не так жалко, — ответил Сева.

— Попрошу без шуток! — рассердилась Королева. — Разумеется, мне менее жалко чужого мальчика (даже не из благородного семейства), чем мою собственную дочку.

— Думаю, лучше мне не ходить в подземелье, — подумал Сева вслух.

— Ты прав, — согласилась с ним Кристина. — Никакой благодарности ждать не приходится. Но ведь королевы — везде королевы.

— Не могу знать, — сказал Сева, — у меня нет ни одной знакомой королевы.

— Подожди, пока я стану королевой, — сказала Кристина.

Тут уж Королева Роксана совсем разозлилась.

— А ну молчать, дети! — воскликнула она. — И не надейтесь, что я уступлю вам трон! Не видать вам его как своих ушей! А ты, Всеволод Савин, можешь отправляться к себе домой, к мамочке, но потом всю жизнь будешь жалеть, что не совершил великого открытия и не спас Сказочное Царство!

— Да пошутил я, — сказал Сева. — Простите.

Он не чувствовал себя виноватым, просто понимал, что спорить с королевами можно до известного предела, и не шагу дальше...

Но вернемся к последней проверке перед выходом.

— Еда у тебя сушеная, — сказал Снежный человек. — Сухари, мясные шарики и печенье. Много тебе не надо, потому что скоро ты вернешься.

— А если не вернусь?

— Поищешь там, — сказал Снежный человек. — Короче, что-нибудь придумаешь. На месяц хватит.

Снежный человек продолжил перечислять свечи и фонари, которые Сева возьмет с собой, но сам Сева отвлекся. Ничего нового он не узнает. Сева вдруг понял, что первый раз в жизни уходит в поход, где не будет никого рядом. Только ты и немая, враждебная природа. Страшно? Конечно, страшно, но никому не скажешь, что страшно...

Идешь, как щенок в темном лесу, думал Сева. И этот мультипликатор — чистой воды фантастика! А фантастика и сказка — штуки несовместимые, как говаривал Боря Штерн. А кто такой Боря Штерн, вы не знаете, и знать вам необязательно, хотя был он полковником гагаузской армии. В сказке тебе всё понятно, даже феи не смущают, потому что это не фантастика, а самое обыкновенное волшебство. Оно не нарушает законов мира, не меняет местами небо и землю, потому что оно не всесильно. Сказка есть сказка, и если ты решил не обращать на нее внимания, она отойдет в сторону, и жизнь снова станет простой как трамвай...

Стали прощаться.

Королева Роксана заявила, что Снежное Королевство несет всю ответственность перед мамой Всеволода Савина, и поэтому все силы королевства будут брошены на обеспечение его безопасности, однако она убеждена, что силы тьмы не смогут взять верх... тут она запуталась в словах, но сделала вид, что так и надо и продолжала говорить еще минут десять. К тому времени уже никто не понимал, о чем она говорит, зато все знали, что она говорит правильно и значительно...

Искусанный комарами, распухший и скребущийся Ахаль-портной высовывал вперед то одно ухо, то другое, чтобы выведать секретные сведе-

ния, выудить их из королевской речи, и ему всё время казалось, что он вот-вот выхватит этот секрет, но когда он побежал к мужскому туалету, где во второй справа кабинке был запасной пункт связи с Фондом, оказалось, что сказать нечего, к тому же один из Дедов Морозов выследил его и спустил вместе с водой в унитаз, и лишь к вечеру продажного портняжку выбросило потоком канализации из трубы довольно далеко от дворца.

В результате Ахаль простудился, и его выгнали из главных портных, а его место заняла фея Маркизетта — милейшее существо, непревзойденная специалистка по макраме.

Кристина стала просить мать, чтобы ее пустили вместе с Севой хотя бы до того места, где он войдет в мультипликатор. Ведь сначала он будет спускаться внутрь Земли в своем собственном размере, и, лишь когда дальше идти будет невозможно, станет мальчиком-с-пальчик.

Но Кристине и этого не разрешили. От обиды у нее даже веснушки на щеках и на носу покраснели, и она убежала вся в слезах, что вообще-то не свойственно принцессам, которым уже почти шестнадцать лет.

— Ничего, — крикнул ей вслед Сева, — мы с тобой скоро увидимся. Я обещаю!

Кристина остановилась в дверях и сквозь слезы ответила:

— При условии, что ты не утонешь в Черном озе-

ре, не провалишься в Горькую бездну, тебя не сожрут Вулканические глисты или Фосфорические крысы, не выпьют кровь Вампиры тьмы и не завалит какая-нибудь лавина.

По толпе Дедов Морозов и придворных фей прокатилась волна ужаса.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Королева Роксана. — Ты же можешь сглазить! Ты можешь погубить такого славного мальчика! Считаю, что ты примерно наказана!

Принцесса хлопнула дверь и так ткнула белого медведя кулачком в живот, что тот уселся на пол и потерял каску.

А Снежный человек подхватил с пола мультимпликатор и подтолкнул Севу к выходу.

Королева догнала их у двери, дернула к себе Савина за плечи и поцеловала его в лоб холодными обжигающими губами.

— Мы будем ждать тебя, — сказала она.

— Ждать! — эхом отозвались придворные феи, снегурочки и Деда Морозы.

Глава четвертая

Шахта на Кольском полуострове

На обширную, устланную мраморными плитками площадку перед дворцом Королевы Роксаны, таким скромным на вид и таким роскошным внутри, выехал похожий на этажерку самолетик пилота Гарри Коллинза. Сам пилот издали махал Севе рукой как старому приятелю. Черные очки закрывали половину лица, еще половину скрывали пушистые усы, а третья половина пряталась за пилотским шлемом.

Честно говоря, Севе было несколько не по себе от того, что он опять полетит с мертвым пилотом, хотя ничего плохого о Гарри он сказать не мог. Снежный человек большими шагами подошел к самолету. Только тут Сева заметил, что Началь-

ник Королевской Охраны одет в парадную форму — к его волосатым плечам были приколоты большие позолоченные эполеты, то есть такие погоны с висюльками.

Сперва он закинул в заднюю кабинку мультимпликатор, и Сева задумался — что же он намерен делать дальше? Может, забыл о нем, о Севе?

Как бы не так! — Снежный человек ухватился за край фюзеляжа и, как обезьяна, ловко запрыгнул в кабину, потом протянул лапы к Севе, подхватил его, сгреб, одним движением втащил внутрь и посадил себе на колени.

От Снежного человека пахло псиной, и в животе у него громко урчало.

Он протянул лапу вперед и постучал указательным пальцем по спине пилота.

Пилот обернулся, кивнул, и самолетик побежал вперед по траве, выкатился на шоссе и начал разбег.

И тут же в небе появилась птица Рокк.

Она выписывала медленные круги у них над головами.

— Безопасность превыше всего! — важно сказал Снежный человек. — Чем черт не шутит...

Самолетик взлетел.

День был облачный, ветреный, но Севе было тепло: он сидел на коленях Снежного человека как в мохнатом кресле.

Дворец Снежной Королевы быстро пошел вниз, вокруг расстилась тундра со множеством

небольших озер, между которыми кое-где зеленели еловые перелески.

Вдруг Сева увидел, что к ним приближается какой-то другой самолет. Пилот поднял руку в перчатке с раструбами, и птица Рокк, которая внимательно следила за самолетом, тут же развернулась и в несколько взмахов гигантских крыльев — куда больших, чем крылья самолетки, — помчалась на перехват.

Тот, дальний, самолет почему-то не захотел встречаться с птицей и повернул прочь.

— Вери найс, — сказал Гарри Коллинз.

— Бережного Бог бережет, — сказал Снежный человек и расхохотался басом. — Граница под нами! — сообщил он Севе.

— Какая граница?

— Граница с Россией.

Это Севе понравилось. Всегда приятнее лететь домой, чем от дома.

Они вошли в облака.

Затем спустились к самой земле, и на бреющем полете пошли между небольших холмов и над озерами.

— Русские пилоты не должны нас заметить, — пояснил Снежный человек.

Так они летели еще с полчаса.

Птица Рокк исчезла, наверное, повернула назад. Над просторами России этим птицам летать не велено.

Самолет летел довольно низко, и когда коровы, что паслись на полянах, поднимали головы, удивляясь гостям из дружественной Финляндии, можно было на минутку заглянуть в их глупые глаза.

Раза два пролетали над деревнями, на берегу речки загорали под солнцем мальчишки, тракторист заглушил мотор и смотрел на самолет, приложив ладонь к глазам. Сева помахал ему.

— Не привлекай лишнего внимания, — сказал Снежный человек, и Сева чуть не расхохотался. Если уж кто и привлекал внимание, так это Гарри в самолетике, похожем на этажерку.

— Они все думают, что здесь кино снимают! — крикнул Сева Снежному человеку.

И тут впереди показались вышки и две египетских пирамиды.

Египетские пирамиды оказались терриконами — крутыми холмами, насыпанными из породы, которую выбрасывают наверх, когда добывают уголь, а вышки, похожие на Эйфелеву башню в Париже, и были шахтами — там умещались механизмы подъемников, на которых в шахту опускались рабочие.

Дальше к лесу были видны двухэтажные бараки, склады, и различные строения, некоторые из них были просто облезлыми и старыми, а другие еще и полуразвалившимися. Вдалеке за лесом темнела гряда холмов.

Гарри выбрал ровную площадку и ловко поса-

дил самолет так, что тот замер в тени одного из терриконов.

— Здесь никого нет, — сказал Снежный человек, спрыгнув на землю. — Шахта закрыта.

— Уголь кончился! — раздался тонкий отрывистый голосок. — Люди ушли.

Сева удивился — как это гном успел к ним подойти?!

Гном был высокий, Севе почти по пояс, вместо красного колпака, которыми так гордятся гномы, он надел желтую шахтерскую каску; борода у него была подстрижена, что совсем уж необычно для гномов, и одет он был вполне современно: в шахтерский костюм с высокими резиновыми сапогами.

Гном протянул всем по очереди руку и представился:

— Густав Шестидесятый, наследственный властелин Кольского племени, дальний родственник Снежной Королевы. Рад вас видеть в моих краях. Всё, что мы обещали сделать, выполнено.

— Молодец, — похвалил Снежный человек, как будто был начальником гнома.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Сева.

А Гарри Коллинз как всегда предпочел промолчать. Раз он был неживым, то каждое слово давалось ему с трудом.

— Так ты и будешь тот юный храбрец, который в одиночку отправляется в смертельно опасное путешествие? — спросил гном Густав Ше-

стидесятый, словно только сейчас догадался, что именно Сева, а не Снежный человек и не пилот Коллинз решил отправиться в путешествие. Впрочем, всегда приятно, когда о тебе говорят «юный храбрец».

— Ничего особенного, — сказал Сева, потому что застенялся. — Мне не привыкать.

— Вы не в первый раз спускаетесь к центру Земли? — удивился гном.

— Пустяки! — Сева смутился, потому что врать ему не хотелось, а получилось, что соврал. Но когда ты начинаешь врать, остановиться почти невозможно. — Дело обычное...

— Я потрясен, буквально потрясен, — сказал гном.

— Пойдем? — усмехнулся Снежный человек. — Время не ждет.

— Вот именно, — согласился Густав Шестидесятый. — Только одно маленькое дело...

Он сунул два пальца в рот и залихватски свистнул.

И тут же из близлежащего ельника выскочило и побежало к ним несколько елок.

Когда они подбежали ближе, Сева понял, что это не елки, а гномы, каждый из которых несет елку или охапку еловых лап.

Они окружили самолет и принялись забрасывать его ветками. И пяти минут не прошло, как самолетика и след простыл — даже вблизи не различишь!

— Гуд, — одобрил Гарри Коллинз. — Экселлент!
Он достал из кармана курительную трубку и принялся набивать ее табаком.

Севу немного удивляло то, что неживой пилот курит. Когда он (еще перед полетом) спросил об этом Кристину, та ответила:

— Но ведь трубку, а не что-нибудь!

Гарри закурил.

Сева подошел к пилоту и попрощался с ним за руку.

— Он будет ждать, — сказал Снежный человек.

— Но я же могу задержаться на несколько дней!

— В этом есть преимущество его состояния, — сказал Снежный человек.

Сева не сразу понял, что Снежный человек имеет в виду. А имел он в виду то, что Гарри мертв, и ему всё равно, сколько ждать.

Мертвый пилот подмигнул Севе.

И Сева пошел к шахте.

Снежный человек нес мультимпликатор. Замыкал шествие Густав Шестидесятый.

Когда они вошли в небольшую будку у подножья вышки, то обнаружили, что там горят электрические лампочки.

— Как так? — удивился Сева. — Ведь шахта не работает!

— От сети отключить забыли, — ответил Густав. — У нас так бывает.

— И давно забыли? — спросил Сева.

— Семь лет назад, — ответил гном.

Густав повернул какую-то ручку, и дверцы лифта раздвинулись.

На стенке лифта было штук десять кнопок. Сева понял, что, наверное, в шахте несколько уровней или туннелей. На них подъемник и останавливается.

Густав нажал на самую нижнюю кнопку. Страшно скрипя, будто его неожиданно разбудили и он этим недоволен, подъемник двинулся вниз.

Сева не хотел, но нечаянно спросил:

— А он не оборвется?

Гном Густав даже не улыбнулся. Он ответил:

— Система испытана. Мы опускали и поднимали тридцать гномов. И хоть бы что. Только один задохся. От тесноты...

— Вот и хорошо, — сказал Снежный человек. — Значит двадцать девять...

Сева надеялся, что его спутники не заметили, что он оробел. Но они если и заметили, то вида не подали.

Подъемник опускался медленно, становилось всё холоднее, и холод был не верхний — ветренный, а особенный, подвальный.

Порой в стене шахты открывался черный провал — отсюда отходили боковые туннели.

Вдали Сева увидел огонек.

— Там кто-то есть? — спросил он.

— Один из наших, — ответил гном Густав. — Иногда туда забираются гномы, ищут, не пропустили ли люди какую-нибудь жилу или самородок...

— А иногда и вампиры, — сказал Снежный человек.

Они замолчали.

И вот тогда Севе стало на самом деле страшно.

Представьте, что вам надо идти к зубному врачу. Это неприятно и висит над вами, как мешок с гвоздями. Но вокруг люди, вы сами занимаетесь важными и неважными делами, до похода к зубному еще три дня... два дня, одна ночь... И вот вы входите в поликлинику. И больше ничто и никто не отделяет вас от зубоврачебного кресла. И некуда бежать...

Может, это и неточное сравнение, но Севе было не до сравнений. Он просто глядел, как уплывают вверх потеки воды на каменной стенке, слушал, как скрипят тросы и далеко наверху гудит мотор. А вокруг на тысячу верст только один огонек — то ли гном бродит со свечкой, то ли вампир. Ведь вампиры существуют на самом деле, и это их мир, а не человеческий!

Сейчас подъемник уйдет наверх, и Сева останется один в крошечной тьме и в том самом ужасном одиночестве, когда на твой крик некому откликнуться и некому прийти к тебе на помощь. А если с тобой что-нибудь случится, то никто об этом не узнает. И все обещания и слова Королевы пустые.

Что они скажут маме, когда она приедет в лагерь за своим сыном? А ничего не скажут: «Ваш сын Савин Всеволод отбыл в неизвестном направлении...»

— Ах! — закричит мама (она всегда кричит, когда ее вызывают в школу). — Немедленно верните мне сына, иначе я буду жаловаться!..

— Ха-ха-ха — кому она будет жаловаться?!

Тут подъемник с такой силой бухнулся о дно шахты, что Сева чуть не сел на грязный пол.

Снежный человек подхватил его.

— Держись, герой, — сказал он.

И Сева понял, что слово герой не всегда звучит как похвала.

На нижнем ярусе горел свет. Электрическая лампочка была заботливо забрана в металлическую сетку.

Густав вышел первым и быстро пошел по узким рельсам в глубь туннеля.

— Опробуй фонарь, — сказал Снежный человек.

И правильно сделал. Когда есть чем заняться, тревожные мысли как-то уползают из головы.

Сева достал фонарь. Фонарь зажигался просто — обычный фонарь, на батарейках.

— Ты его оставишь здесь, — сказал Снежный человек — Спрячь его рядом с мультипликатором. Он тебе может понадобится, когда будешь выбираться.

— Разве вы меня не будете встречать?

— Буду, если смогу.

И тут Снежный человек вдруг заговорил — а Сева-то думал, что он больше одной фразы за раз выговорить не может.

— У нас есть враги, — сказал Снежный человек. — А кто они, мы не знаем. Это плохо. Если врага не знаешь, считай, у тебя два врага.

— Они знают, где я?

— Не задавай глупых вопросов, — сказал Снежный человек. — Тебе нельзя задавать глупых вопросов. Ее Величество говорит, что ты наш рыцарь. Кому нужен глупый рыцарь? Даже если ты погибнешь, лучше, чтобы осталась хорошая память.

— Еще чего не хватало! — рассердился Сева. — Мне тогда плевать будет на память.

— Никому не плевать на память, — возразил Снежный человек. — Ты еще молодой человек и поэтому говоришь пустые слова!

— А вы-то в своих снегах чего видали?!

— Я много лет боролся за свободу моего маленького снежного народа, мои близкие погибли, мои дети стали гуркхами в непальской армии, моя жена сегодня — председатель кооператива в Ахасе, я же сдался в плен людям и служил проводником в экспедициях альпинистов. Меня унижали банками сгущенного молока и свиной тушенки. И я убежал. Зимой я прошел пустыню Гоби, миновал Памир и Тянь-Шань, перевалил Уральский хребет и оказался в Лапландии, среди своих!

Снежный человек говорил обиженным голосом, и Севе стало стыдно.

Простите, — сказал он.

Сева не любит просить прощения, да и кто это любит? Но как-то неловко было обижать такого простого человека. К тому же он был последним живым человеком, который идет с ним в эту пропасть. Гнома труднее считать человеком, может, из-за размера, а, может, потому, что у гномов какая-то чужая манера себя вести. Они бывают говорливы, когда надо помолчать, и замолкают, когда их голос так нужен. У них свои дела и свои проблемы, и гном может общаться с тобой, но дружить никогда не станет...

Сева подумал, что о гномах ему мало что рассказывали, да и встречал-то он двух-трех и обчелся, а вот в голове сидит уже немало сведений о них и даже понимания, что они за народ такой. В общем, чужой народ...

Глава пятая

Приключение начинается

Все замолчали. Так молчат альпинисты, которые возвращаются вечером в лагерь после долго и трудного восхождения. Одни мечтают о сне, другие о чашке горячего чая.

Штрек пошел вниз, рельсы оборвались. Стены разошлись и сгнули в темноте.

— Глубина триста шестьдесят метров, — сообщил гном Густав. — Здесь шахтеры вышли на обширную пещеру, в которой пласты угля оборвались. Шахту закрыли как невыгодную. Понятно?

Ну прямо как на уроке!

— Понятно, — ответил за Севу Снежный человек.

Здесь уже никакого света не было. Последняя электрическая лампочка осталась далеко позади. Они шли при свете двух фонарей. Сильно, как

прожектор, светил фонарь Снежного человека. Сева тоже включил свой фонарик. Так идти было веселее.

Пока они двигались по туннелю, по рельсам, света хватало — он отражался от стен, и казалось, что они идут по коридору в темном здании. Но теперь, когда стены разошлись и потолок пещеры исчез в вышине, света стало совсем мало, и темнота надвинулась на них со всех сторон.

— Ну и где твои помощники? — спросил Снежный человек.

— Они не заставят себя ждать, — ответил Густав. — Мы, гномы, очень пунктуальны и всегда приходим на помощь, если нас просят.

— Или если это вам выгодно, — заметил Снежный человек.

— Или если нам выгодно, — не стал спорить Густав. — Все так делают. Но, должен заметить, мы всегда выполняем свои обязательства.

Густав хлопнул в ладоши. Звук далеко разлетелся в темноте, и Сева понял, что пещера очень велика.

И тут же — словно из-под камней выбрались — в свете фонаря появилось несколько гномов.

Сева сначала удивился, но потом подумал, что глупо представлять себе живых существ по картинкам в книгах или мультиках. Гномы были совсем не такими чистенькими и аккуратненькими, как в кино. Перед Севой стояло несколько карли-

ков и карлиц, в колпаках, грязных куртках или балахонах и тяжелых башмаках. В руках они держали молотки и кирки.

Они поклонились гостям и принялись внимательно рассматривать Севу.

— Наслышаны о Всеволоде? — спросил Снежный человек.

— Совсем не такой, — сказала гномиха. Она отличалась от своих соплеменников лишь тем, что у нее не было бороды, да вместо серых штанов на ней был балахон до земли. — Хлипкий и мелкий для героя.

— Нам великан и не нужен, — сказал Снежный человек.

— Это мы понимаем, — согласилась гномиха. — Иначе не пролезешь.

— Всё осмотрели? — спросил Густав.

— Никого и ничего подозрительного, — ответил один из гномов.

— Пещера готова?

— Готова.

— Тогда пошли.

Идти оказалось недалеко, да и путь лежал под уклон. У гномов оказались горняцкие лампы, так что они вышагивали, как карнавал в Рио-де-Жанейро.

— Нас вот тут волнует..., — сказал один из гномов, обращаясь к Снежному человеку. — Вот

если вы будете туда своих друзей переселять, они ж нам всё подземелье загадят.

— Там ваших нет, — сказал Снежный человек. — Там ваши и не бывали. А вы уже заранее переживаете. Неужели думаете, что мы будем чего-то делать, с вами не посоветовавшись?

— Может, и будете! — сказала гномиха. — Кто вас разберет!

«Столько же это путешествие будет продолжаться?!» — подумал Сева. Ведь весь этот путь придется и обратно пройти! И это лишь самая легкая его часть. Куда труднее будет подниматься по узким щелям! Сева видел планы, которые нарисовали со слов карлика, который первым туда пробрался. И Севе объяснили, что паутина, на которой он будет по щелям лазить, может растягиваться и стягиваться в зависимости от его, Севиной, надобности и желания. Но Севе некогда было как следует вдумываться... Наверное, если бы на месте Севы оказался опытный спасатель или, там, путешественник, он, конечно же, испытал бы оборудование — ведь от этого всё зависит. Но Сева думал — совершу подвиг и быстренько назад... Ну, может, и не так просто, но в принципе так. В этом и состоит беда жителей сказочного мира: они не умеют просчитывать свои дела и поступки наперед. Им словно детям кажется — всё обойдется. Всем известно, что паутина рыжего крестовика может становиться короче и длиннее, значит, так и будет...

И только теперь, когда они уже целый час шли по гулкой холодной пещере, Сева начал понимать, что всё может оказаться гораздо сложнее, чем ему казалось. Но не повернешь же теперь назад — с ним рядом бредут в этой проклятой тьме несколько существ, которых с точки зрения обыкновенного москвича не существует и существовать не может. А они существуют! Идут впереди и о чем-то негромко болтают грязные от пыли и глины гномы, тяжело топают неповоротливый, покрытый шерстью Снежный человек. И всего-то на нем одежды — пышные генеральские эполеты на волосатых плечах. Физиономия у него почти гориллья, но, как ни странно, не очень злая и не самая зверская из физиономий. Вот вернусь и скажу Лолите: «Слушай, я тут познакомился с одним Снежным человеком, ничего парень, общительный!» И как она начнет хохотать и визжать, каким презрением она его обольет! Надо будет как-нибудь с ним рядом сфотографироваться, тогда даже ей придется поверить.

Дорога круто пошла вниз, и, перебравшись через завал, они оказались в небольшой пещерке, посреди которой блестело маленькое озеро. Как большая лужа или бассейн в детском саду.

— Вот и пришли, — сказал Снежный человек.

Он говорил медленнее, чем обыкновенные люди, морщил низкий лоб, и оттого казалось, что он чего-то таит или недоговаривает.

Пещера была невелика, и поэтому в ней было светлее.

Снежный человек поставил чемодан на землю и раскрыл его.

Гномы как по команде кинулись к мультипликатору и, пихаясь, стали заглядывать внутрь.

— Эй! — прикрикнул на них Снежный человек. — Еще сломаете чего-нибудь...

И тут Сева снова задумался, — а на каком, собственно, языке они разговаривают? И на каком языке я с ними разговариваю?

И понял, что не знает. Говорит он вроде по-русски, потому что кроме русского никакого другого языка еще не выучил. Однако всё, что говорилось рядом, он прекрасно понимал. Но ведь не могут же подземные гномы говорить по-русски?! Сейчас, наверное, было не самое лучшее время об этом спрашивать, но внутри Севы этот вопрос жил как нарыв — ты не можешь о нем не думать. И не можешь не спросить. И, наверное, в глазах Снежного человека и даже Густава он выглядел наивным и неумным, когда всё-таки не удержался и спросил:

— А на каком языке мы разговариваем?

— На обыкновенном, — ответил Снежный человек. — Как все.

Он посветил фонариком внутрь чемодана.

— Вроде всё в порядке.

Сева тоже посмотрел в мультипликатор. Сей-

час он ступит туда и... А, может, ну его, к лешему, развернуться и пойти обратно? Но сам уже понял — никуда он не пойдет. Не сможет он попроситься обратно. Слишком далеко зашел! Есть такая точка, после которой путешественник уже не может вернуться. И ему остается только шагать вперед...

— Здесь останутся гномы, — говорил Снежный человек. — Они будут сменяться. Но всегда в пещере останется хотя бы один. Он будет стеречь мультимпликатор. Правда, он не будет стоять на виду. Видишь нишу?

Снежный человек посветил фонариком внутрь небольшой пещеры. Как раз по размеру...

— Как только ты вернешься, — продолжал Снежный человек, — гномы по своей цепочке донесут до меня эту весть. И я поспешу тебя встречать. Но дальше, за этим озером, никто из нас не сможет с тобой встретиться и тебе помочь. Там ты уж сам как-нибудь справляйся.

— Разумеется, — сказал Сева, хотя больше всего на свете ему сейчас хотелось вцепиться в Снежного человека и завопить: «Дяденька, возьми меня с собой! Я сейчас от страха помру!»

Но ведь не закричишь! Ты ведь уже сидишь в зубоврачебном кресле!

Сева кивал и старался делать вид, что уже десять раз спускался в подземные бездны. Герой — такая у него профессия.

— Нам известно, — сказал Снежный человек, — что отсюда вниз, до самого Убежища течет ручеек. По нему-то и спустился карлик-гном Юхан. А раз он спустился — тебе, мальчик-с-пальчик, будет достаточно просторно, ты раз в пять меньше его. Но главное, и пускай это будет для тебя сюрпризом, гномы сделали для тебя байдарку. Мы не говорили раньше — не знали, успеют ли они, смогут ли.

— Мы сказали, значит, сделали, — сказал Густав.

— А мы им хорошо заплатили, — сказал Снежный человек. — Все наши запасы яблок и конфет отдали.

— Это для наших детей, — возразил Густав. — А мы делали не для денег. Мы делали это для наших братьев. Мы не злые.

— Ладно, не будем спорить, — сказал Снежный человек. — Показывайте ваше творение.

Байдарочка лежала на боку, за камнем у озера. Длинной она была в две пяди, сзади и спереди затянута какой-то тканью или резиной.

— Это рыбий пузырь, — пояснил Густав.

На дне байдарки лежали палочки — весло и шест.

— Ко дну прикреплен груз, — сказал Густав. — Если перевернешься на порогах, лодка сразу перевернется обратно. Мы ее с крысой испытывали.

— И что с крысой? — поинтересовался Сева.

— Что с крысой? — спросил Густав у гномихи.
— Что с крысой? — строго крикнула гномиха.
— Что с крысой? — спросил худой гном с киркой на плече.

А потом все гномы сняли шапки, шлемы и колпаки. Опустили головы, и Сева понял — крысы нет в живых.

— Пора, — сказал Снежный человек.

— Ну что ж, — откликнулся Сева. — А мою одежду тоже можно здесь спрятать?

— Разумеется.

— Тогда вы отвернитесь.

— Не стесняйся. Мы же с тобой разные виды.

— В каком смысле?

— Тебе ведь не так важно, одета или раздета горилла или белый медведь. Вот и нам неважно, как ты выглядишь.

Сева кивнул, и сказал:

— И всё-таки отвернитесь.

Тогда все отвернулись.

Сева быстро разделся, одежду аккуратно сложил возле мультимпликатора. Он знал, что в мешочке, лежащем в углу чемодана, — его новая одежда и все нужные вещи, включая свечи, меч, нож и блокноты с карандашиками.

— Можно оборачиваться? — спросил Снежный человек.

— Погоди.

Оттого, что Сева спешил, ему было легче —

некогда бояться. Он ступил в чемодан, присел на корточки и увидел ряд махоньких огоньков. Мультипликатор был включен.

— Поехали, — сказал он, как когда-то сказал Юрий Гагарин, который был первым человеком, полетевшим в космос.

И тут у него перехватило в горле, и стены чемодана ринулись вверх.

Сева потерял равновесие и пребольно плюхнулся на задницу посреди чемодана.

Но головокружение тут же прошло. Сева поднялся. Края чемодана были выше его. Даже подпрыгнув, он не смог бы до них достать. Сева достал новую одежду из мешка и оделся. Он не беспокоился, потому что знал — в углу мультипликатора есть лесенка, чтобы выбраться. Всё предусмотрено.

— Эй! — крикнул Сева. — Я готов.

Головища Снежного человека — зрелище не для нервных, особенно когда его подсвечивает фонарь — показалась над краем мультипликатора.

— Всё в норме? — проревела голова.

— Потише, не забывайся! — крикнул в ответ Сева.

Снежный человек расхохотался — видно, карлик показался ему забавным. А когда Сева вылез по лесенке из чемодана и спустил веревочную лестницу, расхохотались гномы. Они стали тянуть к Севе пальцы, каждый как полено.

— Поосторожнее! — закричал Сева, раз и нав-

сегодня решив, что гномы — не самые умные существа на Земле.

— И в самом деле, поосторожнее! — поддерживал его Снежный человек.

Сева осмотрелся.

Гномы, хоть и отступили, стояли близко, кружком, и улыбались.

Сева подошел к байдарке.

И всё же они молодцы! Настоящие мастера!

В лодочке было устроено сиденье... Нет, лодочкой ее назвать было нельзя — нормальная байдарка для мальчика-с-пальчик.

Сева положил в байдарку мешок со своим добром.

Взялся за нос, чтобы потянуть к озеру...

Он понял, что хочет поскорее убраться отсюда — неприятно, когда на тебя глазеют, как на куклу Барби мужского рода.

— До встречи, — сказал он гномам.

— До встречи, чудища и закорюки, — сказал он в темноту.

Никто не понял, что это просто шутка.

И тут случилось пренеприятное событие.

Кто-то подхватил Севу за талию, поднял в воздух и посадил в байдарку.

Затем вместе с байдаркой перенес к озеру и опустил на воду.

Ну конечно же, это наш сообразительный Снежный человек!

Сева готов был его убить.

Но сдержался и слова не сказал.

Вместо этого он схватил со дна весло и остановил лодку, которая крутилась посреди озера, как волчок. Озеро только что было маленьким — почти лужей, а теперь оказалось вполне приличным водоемом.

Фонари Снежного человека и гномов разгоняли темноту.

Медленное течение повлекло байдарку к дальнему краю озера.

Сева был рад, что гномы сделали именно байдарку. Отец у Севы — заядлый турист, и иногда на майские праздники или в летние дни он брал Севу с собой в поход. Так что Сева умел (не совсем хорошо, а так, слегка) управляться с веслом о двух лопастях.

Байдарка вильнула, но смирилась и пошла вперед.

— Давай! Молодец! Чемпион! — голос Снежного человека громом заполнил пещеру.

Сева не стал оборачиваться.

Он установил обтянутый сеткой фонарь на носу байдарки. Правда, порой фонарик мешал смотреть вперед, но Сева скоро к нему привык.

Течение, которое влекло воду по озеру, хоть и было незаметным снаружи, подхватило байдарку и понесло прочь от гномов и Снежного человека, оставшихся на берегу.

Впереди стала видна узкая треугольная щель, в которую и вливалась вода из озера. На каменной стене возле щели был косо нарисован мелом крест.

Сева знал, что такие кресты рисовал вдоль своего пути гном Юхан.

— Мы на правильном пути! — громко сказал он, чтобы не бояться. Голос отразился от стен и потолка, по пещере покатилося эхо, и издали донесся окрик Снежного человека:

— У тебя всё в порядке?

— Всё в порядке!

— Лодка не течет?

— Не течет!

В этот момент течение усилилось, и ручей увлек байдарку в черную щель.

Путешествие началось.

Глава шестая

Схватка во тьме

Пришлось привыкать к тому, что ручей был узким и порой быстрым, несся вниз по порогам, иногда почти замирая и разливаясь озерцом или лужей. То мчался по камням или падал водопадом, а то засыпал над глубокой ямой или омутом.

Причем к берегу далеко не всегда можно было причалить — стены порой почти смыкались и были мокрыми от водяных брызг, а порой исчезали в темноте. Утешением были лишь белые кресты на камнях. К счастью, гном не ленился их рисовать и мела не жалел. Хотя, честно говоря, польза от них была лишь моральная — приятно думать, что до тебя уже кто-то здесь был и остался жив. А выбирать путь не приходилось — ручей тащил байдарку, не спрашивая ни о чем ее пассажира.

Любопытно, а как же путешествовал Юхан? Ведь не вплавь же!

Сева не выпускал весла. Без его помощи лодка неслась как щепка в ручейке у тротуара — крутилась, стучалась носом о берег, замирала, норонила перевернуться...

К тому же, когда рулишь, то занят. А когда занят, то время проходит быстрее.

Ручей довольно круто стремился вниз. О его течении и будущих намерениях можно было догадываться по шуму впереди. Сева быстро догадался, что означают перемены в этом шуме. Если тебя ждет очередное озеро или разлив, то звуки почти исчезают, если слышишь журчание, значит, ручей потечет быстрее, и вскоре жди перекаатов, может, даже водопада, о котором тоже можно узнать заранее — у воды, которая падает с высоты и ударяется о дно, звук особый, ревущий.

Сева долго плыл без приключений, и вдруг ручей ударился в завал.

Такого Сева не ожидал — с чего бы под землей оказаться завалам?! Ладно бы еще обвалились камни, а тут из ручья торчали какие-то белые сучья, словно когда-то здесь росло дерево, потом свалилось, и вода содрала с него кору.

Когда байдарка уперлась в сучья, Сева принялся искать проход и тут же понял, что это не дерево, которому попасть под землю невозможно, а кости. Кости гигантского животного, которое ка-

ким-то образом забралось в щель и застряло здесь навсегда.

Потом, перетаскивая через кости лодку, Сева решил, что видит перед собой кости дракона или динозавра — кто их разберет!

Вот и морда!

В десять раз больше Севы!

Настоящий был гигант!

Подумав так, Сева осекся и даже засмеялся. Ведь он-то теперь малыш! Сейчас любая ящерица рядом с ним великанша! И голова у дракона, если вдуматься, не так уж велика, меньше метра... Но всё равно солидный зверь! Может, он прятался здесь от перемены климата...

Впереди всё стихло. Лишь чуть-чуть урчала вода, омывая камни и передвигая песчинки. Байдарка вышла на широкую гладь большого озера. Ручей вливался в него медленно и чинно, как настоящая река.

Стало заметно светлее. Сева посмотрел вверх и чуть не завопил от удивления и восторга. Высокий потолок пещеры был, как звездочками, усыпан крошечными светлячками. Некоторые из них бросались с потолка вниз, к воде, но, не долетая до нее нескольких сантиметров, вдруг замирали в воздухе и по крутой дуге уносились обратно вверх, словно нарочно чтобы порадовать этим зрелищем Севу.

Сева даже переставил фонарь на дно байдарки, под кожаный полог, чтобы не мешал любоваться этим зрелищем.

И как бы в благодарность за это сразу два светлячка направилось к Севе и уселись на борт байдарки.

Сева наклонился к ним и присмотрелся.

Он думал увидеть каких-нибудь жучков или, там, кузнечиков (где-то он читал, что светлячки похожи на сверчков), но это оказались маленькие феи — девчурки с ноготок с прозрачными мотыльковыми крылышками. Светились их крошечные тельца, а крылья лишь отражали и усиливали свет. Феи танцевали, прыгали по борту байдарки, словно понимали, что Севе нравится на них смотреть, и давали ему собой полюбоваться.

Заглядевшись на светлячков, Сева не заметил, как из воды показалась морда белого полупрозрачного хамелеона. Оказавшись рядом с феей-светляком, хамелеон высунул длинный, закрученный в пружину язык, язык развернулся, как пружина, и ударил по фее. Оглушенная жертва приклеилась к языку и в мгновение ока исчезла во рту ящерицы.

Раз-два...

И нет маленьких фей!

Огоньки на потолке пещеры мигнули и погасли.

А ручеек снова подхватил байдарку и потащил ее дальше, к черным глубинам Земли.

Севе было жалко фей, хоть он и понимал, что подобную сцену он мог увидеть и на поверхно-

сти. Пускай не с феями и хамелеоном, а с бабочкой и пауком...

Но всё равно грустно...

Сева убаюкало безопасное и ровное путешествие, и он забыл о том, в каком жестоком и темном мире находится. А ведь Снежная Королева предупреждала его — будь настороже! Рядом нет никого, кто бы тебя защитил...

Озеро осталось позади.

Сева снова поставил фонарь на нос байдарки.

Спереди донесся шум, куда более громкий, чем раньше.

Значит, там пороги, а то и водопад...

«Чудесненько, а то застоялись мы», — сказал себе Сева.

— Мы готовы к боям! — сказал он вслух.

Что делать?

Надо думать...

Шум становился всё громче. Даже странно, что такой шум издает довольно небольшой ручей!

Сева подумал, что надо бы остановиться, выбраться на берег...

Но как назло стены расщелины сошлись совсем близко, и пристать было некуда.

Ага, вот уступ!

Сева принялся отчаянно грести, и байдарка уткнулась носом в каменную ступень.

Сева схватил конец привязанного к носу бай-

дарки каната и, собравшись (слава Богу, понимал, что лагерные игры кончились — от этого прыжка зависит его жизнь!), выпрыгнул на берег. Течение сразу же потащило лодочку дальше, но Сева держал ее крепко.

К счастью, байдарка была легкая, и Севе без особого труда удалось вытянуть ее на камни.

Всё! Теперь можно отправляться в разведку.

Фонарь Сева решил оставить в байдарке, а с собой взял второй, маленький фонарик. Удобно прикрепив его ремешком ко лбу, чтобы освободить руки, Сева осторожно двинулся вперед.

Уступ, по которому он шел, был неширок, не больше двух локтей (Севиных), и кое-где завален камнями, то ли упавшими сверху, то ли принесенными ручьем.

Шум спереди доносился всё громче и громче.

Еще несколько шагов, и вот обрыв!

Сева отодвинул в сторону какие-то липкие веревки и склонился над обрывом, приглядываясь.

Вода падала вниз, шумела, но какой высоты водопад, Сева понять не успел, потому что веревка, за которую он держался, неожиданно дернулась и потащила за собой его руку.

Сева отпустил веревку, но не тут-то было.

Ладонь намертво приклеилась к веревке!

Пытаясь освободиться, Сева схватился за веревку другой рукой, но и левая рука тут же приклеилась.

Что за веревки?! Откуда?!

Сева направил луч фонарика вверх, и луч уперся в два огромных круга.

Сева не сразу сообразил, что за блестящие круги прикреплены к стене...

Он дернул головой.

Луч фонарика тоже дернулся и осветил густую шерсть вокруг кругов...

Это же глаза!

Острые когти — покрытые белесой шерстью, каждый чуть ли не с Севу, — шевельнулись и потянулись к добыче...

«Да я же попал в паутину! Как в страшном ночном кошмаре!.. Но ведь такого не бывает! Так быть не может, мне это снится!»

В голове крутились бесполезные слова, Сева сам себя старался успокоить, но этим только помогал пауку — добыча ждет вас, Ваше благородие! Но руки продолжали отбиваться, правда, всё более прилипая к паутине. Паук не спешил. Видно, он привык нападать наверняка и понимал своим паршивым умишком, а то и просто инстинктом чуял, что Севе некуда деться...

«Нож! Он на поясе...»

Если бы у паука были брови, он бы их поднял — так отчаянно и визгливо закричала его жертва.

«Теперь надо так: тянуть левую руку к правой. Правую к левой. Как можно ближе... И не смотреть на паука! Пускай подбирается... Если я буду смотреть, то умру от страха...»

Еще немного...

«Паутина поддается... Она эластичная. Разорвать ее нельзя, но растянуть можно...»

Все эти мысли и рассуждения можно вспомнить потом, когда всё кончится, и ты лежишь без сна, снова и снова прокручивая в голове страшное приключение, но оно уже не кажется тебе таким страшным по простой причине — оно благополучно завершилось. Во время боя ты, конечно же, думаешь и размышляешь, но сам этого не замечаешь. Ты как опытный шофер — тебе грозит авария, и ты правильно нажимаешь на педали и переключаешь передачи. Но при этом не думаешь, как надо это сделать. Потому что если начнешь думать, то обязательно опоздаешь спастись...

Паутина оттянулась, поддалась, и пальцы рук встретились.

Еще...

Еще чуть-чуть...

Сева потянул на себя правую руку, а левой принялся отдиравать паутину от пальцев правой руки...

Мухи попадают в паутину и гибнут, потому что стараются побороть всю паутину сразу. А паутина, если можно так выразиться, — она как целая рота бойцов, ее в одиночку герою не одолеть. Оторвешь одну нитку — остальные схватят тебя еще крепче. Поэтому пауки и не спешат, они ждут,

пока жертва сама себя закутает в кокон и движения ее ослабнут...

Отчаянно дергая за нитки, Сева боролся с паутиной.

Наконец правая рука была свободна!

В фантастических фильмах герои выхватывают бластеры и принимаются палить в чудовище, пока оно, чудовище, обутленное, не падает к их ногам...

Здесь с бластером ничего не получится. Потому что у Севы его не было. В сказочном мире бластеров, а также минометов и гранат не изобрели. А меч остался в байдарке!

Зато свободной рукой можно вытащить из-за пояса кинжал.

Сева вытащил кинжал, осторожно поднес его к паутине и, стараясь не делать лишних движений, чтобы не привлечь внимания паука, принялся освобождать левую руку.

Это-то и было его ошибкой!

Потому что паук решил, что жертва сдалась и пора высасывать ее кровь.

Паук метнулся вперед.

Сева изо всех сил полоснул кинжалом по паутине.

К счастью, попал по нити, а не по собственной руке.

Натянутая паутина, внезапно отрезанная от добычи, спружинила и ударила по самому пауку, чего тот, конечно, никак не ожидал. Не было у него опыта по борьбе с собственной паутиной!

И вместо того чтобы преследовать Севу, паук стал биться в собственной паутине, с каждой секундой закутываясь в нее всё сильнее.

Но Севе от этой паучьей неудачи легче не стало.

Потому что паук бился как раз между Севой и той стороной уступа, по которой Севе надо было добраться до водопада.

Если бы дело происходило днем, Сева смог бы высмотреть проход в паутине, но света фонарика не хватало на то, чтобы разобраться, есть ли проход в блестящих нитях или нет.

Сева стоял в нерешительности.

Так прошла, может быть, минута — вряд ли намного больше. Сева переминался с ноги на ногу и слабел с каждой секундой.

Так всегда бывает после пережитого страха — колени слабеют, и появляется одышка, как у старичка.

И тут кто-то осторожно и даже вежливо тронул его за плечо, будто попросил: подвиньтесь, пожалуйста, дайте пройти.

— Пожалуйста, — ответил Сева и шагнул к самому краю уступа. И понял, что уступает дорогу второму пауку, покрупнее первого, который направляется на помощь своему мужу или брату. И Севу он не жрет только по недоразумению. Пауки настолько привыкли получать свой обед готовеньким, вынимать его из паутины, что свободно гуляющие человечки их интересуют куда меньше...

Но Сева об этом не думал.

Его тело действовало независимо от его мозга.
Мозг сказал: «Ах!»

Мозг сказал: «Прощай, любимый!»

Но ноги оттолкнулись от края уступа, и тело понеслось по дуге к воде, которая сначала обожгла Севу невероятным пещерным холодом, а затем подхватила и потащила вперед, кружа, переворачивая и стараясь перед смертью свести с ума.

Сева не считал секунд и часов, пока его несло вниз по течению, но понимал — еще минута, и намокшая одежда утянет его на дно.

Он отчаянно колотил руками и ногами — нормально в таких условиях человек плыть не в состоянии.

Сева бился в нескольких метрах, а может и сантиметрах от берега, который поднимался крутым обрывом, но доплыть до него не успел, потому что тут его бросило о камни.

Сперва Сева ничего не понимал и ничего не соображал, даже ничего не видел. Ему даже не совсем ясно было, шумит ли это ручей или это шумит у него в голове.

Но постепенно чувства и мысли начали к нему возвращаться.

Для начала он опустил голову (или она сама опустилась) и увидел под собой камни, барьером преграждающие ручью путь.

Потом он сообразил, что фонарик чудесным образом уцелел и продолжает светить!

Затем он покрутил головой (на этот раз точно сам!) и сообразил, что гряда камней, остановившая его, немного выдается над водой, и ручей перед ней разливается в пруд.

Сева осторожно направил луч фонарика вниз, за каменную преграду.

Зрелище было неутешительным. Ручей, пробившись через запруду, превращался в десяток быстрых потоков. Где водопадами, где стремительной струей, где каскадом по каменным ступеням, эти потоки исчезали в темноте. Лишь на последнем издыхании свет фонарика достиг белой пены и черной воды — озеро лежало далеко внизу!

Сева подобрал ноги, которые ужасно замерзли в ледяной воде.

Снаружи было чуть теплее, но всё же тоже холодно.

Сева понял, что надо возвращаться.

Но как?! Байдарка осталась выше по течению, уступом не пройдешь, против течения не wygrебeшь, а если даже и wygrебeшь, то околеешь от холода.

Сева грустно посмотрел наверх.

Там грузно возилось черное тело — второй паук решил не помогать брату, а им поужинать.

Глава седьмая

В гостях у саламандр

Время шло, а Сева всё сидел на камнях над обрывом.

Он ничего не мог придумать.

Он только понимал, в какую глупую историю вляпался.

Когда он согласился идти в подземелье и искать Убежище, он думал, что это будет интересное приключение. Может, немного опасное... Но, честно говоря, какие именно могут подстергать его опасности, Сева не догадывался. Словно в тумане, в мозгу прыгали какие-то рыцари с мечами и рычали трусливые драконы.

А еще Сева надеялся, что Снежная Королева, бабушка или Кристина — короче, те, кто затащил его в это приключение, лучше представляют себе, что ему грозит.

Откуда Севе было знать, что сказочные существа не умеют толком смотреть в будущее и рассчитывать свои шаги, что они куда больше похожи на детей, чем обыкновенный подросток Сева. Ведь не мог же Сева знать, что когда Приключение начнется на самом деле, он станет самым взрослым и разумным его участником!

И каково ему было бы узнать, что в те минуты, когда он дрожит — зуб на зуб не попадает! — на черных камнях над темной пропастью, гадая, как ему выбраться из этой дыры, Снежная Королева всей душой отдалась разработке военной кампании против своих наследственных врагов — лесных грибов! И весь дворец занят приготовлениями к походу.

И лишь Снежный человек, который всё-таки не сказочное, а просто вымершее существо, ну и принцесса Кристина, у которой отец был полярником, помнят о Севе. Впрочем, помнить-то они помнят, и даже переживают — каково ему там? — но на помощь не спешат, так как верят — всё обойдется!

Весь сказочный мир живет по закону ВСЁ ОБОЙДЕТСЯ!

И из-за этого гибнет много народу. А могли бы и не гибнуть, если бы жители этого мира были хоть немного пессимистами. Разумными пессимистами.

«И что же мы теперь будем делать?» — спросил сам себя Сева.

Будем замерзать как несчастный сиротка?

Фига с два!

Нужно всё делать последовательно!

Сначала выжмем одежду...

Сева начал стаскивать с себя одежду — куртку, джинсы, майку, трусы, заботливо сшитые полярными феями.

Он аккуратно разложил вещи рядом на камнях и принялся их по очереди выжимать. Последними он выжал джинсы. Выжав вещь, он натягивал ее на себя, и каждый раз ему казалось, что становится чуть теплее. Хотя холодно было по-прежнему ужасно!

Покончив с выжиманием, Сева решил заняться зарядкой. Скажем, станцевать. Он подпрыгивал, стараясь не поскользнуться и не сорваться с камней, и уже почти было согрелся, как вдруг увидел знакомый коготь...

— Ну, только тебя не хватало! Бездельник! Как ты сюда забрался?!

Эти слова осмелевшего Севы относились ко второму пауку, который, славно закусив своим братцем, видимо, отправился на поиски десерта.

Паук отвел коготь назад, чтобы с размаху вонзить его в Севу, и Сева, конечно же, отпрыгнул назад.

На мгновение он забыл, что за спиной у него обрыв.

Ровно на то мгновение, чтобы увидеть изумление в круглых тарелках паучьих глаз — ну куда снова делся этот вкусный двуногий завтрак?

А в следующее мгновение Сева пребольно стукнулся спиной о камень, затем его перевернуло, ударило о каменную стенку и окунуло в ледяную воду... А что было дальше, Сева, к счастью, не помнил.

Последняя мысль Севы была такая: «И зачем я только одежду выжимал?!»

Раньше Севе никогда не приходилось терять сознания — везло.

И поэтому он не знал, что терять сознание — всё равно что заснуть. Ты никогда не замечаешь того мгновения, когда заснул, зато всегда чувствуешь, когда проснулся. И понятно: когда ты проснулся — дальше ты уже живой и мыслишь, а когда заснул — ты отключился, и тебя нет на этом свете. Это как короткая смерть...

Севе было больно.

В ушах переливалась изящная музыка, хотя, может быть, это просто у Севы звенело в голове...

Потом Сева понял, что вокруг темно.

Потом Сева услышал, что близко струится вода.

Потом Сева почувствовал, что избит и искалечен, что у него не осталось ни одной не сломанной кости.

Потом Сева сообразил, что надо двигаться, потому что вот-вот паучище доберется до него.

Сева стал подниматься.

Не потому что был герой, а просто было так холодно и мокро, так страшно было ждать, когда до него доберется паук... Сева попытался подняться и вскрикнул от боли.

«Сейчас я упаду и умру!»

Даже голова закружилась...

«Светло... почему светло?»

Светло было потому, что Сева стоял, уткнувшись носом в каменную стену, а фонарик, который так и не разбился после всех приключений и купаний, всё ещё светил.

Но как же всё болело!

Если что-то и осталось у Севы непереломанным, то уж разбито было наверняка. Сева решил немного посидеть, подумать — он сделал шаг к большому круглому камню, но нога не послушалась, подкосилась, и он плюхнулся на плоскую каменную плиту. Зажмурился от боли и довольно долго — правда, неизвестно сколько — сидел с зажмуренными глазами и ждал, пока боль немного утихнет.

Потом снова открыл глаза.

Шумела вода.

Откуда-то доносилась музыка, хотя никакой уверенности, взаправду ли он слышит музыку или это у него просто звенит в ушах, у Севы по-прежнему не было.

Зато боль и в самом деле чуть утихла, но навалилась дьявольская усталость.

По сравнению с этой усталостью даже холод был не так страшен. Вот сейчас заставить бы себя снова выжать одежду... нет, и не мечтай!

Будет так больно, что не выдержишь.

А что делать?

Сева сидел на каменной плите, которая полого уходила в воду озера.

Озеро было невелико — так, озерцо, — в него множеством струй и водопадиков спускался, срывался, падал, неся ледяной ручей, разбившийся на несколько потоков.

Сева поднял глаза: высота этого порога была как высота пятиэтажного дома.

Даже в хорошем состоянии не забраться!

Видно, Севе никогда больше не увидеть байдарки, в которой осталось всё — еда, теплая сухая одежда, меч и большой фонарь. Всё!

И виноват он сам — как можно было доверяться сказочным куклам!

Севе хотелось плакать, но он не заплакал, потому что люди чаще всего плачут, когда кто-то может их слезы увидеть. А если не перед кем плакать, некого просить о сочувствии, тогда глупо и начинать.

Сева сжался в комочек, подтянул колени к груди, постарался залезть в углубление у подножья стены...

Теплее не стало.

Зато навалилась тупость. Знаете, как бывает — тебя вызвали к доске или ты открыл безнадеж-

ный билет на экзамене, ты стоишь перед столом экзаменаторов и знаешь — они ждут, что ты скажешь что-нибудь умное, а ты ничего не можешь сказать, у тебя в голове абсолютная пустота. Как в космосе.

Ты начинаешь думать о разных других вещах, не относящихся к экзамену.

...И тут Сева проснулся.

Оказывается, человек может заснуть на невероятной глубине, в тесноте и холоде, в промокшей рубашке и джинсах, в полной безнадее.

А проснулся Сева оттого, что был он не один.

Ему бы самый раз умереть от страха!

Оказывается, бывают штуки пострашнее гигантских пауков.

А бежать некуда!

На бережку спиной к воде сидели в ряд шесть белых саламандр.

Как головастики, но с кружевными жабо вокруг шей, розовыми бессмысленными слепыми глазами, ростом вдвое больше Севы.

Никаких попыток подойти к нему поближе саламандры не делали. Сидели, смотрели на него. Вроде бы особо не удивлялись...

Каким-то образом саламандры почувствовали, что Сева смотрит на них, и вытащили разного рода предметы. У одной была трубочка, у второй — набор полочек, у третьей — нечто вроде треугольника на веревке.

И Сева понял, что не боится этих саламандр.

Они не желают ему зла.

Но чего они желают?

И они ему объяснили.

Старшая из саламандр заговорила, но не словами, а как-то по-другому, и смысл ее речи без слов — она словно звучала у Севы прямо в голове — был такой:

— Спасибо, пришелец, что пришел к нам. Жизнь наша однообразна и тосклива. Если бы не наша страсть к музыке, мы бы вымерли как лемуры. Дозволь нам сыграть для тебя нашу новую композицию. Называется «Звонкий удар сталактита».

— Валяйте, — сказал Сева, которого снова начала колотить дрожь.

Музыка была приятная, нормальная музыка, только без слов. Он слушал минут пять, но потом больше слушать не смог — из-за холода. А ведь не вскочишь же и не согреешься, обидятся, чего доброго...

Тебе играют музыку, стараются подземные саламандры, им так скучно... Но и терпеть больше не оставалось сил!

Севу трясло от холода, он сжимал коленки пальцами...

И тут внутри него раздался вопрос старшей саламандры:

— Тебе плохо, наш уважаемый слушатель? Тебе неприятна наша музыкальная композиция?

— Клянусь, композиция ни при чем! — взмолился Сева. — Но я умираю от холода! Одежда моя в байдарке, байдарка из-за этих чертовых пауков осталась вон там, наверху, далеко... я не могу слушать музыку!

Видно, из Севиных слов саламандры услышали даже больше, чем он хотел сказать.

— Шлеп-шлеп-шлеп, — раздался плеск.

И саламандры исчезли, оскорбленные Севой. И оставили его в безнадежности, в одиночестве, но теперь хоть можно было попрыгать и поприседать...

— В конце концов, — сказал он себе, — пойду дальше вниз по течению, пока не помру или не найду это чертово Убежище. Не все же в мире хотят меня сожрать?! Этих саламандр я сам обидел. Они не виноваты...

И тут он снова услышал музыку.

Оркестр саламандр грохотал и веселился так, будто теперь их было не шесть, и даже не десяток, а две сотни.

Сева поднял фонарик и увидел, как по крутому склону, вся в брызгах и пене, к нему несется байдарка, поднятая на лапах множества саламандр.

— Вжжжик! — как гоночный болид Шумахера байдарка затормозила у самого берега, и голос саламандры произнес:

— Переодевайтесь, пожалуйста.

— Спасибо вам, огромное спасибо!

— Переодевайтесь, мы подождем, у нас так редко бывают гости! Переоденьтесь в сухое, приготовьте себе пищу, и если вы разожжете костер, мы возражать не будем, зато будем исполнять для вас нашу скромную музыку. Потом вы можете поспать, сколько вам угодно, а когда проснетесь, мы намерены дать вам настоящий концерт!

И Севе ничего не оставалось, как подчиниться. Что он и сделал, не сдержав веселой улыбки.

Глава восьмая

Путешествие по реке

Музыка саламандр еще долго преследовала Севу. И неудивительно — всем оркестром саламандры плыли за ним следом: время от времени из воды по пояс высовывался то один, то другой музыкант и беззвучно вопрошал:

— Хороша ли наша музыка?

— Хороша! — искренне откликался Сева, потому что в эти минуты трудно было найти более благодарного слушателя. Саламандры притащили байдарку, позволили ему переодеться, охраняли его сон и ничего не потребовали взамен — только послушай наш оркестр...

А оркестр и впрямь оказался недурным — такой и на Земле не часто встретишь! Сева немного возгордился, потому что его провозгласили

профессором подземной музыки и пригласили жить в саламандровой впадине, сколько он пожелает, даже сказали, что если он уже взрослый, то ему подыщут самую красивую саламандрочку в невесты. Сева скромно отказался. Он объяснил своим новым друзьям, что предпочитает жить на солнечном свете, а слепой красавице там не понравится.

Но звание профессора, совершенно незаслуженное, принял.

Часа через два, достигнув границы саламандрового царства, Севе пришлось распрощаться со своими спасителями. Ручей в этом месте пробивался сквозь каменные завалы, и Сева битый час волоком перетаскивал байдарку на чистую воду.

Второй день путешествия близился к концу.

Сева прикинул, что раз он всё время вместе с ручьем опускался вниз, то наверняка уже достиг больших глубин.

На берегу следующего озерца он отыскал песчаный пляж и, вытащив байдарку, отдохнул.

Сева лежал на спине и размышлял о смысле жизни. Настроение у него, что ни говори, заметно улучшилось. Подумать только — преодолеть такие страшные препятствия, испытать такое ужасное приключение, и выбраться из него профессором музыки!

Вот бы Лолите рассказать — обхохоталась бы! Да и не поверила бы, наверно: «Ты? Профессором? У саламандр? Так не бывает!»

А вот и бывает! Раньше люди думали, что Земля плоская, и отлично обходились. А завтра саламандры будут выступать в Большом зале консерватории. Представьте только: «Симфония посвящается нашему другу, известному путешественнику и авантюристу Всеволоду Савину!»

Так что держись, Лолита! Место в первом ряду тебе обеспечено. Почти ко всему привыкаешь! Но не сразу... Пустота и чернота уже не так пугали как в первый день, но совсем не обращать на них внимания не получалось. Как сказал Амундсен: «К холоду привыкнуть нельзя. Но можно научиться его терпеть».

Когда лежишь, а сон не идет, когда холодно и приходится ночевать в байдарке, всё время ожидая, что сейчас по тебе пробежит какая-нибудь мокрица, ты слышишь звуки, которые человеку в обычной жизни не услышать.

Над головой по потолку сновали паучки — бесшумные и ловкие. Но Сева слышал их шаги. Среди ночи его разбудил писк летучей мыши — как она забралась в эту тесную глубокую глушь, ума не приложить...

Подземелье не было совсем уж пустым. Спелеологи, то есть исследователи пещер, говорят, что через двадцать или сорок дней теряешь чувство времени и даже немножко сходишь с ума. Но Сева не рассчитывал задерживаться в недрах Земли так надолго.

Пора вставать...

Пора выбираться из-под теплого одеяла, связанного заботливыми лапками летучих фей и дюймовочек.

Сева чувствовал себя совсем как утром, в декабре, когда надо подниматься в школу. За окнами совсем темно, только слышно, как шваркает лопатой дворник по снегу, и как хрустит снег под сапогами ранних прохожих. Шаги эти частые, будто прохожие стараются отогнать прилипчивый сон и убежать от мороза, который на лету хватается их за щеки и нос.

Сева зажег фонарик на лбу и большой фонарь на носу байдарки. Стало светлее и теплее.

Можно умыться, позавтракать, и начнется третий день путешествия.

Как там дома? Мама не беспокоится? Была бы возможность, Сева написал бы письмо Лолите. Или Кристине...

Пока Сева умывался, к рукам его подплыли белые плоские рыбины. Наверное, в действительности они были маленькие, совсем мальки, но тут Сева от них отшатнулся и не стал мыться, пока они не убрались восвояси. Уж больно они были уродливые, почти совсем белые, полупрозрачные, и можно было разглядеть, как внутри них дергаются вены и кишки. И глаза у них тоже были белые и даже затянуты белесой пленкой.

Короче, аппетит они Севе испортили.

Сколько еще осталось?

Путешествовать в темноте уже порядком надоело.

Все героические поступки Сева уже совершил.

Рассуждая так, Сева столкнул байдарку в воду, и ручей понес его дальше. Скучать не приходилось. Потому что ручей не был спокойным потоком, в котором можно было расслабиться. Минут десять он еле полз по широкой пещере, потом втискивался в узкую щель и тугим жгутом белой пены неся в тартарары, грозя превратиться в водопад и разбить байдарку вместе с ее пассажиром. Затем ручей попадал в очередной завал, и приходилось тащить байдарку по камням.

В тот день очередная щель оказалась настолько узкой, что байдарка четыре раза застревала между камней. А коль байдарка была шириной лишь в два-три сантиметра, то можете себе представить, насколько тесно там сходились стены.

К счастью, лодочка была сделана из кожи каких-то мелких существ и натянута на ребра летучей мыши, так что Севе всякий раз удавалось протолкнуть ее дальше, на широкое место. В других обстоятельствах он испугался бы лезть вперед, чтобы не застрять вконец, но теперь сама мысль о том, что придется карабкаться обратно, так и не достигнув цели, была столь ужасна, что Сева об отступлении и не думал и в отчаянии пёр, куда ручей тек.

Врагов и всяких прочих гадов ему, слава Богу, не встречалось.

И так, медленно, борясь с природой, опускался он до полудня, когда вдруг услышал удар.

Будто трещина, по которой струился ручей, пролежала не в сплошной горной породе, а между тонких стенок, а за этими стенками были темные залы или коридоры. И теперь там, за стенкой, что-то уронили. Потом снова и еще раз...

Раздался скрежет.

Сева замер.

Кто там может быть?! Причем большой, твердый и сильный. Он словно проламывал горную породу.

Некоторое время Сева сидел неподвижно.

Он остановил байдарку и слушал.

Время от времени звук раздавался снова. Прогрохочет и... тишина.

Севе захотелось постучать в стену — может, отзовутся?

Но удержался.

Если там враги — а кто еще может здесь оказаться?! — то они узнают, что он, Сева, здесь, и прорвутся сквозь стенку.

Наконец шум прекратился.

Что делать?

Стоять нет смысла. Надо плыть дальше.

Сева плыл, прислушиваясь, настороже.

Настолько настороже, что даже не заметил того момента, когда ручей стал каналом. Байдарка вплыла в город.

Глава девятая Погибший город

Город не был похож на город в обычном смысле этого слова. Тем более что Сева понятия не имел, кто жил в этом городе, кто его построил и почему покинул.

Короче, ему не было известно то, что с детства понятно любой дурочке-снегурочке или фее.

К примеру, он не знал, что кроме обычных серых и полосатых троллей, а также троллей хищных, или гиеновых, в глубинах Хибинских гор обитают последние племена злобных огневых троллей. Они, как известно, уступают размерами троллям гиеновым, но схожи с ними повадками и стервозностью. Обычные тролли ютятся в пещерах, норах и покинутых замках, а тролли огневые — коренные жители внутренней Земли. Мало кто их видел. К тому же они злейшие враги гномов, и у тех существует

табу, то есть запрет произносить имя огневого тролля вслух. Они свято верят, что один бестолковый гномик рассказал об огневом тролле журналисту из «Мира новостей», и за это тролль ночью пришел и сожрал гномика вместе с его родителями. Это история такая страшная, что ее тоже нельзя рассказывать, потому что не исключено, что если какой-нибудь огневой тролль узнает, что я об этом вам рассказал, то не жить ни мне, ни моей семье, да и вам не поздоровится...

Вот что говорится об огневых троллях в Красной книге Карело-финской Академии наук, а именно в главе, посвященной забытым и редким зверям Скандинавии, Карельского перешейка и Кольского полуострова:

«Огневые тролли — существа крайне вздорные, опасные и кровожадные. Хищники и подземные охотники. Путешественники и исследователи, которые осмеливались их изучать в местах обитания, становились, как правило, жертвами их жестоких когтей.

Огневые тролли селятся колониями глубоко под землей и пути к своим поселкам тщательно маскируют».

Вот в такой поселок или город и попал Сева, даже не подозревая, где оказался...

Он плыл ручьем по узкой расщелине, когда стены вдруг разошлись, потолок ушел вверх и пропал из глаз, а ручей стал каналом, прямые берега которого были выложены каменными плитами.

По обе стороны от канала тянулись мостовые.

В глубине можно было разглядеть жилища троллей. Называйте их как хотите: жилищами, строениями, но только не домами. Ибо жилища эти были выдолблены в каменной стене, из которой выступали только наполовину. Потолков у них не было, да и зачем потолки в пещере, где не бывает дождей? Вместо дверей висели кожаные тряпки.

Ручей вынес байдарку в небольшой круглый бассейн в центре города.

Сева вылез.

В городе было темно, но не совсем — потолок пещеры слегка светился, словно вымазанный фосфором. Слышно было, как журчит вода. А больше не доносилось ни звука.

В городе не было ни души. По какой-то причине жители покинули его.

Сева не решился отходить далеко от байдарки, но заглянуть в ближайшие постройки всё же рискнул — уж больно любопытно было. Они были пусты, но, судя по всему, оставлены обитателями совсем недавно. На плите одного дома стояла кастрюля, а на кровати валялась шкура какого-то зверя, вернее всего мышки или крысенка, на стене другого Сева увидел картину. На ней могучие тролли истребляли мелких гномов.

Гномы разбегались кто куда.

Или валялись убитые.

Тут Сева впервые увидел, как выглядели обита-

тели подземного городка. И выглядели они пренеприятно — лохматые, зубастые, похожие на обезьян, хотя таких злобных обезьян не бывает.

Во втором или третьем доме Сева увидел мертвого тролля.

Троль лежал, свернувшись клубком на каменной кровати, подтянув коленки к животу и закрыв морду лапами. Видно, он умер в мучениях.

Севе стало неприятно и страшно, и он решил поскорее отсюда убираться.

Сева выбежал наружу. Там он увидел еще одного погибшего тролля. Тот лежал прямо на мостовой.

Кто же напал на город?!

И тут Сева снова слышал удары и грохот. Куда ближе, чем раньше.

Здравый смысл подсказывал: пора уносить ноги, и как можно быстрее, но до чего же, однако, любопытно...

Сева подумал-подумал и решил подождать — посмотреть, что будет дальше.

Особо ждать не пришлось: разгадка обнаружилась через несколько шагов.

Завернув за угол, Сева увидел гигантскую стальную трубу. Она выходила из потолка пещеры, проходила сквозь нее и скрывалась в полу.

Вокруг лежало кольцо размельченной породы, которую, видно, выкинули, трубу прокладывая.

Пока Сева стоял как вкопанный и глядел, труба дрогнула и принялась возвращаться.

Поворачиваясь, она ввинчивалась в породу.

Похоже на бур...

Какого же она размера?!

Сева подошел к трубе, обхватил ее руками, потом перешел левее и снова расставил руки. Так ему пришлось сделать сто двадцать раз, прежде чем он вернулся к отметке, которую сделал, начав мерить трубу. То есть труба по окружности была метров в пять. Немало...

Но откуда и куда она идет?

Сева обошел трубу вокруг, сел на землю и задумался.

Загадка первая — почему город пустой, как корабль «Мария Селеста»?

Сева читал про «Марию Селесту», а вы, если не читали, то слушайте:

Сто пятьдесят лет назад с торгового судна в Атлантическом океане увидели корабль под всеми парусами, который странно себя вел — вилял, словно у него не было руля.

Стали давать сигналы — никакого ответа. На корме парусника было написано его имя «Мария Селеста». Спустили шлюпку, поднялись на борт «Марии Селесты» и обнаружили, что на борту нет ни одного человека. А погода была хорошая, судно в полном порядке, даже в камбузе на плите стояла еще теплая кастрюлька.

Что могло заставить моряков покинуть судно?

Ни одного из них так и не нашли, а тайна так и

осталась неразгаданной до сегодняшнего дня.

Так вот, первым делом Сева вспомнил о «Марии Селесте». Но легче от этого не стало. Потому что зачем тут труба? Ни тролли, ни гномы, да и вообще никакие сказочные существа такую трубу сделать не могли. Может быть, это тайная шахта? Или кто-то ищет нефть?

Но Сева тысячу раз видел по телевизору и в кино, какой из себя бур для нефти — он довольно тонкий. А этот — громадная трубища. Почти как туннель метро. Может, это секретная база? Военные что-то делают? Но, наверное, Снежная Королева знала бы об этом. Ясное дело — тут что-то другое!

Сева медленно шел по городку, направляясь к ручью, к байдарке, когда услышал истошный крик:

— Молодой человек, обратите на меня внимание!

Этому голосу Сева удивился больше, чем любому привидению.

Он подпрыгнул и начал крутить головой.

— Нет никаких оснований меня опасаться, — продолжал тонкий, словно, детский голосок. — Я сам исстрадался побольше вашего.

И тут Сева понял, что голос доносится из большой позолоченной клетки, которая висит на кронштейне, на железной палке, торчащей над дверью в один из троллевых домов.

А в клетке сидит человек.

Человек? А, может, человечек?

Нет, даже не человек, а небольшой гном, или гномик.

Как известно, гномы бывают очень похожи на людей и считают, что, как и люди, они произошли от обезьяны, но человеческий предок был обезьяной шумной, большой и глупой — только и умел, что палкой махать. А предком гномов была разумная обезьянка, которая выкапывала из земли вкусные и полезные корешки, а затем научилась искать изумрудики и алмазики.

— Что вы делаете в клетке? — спросил Сева.

— Я сижу здесь.

— Почему?

— Потому что меня посадили. И если тебе не видно, протри глаза, невежа.

Гном был грязный, нечесаный, красный колпак порван, на носу царапина.

Для гнома он был очень мал, а для Севы — велик.

Ростом он был поменьше фута, то есть раза в четыре побольше Севы.

— Что здесь случилось? — спросил Сева.

— Здесь произошла катастрофа, — ответил гном. — Я тебе всё расскажу, как только ты меня выпустишь из заточения. Золотая клетка — всё равно клетка!

— Как же вас спасти? — спросил Сева.

— Найди лестницу, сколько раз можно одно и то же повторять!

— Я не видел здесь никакой лестницы.

— Тогда найди ключи от клетки и кинь мне.

— А где они?

Гном наклонил голову и посмотрел на Севу, как жираф на таракана.

— И такого дурака Снежная Королева послала мне на выручку! — воскликнул он.

— Почему вы так думаете?

— А мне и думать не надо. Я все знаю сам. Кстати, запомни, меня зовут Юхан, Юхан Великий Первопроходец. Я самый известный гном на свете. И если Колумб открыл всего-навсего Америку, которую давно следует закрыть за ненужностью, то мне удалось доказать, что Земля внутри пустая и очень уютная. Если у тебя есть сомнения в моем величии, говори сразу. И я вызову тебя на дуэль.

— Это будет нечестно, — улыбнулся Сева, но гномик его улыбки не увидел, а то бы смертельно обиделся. — Потому что ты можешь на меня наступить и раздавить как муравья.

— Вот именно! С удовольствием раздавлю! А теперь открывай клетку и выпускай меня наружу!

— Я еще не знаю, как это сделать, — сказал Сева. — Может, вы подскажете?

— Как, как!!! Ты и думай, раз тебя послали меня спасать.

Сева не стал спорить с Юханом, но спросил:

— А что здесь случилось? Почему тут мертвые... существа?

— Тролли! Наглые, отвратительные предатели общего дела! — закричал Юхан. — Мне их ни капельки не жалко. Они держали меня в клетке много дней! Не исключено, что это я их отравил водой.

— Как так отравил?

— Да выпусти ты меня! Потом поговорим! У хозяина был ключ от замка. Посмотри в доме.

Сева заглянул в дом. Ни живых, ни мертвых троллей он там не нашел, зато на столе рядом с глиняными плошками лежала связка ключей. Правда, достать их оказалось нелегко.

Гном высунул руку между прутьев клетки, и Сева несколько раз кидал вверх медный ключ, прежде чем гном его поймал. И при этом Сева ужасно устал, потому что ключ-то был в два кулака размером и весил как полупудовая гиря.

А гном отпер клетку, спрыгнул вниз, ушибся и рассердился на Севу.

Глава десятая

Труба под землей

Рядом с гномиком Юханом Сева чувствовал себя, как будто возле рассерженного жирафа.

А гномик ковылял, разминая затекшие ноги в рваных сапогах, и ворчал:

— Ты что, подхватить меня не мог? Я же чуть не разбился!

— Тогда бы ты меня раздавил, — оправдывался Сева.

— Не велика потеря!.. — бухтел гномик.

Он шурился, вглядываясь в полумрак пещеры.

Потом заявил:

— Лучшей участи они не заслужили. Допускаю, что виновато их отношение ко мне. Если вы хватаете доверчивого гостя и сажаете в клетку, то жалкая судьба вас обязательно достанет!

— Какая жалкая судьба? — не понял Сева.

Говорить было неудобно, приходилось запрокидывать голову, а голова гномика терялась в темноте. Сам гномик был худым и сутулым, сквозь дырки в одежде проглядывало голое тело, — видно, ему пришлось несладко. Бороденка гнома была растрепанная, волосы торчали из-под колпака, но глаза сверкали упрямо и яростно. Как потом выяснилось, гном Юхан обладал настойчивым, упорным и даже наглым характером. Но сейчас он был голоден, напуган, растерян, правда, особой радости по поводу освобождения от верной гибели и благодарности к своему освободителю не выказывал.

— Какая жалкая судьба? — повторил гномик. — Простая. Их всех погубила труба.

— Какая труба?

— А вон та.

Гномик показал на толстую трубу, которая продолжала медленно вращаться и вкручиваться в породу.

— А что сделала труба?

— Давай так, — ответил гном. — Будем решать проблемы по очереди. Сначала мы меня кормим. А то я умру от голода, и на этом наши разговоры прекратятся. А я ведь не последний гном на свете! Меня знают во всех краях Подземья. В Лапландии мне памятники стоят во всех городах и деревнях. Ты, конечно, не видел.

— Не видел, — признался Сева.

— Помолчи, тебя не спрашивают, — оборвал его гномик. — Я первым прошел к Центру Земли.

— Я догадался, — сказал Сева. — Мне о вас рассказывали.

— Вот видишь, — ни капельки не удивился гном. — Ты где остановился? Мне надо срочно к тебе в гости.

— Зачем?

— Не задавай лишних вопросов. Я умираю с голода, а ты занимаешься философией. Где твой лагерь, поселок, база, ущелье, парашют, наконец?

— Я сюда приплыл на байдарке, — сказал Сева.

— Чудесно. Пошли к твоей байдарке.

— Зачем?

— Чтобы поесть.

И тут Сева сообразил, что голодный Юхан в два счета уничтожит все его запасы. А что же тогда Севе, с голову умирать?

Гном, видно, почувствовал колебания Севы, потому что стал еще настойчивее:

— Ты что, хочешь, чтоб я помер? Ты меня для этого спасал? Человечество тебе этого никогда не простит, это я тебе гарантирую.

— Мы совсем разные, — сказал Сева. — Вы такой гигант по сравнению со мной...

— Мне и есть надо больше.

— Но, наверное, в городе много еды, — сказал Сева.

— А где гарантия, что мертвая вода ее не погубила?

— Какая мертвая вода?

— Ты что, не видел, во что город превратился за две минуты?! Ну ты и тупой!

— А что здесь случилось?

— Мертвая вода!

— Что это такое?

— Я сам не знаю. Сначала я думал, что это меня освобождают. Но потом решил, что это просто мертвая вода.

Гном склонился к Севе и заговорил быстро и настойчиво:

— Я сижу в клетке, — рассказывал он, — вдруг вижу — с потолка камни посыпались. Много камней — тролли даже разбежались от страха. А потом вижу — появляется труба. Сверху, понимаешь? Я смотрю, а она появляется и начинает опускаться. Огромная труба! А когда до пола оставалось локтей десять, из нее вдруг хлынула вода. Ты не представляешь, что это такое! Из трубы — вода! За минуту или две весь город залило водой. По пояс или даже больше... Кто не успел убежать, утонул... а кто поплыл, тот умер и растворился.

— Как умер и растворился?!

— Всё, до чего касалась мертвая вода, умирало. Здесь было много троллей, а у них были собачки и кошечки, они кроликов разводили, здесь пауки и мокрицы бегали — мне всё свер-

ху было видно. И все, кого касалась вода, хоть капля воды, все умирали!

— А куда вода потом делась?

— Она перестала литься из трубы. Будто труба выплюнула порцию воды, а потом она в ней кончилась. Труба стала дальше опускаться, потом врезалась в пол и продолжала крутиться. Мертвая вода понемногу сошла — ведь в городе есть трещины, дырки, отверстия — было куда деться, по пещерам расплзлась... И когда я опомнился, то оказалось, что я один живой во всём городе остался. А если бы клетка висела пониже или стояла на полу, представляешь?! Я бы тоже был мертв! О горе! Я этого не переживу! Такая трагедия...

— И все погибли?

— Я думаю, все погибли... ведь тролли тупые, они не догадались, что это мертвая вода. Надо было обладать моим интеллектом, чтобы догадаться.

— А откуда эта вода взялась?

— Неужели ты не понимаешь? Это вода сверху. Ее налили сюда люди. Люди на Земле много гадостей придумали. Придумали мертвую воду и испугались. Испугались, что она наверху всё погубит, и стали ее под землю загонять. Сделали трубу, чтобы пробурить поглубже. И воду спустить... Немножко спустили воды, а теперь еще глубже пошли. Я полагаю, что они откуда-то узнали про громадную Полость в недрах Земли. Туда можно целый океан закачать.

— Значит, кто-то знает об Убежище? — выдохнул Сева.

— Еще как знают.

— Значит, нельзя туда переселять волшебных существ?

— Да ты с ума сошел! Тогда на всем белом свете останусь я один. Если конечно, не умру с голода. Так ты, говоришь, на лодке сюда приплыл?

— А как же иначе сюда проникнешь? — удивился Сева.

— Я тоже по ручейку полз. Сколько раз застревал, не поверишь! Но я великий путешественник, на весь мир прославился. Поэтому тебя и послали меня спасать.

— Про тебя я не знал.

— Тогда пошли. Накормишь меня.

— Ты такой большой, — не сдавался Сева. — Мне ничего не останется.

— Моя жизнь важнее, — отрезал гном. — Я столько всего перенес, что тебе и не снилось. Тобой можно пожертвовать. Тебя, кстати, как зовут?

— Сева. Всеволод.

— Пошли меня спасать, а то я скоро упаду.

И гном пошел вдоль ручья, правильно рассудив, что лодка где-то там. Чем дальше он шел, тем скорее двигались его ноги. Значит, силы в великом путешественнике еще оставались.

Когда же он увидел байдарку, то кинулся к ней бегом.

— Стой! — Сева семенил сзади, он всё еще на что-то надеялся, а на что — и сам не понимал. Потому что вот-вот гномик как голодный слон накинется на его припасы!

Так и случилось.

К тому времени, когда Сева догнал Юхана, тот уже забрался внутрь байдарки, достал мешок с продуктами и принялся вытаскивать оттуда и забрасывать в рот буханки хлеба, крути колбасы, сыры, и даже пакет с конфетами, который Сева припас себе на обратную дорогу.

— Да стой же! — кричал Сева и колотил гнома по спине, на что тот, впрочем, не обращал ни малейшего внимания. — Я же с голода помру!

— А я уж-ж-же помер, — отвечал гном с набитым ртом.

Мешок с недельным запасом пищи для Севы оказался скромным обедом для голодного гнома.

Сева, как львица, защищающая своего львенка, вцепился в мешок, но смог спасти от челюстей Юхана только круг колбасы, который и прижал к груди, как тонуший — спасательный круг.

— Отдай! — голодный гном потянулся к колбасе.

И тут Севу охватило отчаяние.

Человек пожертвовал всем, сбежал из летнего лагеря, оставил друзей, напугал мать и три дня полз как червяк под землей не для того, чтобы его ограбил и обрек на голодную смерть какой-то чуждик из позолоченной клетки, попутай подземный!

Конечно, круг колбасы не оружие, но ведь в байдарке остался меч — оружие пролетариата!

Сева кинулся в байдарку.

Гном лег животом на опустевший мешок с продуктами — его-то он берег пуще всего.

Но Севу продукты уже не интересовали — он стал шарить руками по дну в поисках меча.

Юхан понял: что-то (и, может быть, опасное!) происходит у него под ногами — и попытался разглядеть, чего это там суетится Сева.

Но Сева уже отыскал меч.

Сева закричал:

— Отдай продукты, бандит! Вот ты мне и попался!

Каким-то крошечным краешком сознания Сева понял, даже не понял, а почувствовал — такую сцену он знает, видел в кино — Циклоп напал на спутников Одиссея. Остался самый пустяк — выколоть или выжечь Циклопу единственный глаз.

«О чем я думаю! Я с ума схожу! Какой Циклоп?! Какой единственный глаз?!»

Сева вонзил острый меч в ногу Юхану.

И хоть он направлял удар немного вверх, чтобы попасть гному в бедро, удар получился слабее, чем ожидал Сева, но гном его всё равно почувствовал, отпрянул в сторону и грохнулся на берег. Байдарку тут же потащило течением, и Сева, сообразив, в чем дело, кинулся следом.

Может, ему и повезло, потому что гномик, опомнившись, решил его убить и отобрать обрат-

но мешок, который в схватке Сева успел выхватить у него из рук. Юхан бросился к ручью, но не смог в сумерках сообразить, что Сева побежал вниз по течению за уплывающей байдаркой.

Он прыгнул в ручей и принялся метаться по нему, разбрызгивая воду. Ручей, подобный глубокой речке для Севы, был ему по колено.

Но потом гном замер и прислушался.

А вот Сева замереть опоздал.

— Вот ты где, несчастный! — завопил Юхан и бросился к Севе.

Сева выскочил на берег и рванул за собой байдарку, чтобы не оставлять ее в воде. Потом кинулся бежать.

Он вилял между домов, похожих на камни, и между камней, ни на что не похожих. А вместе с ним бежали и виляли несвоевременные мысли:

«Ну почему я такой начитанный? Я уже видел эту картинку! В какой книжке гигант догоняет своего маленького врага? Вспомнил! Это в поэме Пушкина «Медный всадник». Там статуя Петра Первого гоняется по улицам Петербурга за Евгением... Нет, кажется, не то!»

Сева в детстве читал книжку «Путешествие Нильса с дикими гусями». Там за Нильсом гонялся памятник, который Нильс обидел...

Сева бежал и вспоминал.

Гном бежал и покрикивал, пугал Севу, обещал его растерзать и уничтожить. Гном был больше

Сева в четыре раза, и растерзать его вполне мог. Но Сева был умнее и шустрее гнома.

Юхан знал, что Сева поблизости, но потерял его из виду. Поэтому схитрил и принялся его спрашивать:

— А в мешке еще колбаса осталась?

Сева молчал.

— А может, поменяемся? Ты мне мешок, а я тебе жизнь?

Сева отбежал подальше и не удержался, крикнул:

— Я тут отыскал щель, в которую тебе не пролезть. Хочешь застрять, лезь за мной!

— Ты этого не сделаешь! Это не гуманно.

— Я защищаюсь.

— Если я по твоей вине погибну, Снежная Королева велит тебя казнить. С ней шутки плохи. Ты же обязан меня спасти и накормить.

— Я не обязан тебя кормить. Тем более, что ты меня ограбил!

— Мы, люди, должны друг друга любить. Ты ведь не тролль какой-нибудь... Тебя как зовут? Севой? А меня Юханом. Давай дружить.

— И в чём же будет эта дружба? — спросил Сева, но из своего укрытия выходить не спешил.

— Сначала мы всё поделим пополам, — сказал гном.

— Ты уже это сделал, — ответил Сева.

И горько и смешно. Этот гном какой-то ум-

ственно отсталый. У него хитрость маленького ребенка!

— А если я чего добуду, то я тебе тоже дам, — не отставал гном. — Нам ведь с тобой теперь вместе надо выбирать.

— Сначала мне надо попасть в Подземелье.

— Но я там уже был!

— Снежная Королева хочет переселить туда всех сказочных существ.

— Идея хорошая. Это я ее придумал, — важно ответил гном. — Да ты выходи, не бойся...

И Сева решился выйти на открытое место.

А гном не напал на него...

— Ну и мелкий же ты! — просто сказал он.

— На самом деле я куда больше тебя, — возразил Сева, — просто меня временно превратили в малыша. Чтобы в Подземный мир проникнуть.

— Всё это чепуха, — заявил гном. — Потому что они заливают Подземелье мертвой водой. Она всё живое убивает. И даже растворяет.

— Обязательно надо понять, откуда идет эта труба, — сказал Сева.

— А разве наша война кончилась? — поинтересовался гном. — Ты сначала сдайся, отдай мне мешок, я дою, что в мешке осталось.

— Ничего там не осталось. И мне есть хочется, — сказал Сева. — Всё-таки ты нечестный гном...

— А честных гномов не бывает. Там в самом деле ничего не осталось?

— Сам знаешь!

— А мне казалось, там еще круг колбасы остался. Ма-а-аленький такой кружочек...

— Ты не пойдешь в Подземелье? — спросил Сева.

— Я еще не решил.

— Ну, тогда прощай, я поплыл по ручью.

— Скоро ручей разделится, — предупредил гном. — Не вздумай плыть по большой струе, плыви по маленькой, направо.

— Спасибо. А ты, значит, обратно пойдешь?

— Нет, — вздохнул гном. — Пожалуй, я с тобой пойду. Всё веселее.

Глава одиннадцатая «Малютка-супер»

С утра президент Международного Унитарного Фонда Развития (МУФР) Георгий Георгиевич Полотенец в сопровождении своей прекрасной секретарши Элины Виленовны отправился на Кольский полуостров на скоростной авиетке Фонда, чтобы присутствовать при процедуре омоложения академика Сидорова. Первым средство испробовал гражданин Каин, отчего стал мальчонкой, но подлости не растерял, теперь же наступила очередь изобретателя, великого ученого и академика Сидорова. И, надо сказать, он это заслужил, потому что кому как не изобретателю воспользоваться плодами собственного изобретения?! Ведь если всё пройдет удачно, Академик станет ходить или даже бегать, заживет полнокровной жизнью и, наверное, придумает еще чего-нибудь выдающееся.

Сам Академик хотел первым испытать на себе омоложение, но его супруга Раиса Зиновьевна Сидорова была категорически против. Она думала, что если опыт будет неудачным, Академик помрет, и она останется вдовой с маленькой пенсией. Вот поэтому и запустили первым гражданина Каина. Его никому не было жалко, а сам он был таким ветхим, пропитанным болезнями и злобой, что если его не омолодить, наверняка бы скончался.

Но ныне, после удачи с Каином, даже академическая дама Раиса Зиновьевна согласилась вернуть мужу юный облик, только с поправкой на прошлые ошибки. Не хотела она рядом с собой получить мальчика, каким стал Каин. Нет, ей нужен был Академик в полном соку, на уровне кандидата наук, спортсмена-разрядника и даже силача, который может любимую жену на руках через овраг перенести.

Опыты начали ночью, вот-вот должны были поступить первые результаты. Весь научный коллектив не смыкал глаз: еще бы, ведь на завод, где проходил исторический эксперимент, летело само начальство Фонда во главе с президентом Георгием Георгиевичем Полотенцем!

У гениального изобретения был один недостаток.

Из-за этого недостатка о нем нельзя было закрывать на весь мир, и нельзя было получить за него Нобелевскую премию.

Потому что омоложение одного человека мето-

дом Академика Сидорова требовало превратить целое озеро нормальной пресной живой воды в озеро воды совершенно мертвой, которая убивала всё живое.

Может быть, это произошло оттого, что Академик сам был больным, парализованным человеком, и спешил омолодиться, пока не умер, а может, потому, что он всю жизнь изобретал оружие. Ведь именно он — автор самой подлой противопехотной мины. Ее ничем и никогда не обнаружишь, она взрывается, как только рядом окажется человек, и обязательно отрывает ему ноги. Еще Сидоров изобрел пулемет-автомат «Сидоров», который стреляет чем угодно — от вишневых косточек до камешков или желудей, и отлично убивает такими пулями... Простой в обращении, безотказный в лесу и пустыне — не может быть, чтобы вы о нем не слыхали! Даже в песне поется: «Закину сидор за плечо и поцелую горячо!» В малых и больших войнах из «Сидорова» ухлопали больше шестнадцати миллионов человек, а еще тридцать три миллиона искалечили...

Много у Академика Сидорова изобретений, но все они сделаны с одной целью — убивать и калечить. И только сейчас, почуяв собственную смерть, немощный и бессильный Академик смог изобрести способ омолодиться. Но он был очень умным Академиком и понимал, что как только объявит о своем открытии, его тут же запретят. Ведь уничто-

жить целое озеро воды ради одного человека — это варварство. Я уж не говорю о рыбах и лягушках, которые погибнут, и водорослях, которые исчезнут. Дело в том, что нормальной пресной воды на Земле не так уж и много. Академик Сидоров подсчитал, что всей воды на Земном шаре хватит только на то, чтобы омолодить триста сорок человек. А значит, можно ожидать, что через несколько лет пресная вода на Земле закончится, и все люди, включая тех, кто омолодился, умрут, потому что им придется пить мертвую воду, в которую живая вода превращается после использования.

Вот с этой-то проблемой жена Академика Сидорова, которая вела его дела, обратилась к господину Полотенцу.

И Георгий Георгиевич ее понял.

А потом придумал — отыскать внутри Земли пустое место, чтобы туда переливать мертвую воду. Исчезла мертвая вода — никто и не заметит. И понять, что происходит, сразу не удастся. Ну, меньше стало воды, заметят ученые. Ну, еще меньше... А куда она делась?

Так что Фонду господина Полотенца и самому академику Сидорову несколько лет можно было ничего не опасаться. Мертвая вода исчезнет...

А через несколько лет что-нибудь придумаем...

На Кольском полуострове дул жгучий ветер, ледяные иглы дождя косо хлестали с неба.

Самолет круто снизился над заброшенными шахтами, и Георгий Георгиевич, который смотрел в иллюминатор, потому что с детства любил смотреть по сторонам, спросил:

— Что за шахты? Что добывают?

Его референт, компьютер, очень похожий на человека, только красивее, сразу ответил:

— Здесь добывали уголь в закрома Родины. Теперь здесь ничего нет, даже поселок растащили на дрова.

Самолет перевалил через гряду холмов, и впереди показались корпуса фабрики детской игрушки «Малютка-супер». Это было главное предприятие Фонда, который, как вы знаете (если, конечно, смотрите телевизор или читаете газеты), специально создан для того, чтобы заботиться о брошенных или несчастных детях.

Президент Фонда господин Полотенец во всех своих интервью рассказывает о том, какие замечательные игрушки делают на фабрике «Малютка-супер», и все, даже враги и завистники Полотенца, думают, что так на самом деле и есть. То есть, что Полотенец вообще-то много врет, но игрушки делает.

На самом-то деле ни одной игрушки на фабрике (которая, кстати, расположена на месте бывшего военного полигона по испытанию биологического оружия, то есть самых гадких и смертельных ядов в мире) никогда не было сделано.

Там даже мастеров нет, которые умеют делать игрушки.

А чтобы никто ни о чём не догадался, люди Полотенца покупают разные забавные игрушки в других странах, перекрашивают, пишут на них «Сделано на фабрике Малютка-супер» и показывают на выставках и торжественных собраниях. Иногда Полотенцу за это дают премии и грамоты.

На самом-то деле бывший полигон — это секретный центр по омолаживанию. Поэтому когда самолет остановился возле длинного алюминиевого ангара и к нему подъехал джип, первым к двери самолета подошел начальник охраны Иван Каин, на вид маленький, почти мальчик, а на деле очень старый и опытный бандит.

Он вошел в салон самолета и сказал тоненьким голоском:

— Попрошу документы.

И тогда пассажиры самолета: и Георгий Георгиевич, и Элина Виленовна, и все прочие референты и секретари, включая красивый компьютер, предъявили свои пропуска.

Вот такие строгие царили там порядки.

Эти правила были заведены после того, как один турист, а, может, просто олений пастух забрел в те места и вошел в лабораторию.

Войти-то он, говорят, вошел, но больше его никто никогда не видел.

Полотенец, как и все прочие, показал свой паспорт, потом специальный пропуск, а потом отпечаток своего большого пальца.

— Как дела? — спросил Георгий Георгиевич.

— Всё идет нормально, — сказал Каин.— Бурим! Георгий Георгиевич шагнул внутрь ангара.

Сначала они пошли на буровую площадку.

Там под гигантским куполом, снаружи замаскированным под каменную сопку, особые машины невиданной силы, которые специально привезли из Японии, вкручивали в землю пятиметровую стальную трубу. Труба состояла из колец, которые автоматически сваривались друг с дружкой.

В цехе стоял низкий, неприятный шум, но людей видно не было — на трубу и машины, чтобы загонять трубу в глубь Земли, Полотенец денег не жалел. Он понимал, что как только труба доберется до Подземелья, как только будет открыт путь для мертвой воды в глубины Земли, его Центр по Омоложению начнет трудиться в полную силу, и каждый пациент будет приносить ему сказочные деньги, тайную славу и неодолимую власть.

Но это завтра.

А пока только расходы, расходы, расходы...

Каина делали как первый рискованный опыт. Отыскиали его в доме для престарелых в Малоярославце, где никто не верил, что он родился в XVIII

веке. За две бутылки водки он согласился стать лабораторным человеком — а что ему было, живому растению, терять?!

Теперь начинался второй эксперимент — омолаживание Академика Сидорова. Тут тоже на доходы рассчитывать не приходилось. Скажите спасибо, если всё хорошо кончится! Уж очень у Академика требовательная Раиса...

Главное, как понимал Георгий Георгиевич — не рассориться с партнерами, пока не пойдут настоящие доходы. Главное удержаться...

Георгий Георгиевич стоял у центрального пульта управления и глядел, как медленно поворачивается, врезаясь в землю, труба.

— Пробовали пускать мертвую воду? — спросил он, не поворачивая головы.

Василий Фридрихович Кох ответил:

— Был пробный пуск. Относительно небольшой.

— Почему без моего разрешения?

— Мы заготавливаем первую дозу эликсира по омоложению, — пояснил Василий Фридрихович, который никого не боялся, даже самого Полотенца. Плевать ему было на начальство. Он уже отсидел и за убийство, и за грабеж, и за компьютерный вирус, и за неприличные стихи — короче, многосторонний был Кох. — Куда-то надо было деть отходы. Я и распорядился испытать трубу. Мы прогнали внутрь двадцать пять тонн.

— И куда вода пошла?

— А кто ее знает? Если молчат снизу, значит все, кому она пролилась на голову, уснули навечно.

— Впрочем, — заметил Георгий Георгиевич, — мне уже докладывали, что в глубинах Земли жизни нет.

— А если б и была, то теперь уж наверняка нет, — согласился директор фабрики детской игрушки «Малютка-супер» Василий Фридрихович Кох и весело рассмеялся.

Глава двенадцатая Обжора Юхан

Сева сразу и повезло, и не повезло.

Повезло, потому что гном Юхан кое-что знал о пути в Подземелье.

Не повезло, потому что у Юхана оказался гадкий характер, и он думал, что, раз Сева в четыре раза меньше его, значит, должен ему во всём подчиняться. К тому же был убежден, что после Колумба он самый великий в мире путешественник.

Надо признать, что вечером того же дня, когда город огневых троллей остался далеко позади, именно Юхан закричал:

— Стоп! Табаны!

А путешествие проходило так: впереди в байдарке плыл Сева, а сзади, кое-где пригнувшись, кое-где на корточках, двигался Юхан. Он непре-

станно давал советы, большей частью совершенно ненужные.

Сева придержал байдарку. В этом месте стены трещины сходились совсем близко, и гному приходилось несладко...

Основное русло ручья уходило прямо, но направо под острым углом ответвлялся небольшой ручеек.

— Нам туда! — завопил гном. — Главное русло приведет в озеро, из которого нет выхода. В прошлый раз я попал туда и провел в гроте два дня, пока не выбрался назад.

— А что ты ел? — спросил Сева.

— Когда надо, мы, гномы, можем обходиться без пищи.

Новый ручеек вывел их в небольшой зал, и они решили там переночевать. Гном требовал, чтобы Сева отдал ему всё, что осталось в мешке. Но Сева не согласился.

Юхан долго ворчал о том, какая пошла невоспитанная молодежь, какое у Севы каменное сердце, а потом уснул на песке у ручья. А Сева остался в байдарке. Мешок с остатками еды он положил под голову вместо подушки.

Ночью ему снилось, будто он попал в бурю, и его бросают и болтают крутые волны.

Сева проснулся и не сразу сообразил, что он не в море, а в глубинах Земли.

А где же его спутник?

Вон храпит!

Сева уселся.

Чего-то не хватало...

Мешок был пуст.

Совсем пуст!

Негодяй Юхан сожрал всю еду!

— Честное слово, не хотел — оправдывался безжалостно разбуженный гном. — Думал, возьму кусочек хлебушка, утолю зверский голод, который так терзает меня. Но потом что-то сонной произошло. Я думал о природе, о лесах и травке, а мои зубы продолжали трудиться, пока не перетрудили некоторое количество пищи...

— Некоторое?! Да там ничего не осталось!

Сева понял, что спорить с гномом бесполезно.

Чуть не плача, он залез в байдарку.

— Ты прости меня, — кричал Юхан ему вслед. — Вот ведь беда: я так много скушал, что даже подняться не могу!

Сева не стал ему отвечать.

Голодный, неумытый, злой и отчаявшийся, он позволил течению ручейка нести себя дальше.

Теперь-то ему уж точно домой не вернуться!

И никто его не найдет и не спасет в этой черной дыре!

А ведь подлый гномик как-нибудь выберется. Не исключено, что он может месяц без пищи обходиться...

Байдарка плыла неровно, то и дело утыкаясь

носом в стенку, — не вписывалась в повороты. Тогда Сева, даже не думая, что делает, отталкивался от стены веслом и вновь погружался в глубокое расстройство.

Наверное, разумный человек на его месте постарался бы возвратиться наверх знакомым путем. Но Сева точно знал, что на том пути нет ни крошки еды, а саламандры не смогут накормить его, даже если он целый день будет слушать их оркестр.

Но когда идешь вперед, всегда остается надежда, что увидишь что-то новое. По крайней мере, Королева уверяла, что в Убежище будет светло.

Если бы у Севы было настоящее оружие, допустим, бластер, как в фантастических фильмах, он бы прикончил подлого гнома. Должна же быть на свете справедливость!

Но из оружия — только меч, а им в лучшем случае можно только уколоть...

Трудно сказать, сколько продолжалось это печальное путешествие. Уж, наверное, больше часа...

Потом ручеек так измельчал, что байдарка стала тереться дном о камни, и Сева, мрачный и отупевший, вылез из нее и решил поглядеть, что там впереди.

Прихватив с собой меч, он брел по колено в холодной воде, порой выходя на сухие камни, и когда впереди показался серый свет, сначала тусклый, но постепенно разгоравшийся, даже не удивился.

Ну и хорошо, свет так свет...

Свет не был дневным, но и на электрический не похож.

Еще один поворот...

Перед Севой был выход из туннеля.

Ручеек, обрываясь тонкими струйками, падал вниз, и слышно было, как где-то там, далеко внизу, он весело стучит по камням.

Глава тринадцатая Вот оно, Убежище!

Никто толком не объяснил Севе, что он увидит.

Да и понятно — никто этого, собственно, и не знал...

Сева стоял на краю высокой каменной осыпи, словно на вершине горы, и, как зачарованный, смотрел вниз.

Пределы долины, что расстилалась перед Севой, терялись в дымке, так же, как пропадала в тумане каменная стена, тянувшаяся вверх у него за спиной.

Впереди и где-то выше светило Солнце.

Севе объяснили, что в Подземелье есть Солнце, но никто не смог сказать, откуда оно там взялось, и почему светит. Но оно было, и лучи его пробивались сквозь туман! Солнце было поменьше обык-

новенного, верхнего, и потому здесь было не так светло, как днем на поверхности Земли.

Размеры подземелья были грандиозны, взгляду негде было остановиться, упереться в стену или в потолок. Расстояние до потолка было так велико, что он казался голубым, почти такого же цвета как настоящее земное небо, только облаков на нем не было, а лишь движущиеся клубы тумана, которые ты волен был считать облаками или именовать туманом — кому как нравится.

Когда наглый гном Юхан докладывал Королеве о Подземелье после первого своего путешествия сюда, он утверждал, что там есть деревья и даже настоящий лес, но сверху Сева деревья видны не были, хотя внизу, вдали, что-то зеленело, окружая длинное, похожее на серп озеро и речку, в него впадавшую.

Но на таком расстоянии многого не увидишь, лучше спуститься и поглядеть на этот мир вблизи.

Небо было пустым — по крайней мере, никаких птиц Сева не заметил. И вообще в том мире было очень тихо, даже ветра не слышно...

Воздух был свежим и теплым, и от этого воздуха Сева сразу захотелось есть. Наверное, на светлом просторе у нормального молодого человека печальные мысли улетучиваются, и он понимает: жизнь еще не кончилась! Мы еще повоюем!

Но сперва надо было отметить вход в трещину, а то когда будешь возвращаться, потеряешься и не найдешь правильного выхода.

Гном здесь уже побывал раньше: рядом с рассе-
линой, из которой вытекал ручей, на каменной
стене был намалеван белый крест, вдесятеро боль-
ше Севы, наверняка видный снизу, из долины.

Прежде, чем начать спуск, Сева еще раз огля-
делся и не очень далеко — справа, там, куда плав-
но загибалась вертикальная стена, — увидел тор-
чащую откуда-то сверху палку.

Палка не доставала до земли, и Сева догадался:
это та самая труба, из которой хлестала загубив-
шая городок огневых троллей мертвая вода.

Издали не было видно, вращается ли труба или за-
мерла. Но даже такая маленькая издали, даже тонкая
на таком расстоянии, она была страшной для Севы.

Сева, конечно же, не знал, что далеко над его го-
ловой, на поверхности Земли раскинулся бывший
военный полигон (а нынче фабрика детской иг-
рушки «Малютка-супер»), и что именно сейчас
возле трубы стоит отец Гоши Полотенца! Но всё
равно догадывался, чем эта труба грозит.

В последний раз оглянувшись, не идет ли сле-
дом гном, Сева начал спускаться в долину, — к
длинному, похожему на серп озеру.

Спуск занял много времени: каменная осыпь бы-
ла подвижной, камни вырывались из-под ног, и Се-
ва опасался, как бы не началась лавина, но посте-
пенно склон становился всё более пологим, между
камней стали появляться травинки, потом кустики
и даже мелкие цветы.

Становилось жарко, и Сева, отыскав место в тени большой скалы, улегся, чтобы передохнуть и подумать.

Вроде бы, он выполнил просьбу Снежной Королевы и Кристины. Имя славного рыцаря Всеволода Савина будет навечно внесено в списки сказочных героев. Правда, если он останется жив и вернется домой, маме с папой о своих подвигах лучше не рассказывать. Они не поймут, что за друзья у него в Лапландии...

Сева побрел дальше.

Вот и речка. Насколько Сева помнил, чуть дальше она впадала в озеро, так что заблудиться он не боялся.

Сева присел на бережку и стал смотреть в прозрачную воду. Но не увидел ни одной рыбешки, ни единого паучка. Грустно... Почему никого нет? Где все?! А вдруг вода ядовитая?

Сева совсем забыл о том, что попал глубоко под землю, и здесь нет, а, может, никогда и не было своих жителей.

Голод мучил безумно. Сева никогда не был таким голодным.

Он сорвал травинку, надкусил, пожевал... Травинка как травинка. А может, тоже ядовитая?

Но воды попить всё-таки придется.

— Пить или не пить, вот в чём вопрос, — произнес Сева вслух.

Из чего можно заключить, что даже в такой ситуации его не оставило чувство юмора.

И в ответ на его слова сверху, неизвестно откуда, послышался глубокий, утробный голос:

— Пить! Пей, и ничего не случится.

Еще неделю назад, услышав такой голос, Сева кинулся бы в ужасе прочь, быть может, завопил бы — в общем, испугался.

Но сейчас он просто ответил:

— Спасибо за приглашение.

И, наклонившись к речке, принялся черпать горстями воду и пить ее.

Вода была ледяной — зубы ломило, — но вкусной.

Сева выпил четыре горсти и всё это время думал: кто же это с ним разговаривал?

— Напился? — произнес Голос.

— Спасибо, — вежливо ответил Сева.

— Небось голодный?

— Ужасно хочется есть, — признался Сева.

— Чего ж сюда шел, поесть не захватил?

— У меня украли.

— Бывает, — вздохнул Голос.

И тишина.

А Сева подумал — сейчас меня накормят.

— Вы кто? — спросил он после долгой паузы.

— Я никто, — ответил Голос.

И снова тишина.

До озера оставалось совсем немного.

Может, напиться воды побольше? Тогда живот будет полон водой, и голод утихнет.

Сева громко повторил:

— Я есть хочу!

Он надеялся, что его услышат.

— Откуда ты, малютка? — спросил Голос. — Кто отправил тебя в столь тяжелое и опасное путешествие?

— Снежная Королева, — ответил Сева. — Вы ее знаете?

— Не имею чести... Я многого не знаю из того, что происходит вне моего мира. И зачем тебя, такого маленького и бессильного, сюда послали?

— Меня послали, потому что большой человек... ну, нормальный человек сюда не проберется. Ходы, которые ведут под землю, слишком узкие для нормального человека.

— Я спросил, зачем тебя послали?

— А вы кто? — спросил Сева.

— Станный разговор, — ответил Голос. И Севе показалось, что в голосе прозвучала усмешка. — Ты не умеешь отвечать на вопросы...

— Но вы меня видите, а я вас не вижу.

— Забавная мысль. Хорошо, я тебе отвечу: я Хозяин этого мира. Но меня нельзя так просто увидеть. Я во всем: я в траве и в воде; я в деревьях и папоротниках.

— Вы живой?

— Я живой. Но живу по своим законам.

— Почему вы не можете дать мне поесть?

— А ты не замышляешь вреда мне и гибели моему миру?

— Ну что вы! Снежная Королева хочет устроить здесь убежище для сказочных существ, которым так плохо на Земле. Она хочет спрятать их от гибели.

— И меня не спросили?

— Как же можно было спросить, если о вас даже никто ничего не знал?

— И это правильно. Тогда скажи мне — вон там, за озером, с неба опустилась большая железная труба. Зачем ты это сделал?

— Это не я, это какие-то негодяи, — ответил Сева. — Они целый город убили. Там только гном остался, его тролли в золотой клетке держали, в подвешенном виде, вот он и остался жив, а на город мертвой воды налили, вода поднялась до пояса — всё, чего она коснулась, погибло или даже растворилось как в соляной кислоте. Представляете?

— Город огневых троллей?

— Нет больше этого города.

— И ты не знаешь, кто эти... чья это труба?

— Честное слово, не знаю. И Снежная Королева не знает. Она бы мне сказала.

— А Снежная Королева такая же маленькая, как ты?

— Да нет, она нормальная...

И Севе пришлось рассказать о мультипликаторе. Рассказ его был короток и занял минут пять. А когда он кончился, Голос сказал:

— Я верю тебе, маленький рыцарь. Я чувство-

вал, что город троллей погиб. Они не были моими друзьями, но кому они помешали?

— Не знаю.

— Не знаю... Иди к озеру, малыш, — продолжал Голос. — Иди вдоль реки. Я скажу тебе, когда остановиться.

Сева понял, что спорить не надо.

По дороге Голос принялся допрашивать его, с чего Снежной Королеве вздумалось помогать русалкам и драконам? Она что, жалеет их? Как можно жалеть всех? И добрых и злых, и волков и зайцев. Тут что-то неладно...

— Я соскучился, — заявил Голос. — Мне нужен собеседник. Причем неглупый. Ты скоро сюда вернешься?

— Зачем мне возвращаться?

— Ты не сможешь забыть о своем путешествии, — сказал Голос. — Ты уже околдован волшебным миром, приключениями, которые не выпадают на долю обычных людей. Ты околдован Снежной Королевой и ее дочкой... у нее ведь есть дочка?

— Кристина. А вы откуда знаете?

— Я так давно живу, что знаю больше, чем самому хочется. И я знаю, что не бывает ничего невозможного. Посмотри вперед.

Впереди возвышался бурый холм, будто какой-то великан забыл там свой рюкзак.

— Ты почти прав, — угадал мысль Севы Голос. —

Довольно давно случилось землетрясение, Земля раз-
верзалась, и ко мне провалился заплочный мешок од-
ного римского легионера. Веришь?

— Трудно поверить.

— Я туда не заглядывал, — сказал Голос, — но
думаю, что в мешке должны быть сухари.

— Скажете тоже! — рассмеялся Сева. — Вы
хоть знаете, сколько лет прошло?

— Много, — согласился Голос. — Но микро-
бов здесь нет, а сухарям возраст не страшен. Впро-
чем, у тебя нет выбора.

Сева подошел к холму. В холме была пещера —
мешок был не завязан.

— А вдруг там какой-нибудь скорпион сидит? —
спросил Сева.

— Нет у нас скорпионов. У нас даже комаров не-
ту. Всё наверху остались. — Голос усмехнулся. —
Сделай шаг, далеко идти не надо. И тащи сухарь на
себя. Учти, вы с ним примерно одного размера.

И тут Голосу стало так смешно, что он не смог
больше сдерживаться.

Под грохот его хохота Сева влез в пещеру и
оказался внутри мешка. И тут же вытянутая рука
наткнулась на край сухаря — даже фонарь зажи-
гать не пришлось.

— Тащи! — подсказал Голос. — Тащи, мой
юный голодный друг!

Сухарь, хоть и был ростом с Севу, оказался ку-
да легче, чем Сева опасался. Сухари вообще до-

вольно легкие. Так что Сева смог вытащить сухарь наружу, а потом, не дожидаясь подсказок Голоса, отколол от него кусок большим камнем.

Но есть не смог!

Он как представил, что сверху на него смотрит ухмыляющийся Голос, так даже аппетит пропал.

Голос снова догадался.

Он произнес:

— Ты поешь, не стесняйся, я смотреть не буду. А потом вернусь.

— Большое спасибо, — сказал Сева, — вы и не представляете, как вы меня спасли!

— Добрые дела всегда делать приятнее, чем гадости.

— Это зависит от характера, — сказал Сева. — Мне разные люди попадались.

— До встречи... — донесся Голос.

Сухарь оказался сказочно вкусным.

Сева и не заметил, как смолотил полсухаря. А потом на него напала страшная сонливость.

Сева улегся на траву и заснул.

Во сне ему снилось, что стадо коров хрустит сеном...

А когда он открыл глаза, оказалось, что рядом с ним спит гном Юхан. Он был таким толстым, что живот его поднимался крутым холмом. Зато мешок с сухарями был пуст.

— Опять двадцать пять! — воскликнул Сева. — Ну, это уж слишком!

Глава четырнадцатая Сухари legionера

Юхан приоткрыл глаз, скосил его на Севу и произнес с сонным презрением:

— Мог бы маслицем разжиться.

— Ну, знаешь!

Сева вскочил и со всего размаха стукнул гнома кулаком в живот.

Ну, как вам сказать? С таким же успехом кролик мог бы попытаться избить медведя.

Но гном всё равно обиделся.

Он сел и взвыл:

— Как ты смеешь! Ты понимаешь, на кого поднял руку? Ты поднял руку на великого путешественника. Для меня специально Красную книгу путешественников выпустили!

Ему было лень вставать, да и обожрался он без меры, но разозлился ужасно.

Сева отскочил на два шага, достал из-за пояса

меч, и когда Юхан всё же кинулся на него, ткнул ему мечом в вытянутую руку.

— Ой! — Гному и в самом деле было больно. — Никакой пощады! Наш с тобой союз разорван, и я не успокоюсь, пока тебя не придушу!

Глаза гнома горели нехорошим блеском,

— Поднять руку на своего благодетеля! Уколоть ничего не подозревающего друга! На твоей могилке будет написано: «Предатель и убийца».

Сева понял — надо отступить.

У него было одно преимущество — он был голодным (опять!) и легким. Сева отбежал от Юхана и встал в фехтовальную позу, выставив перед собой меч.

— Ты воришка! — крикнул он гному. — Хоть бы оставил мне сухарик.

— Как ты не можешь понять, — ответил грозно гном, — что мне требуется в десять раз больше пищи, чем тебе, и справедливость требует делиться пищей один к десяти!

— Так где же моя десятая доля?

— А вот этого ты, мерзавец, не заслужил!

Гном схватил с земли сухой сук и с неожиданной резвостью ринулся к Севе.

Сева неудачно отпрыгнул назад, споткнулся о камень и полетел кувырком. При этом он больно ударился спиной о землю, даже дух перехватило...

И вот тогда гном подпрыгнул к нему и замахнулся суком.

— Умри, обжора! — завопил Юхан.

Он ударил Севу суком, но промахнулся, хотя промахнуться по лежащему навзничь Севе, казалось бы, было невозможно.

Пытаясь уклониться, Сева не сразу понял, что произошло.

А промахнулся гном потому, что на глазах стал уменьшаться, и уже через секунду сук стал слишком велик и тяжел для него. И вместо того, чтобы вонзить конец своего оружия в грудь Севе, гном его уронил и в ужасе поднес к лицу свои маленькие ручки.

— Что? — завопил он. — Что ты сделал со мной, предатель?! Ты меня погубил!

Сева сам ничего не понимал.

Он сел и, пересиливая боль в спине, поднялся на ноги. Наклонился, взял с земли оброненный меч.

И услышал глубокий всеобъемлющий Голос, который донесся с неба:

— Гном Юхан хотел справедливости. Его справедливость — взять всего в десять раз больше, чем досталось товарищу, а то и вовсе ничего ему не оставить. Такая справедливость мне не подходит! Всё должно быть поровну. Поэтому я тебя, гномик Юхан, уменьшаю до половины Всеволода. И будешь ты ему по пояс. Когда станете делить еду, тебе пускай достается половина от того, что съест Всеволод.

— Я так не хочу! — закричал гном. — Я вели-

кий путешественник, меня весь свет знает, а это — пришлый мальчишка, даже не из нашего мира. Он же из людей! По нему давно виселица плачет! Он совершенно исхудал, от него мать отказалась! Он шпионом служит у Снежной Королевы, зуб даю! Немедленно верни меня в большой размер, а то тебе же хуже будет.

— Почему мне будет хуже? — поинтересовался Голос.

— Я приму меры! — ответил Юхан. — У меня такие связи в верхах, ты не представляешь! Я твоё подземелье отдам в хорошие руки, тогда пожалеешь.

Голос явственно вздохнул.

— Давненько я не слышал угроз. А от муравьев и давно...

— Верни мне прежний вид! — вопил гном.

Он принялся бегать по берегу реки, хватать палки и камни и кидать их в небо, будто надеялся попасть во врага.

— Сухарей или иной пищи у меня больше нет, но могу посоветовать тебе, рыцарь Всеволод, прикончить гнома, который меньше тебя ростом и слабее. Потом ты сможешь поджарить его филейные части. Ты знаешь, мальчик, где филейные части у гномов?

Голос говорил очень серьезно, но Сева сообразил, что это такой черный юмор.

Гном же шуток не понимал.

Гномы вообще шуток не понимают.

Поэтому он испугался и завопил тонким голосом — ведь после того как он уменьшился и стал чуть больше спички, настоящий голос в его тельце более не помещался.

— Вы не посмеете, тираны! — кричал он. — Человечество проклянет память о вас! На мою могилку девушки будут носить венки из садовых ромашек.

— Красиво, — заметил Голос. — Романтично. По-моему, Всеволод близок к тому, чтобы разрыдаться.

— Я уже плачу, — сказал Сева.

— В самом деле? — в Юхане затеплилась надежда. — Может, не стоит меня убивать без суда? Мой проступок невелик. Съел сухарик от голода. Именно от голода. Перед этим провел долгие недели в заточении в птичьей клетке. Дети строили мне гримасы, в меня кидали камнями.

— Может, и в самом деле не будем его убивать? — спросил Сева.

— Тогда спасите меня от заворота кишок! — закричал Юхан. — Вы только поглядите на меня! Я умираю от колик!

Сева поглядел и ужаснулся. Как же он раньше не заметил!

Юхан стал похож на перевернутую запятую. Голова и шея остались прежними, зато живот пуляюще вылез вперед.

— Что это? — испугался Сева.

— Тот самый несчастный сухарик, — рыдал гном. — Ведь когда этот невидный тиран решил меня уменьшить, он забыл уменьшить сухарик, который лежит в моем животе. Ой, я сейчас умру! О, невыносимая боль!

Это и в самом деле мучительно, — заметил Голос. — Наш бездельник прав. Я помогу тебе, гном, если ты правдиво ответишь на простой вопрос.

— Только скорей задавай его, а то некому будет отвечать.

— Зачем ты полез под землю? Мне Всеволод рассказал, что ты здесь уже был, хотя я тебя, к сожалению, не заметил. Ты рассказал о моей стране Снежной Королеве. Но зачем снова полез?

— Честно?

— Честно.

— Мне стало известно, что огневые тролли добывают особой чистоты алмазы. Вот я и подумал... Ой-ой, как больно! Вот и подумал, что возьму у них несколько штучек. А они предательски поймали меня и посадили в клетку.

— Поймали с поличным?

— Называйте, как хотите. Но я так и не узнал, где у них хранится городской сундук, а теперь некому открыть эту тайну. Ой, больно-о-о!

— Я тебе верю, бездельник и воришка, — сказал Голос. — У меня есть быстродействующее слабительное. Открой рот.

Гном послушно открыл рот.

— Да закинь голову как следует!

Гном закинул голову.

— Рот шире!

Юхан разинул рот шире.

Сева видел, как сверху, не спеша, спускается розовая капсула, словно она не падает, а некто невидимый опускает ее, держа в пальцах.

Капсула дотронулась до губ гнома и пропала у него во рту.

Тот сглотнул. Проглотил.

Так и остался стоять с запрокинутой головой.

Голос рассмеялся.

И тут же, как бы проснувшись, гном схватится обеими руками за торчащий живот и с визгом бросился в кусты.

— Подействовало, — сказал Голос. — Но не думай, что этот эпизод отучит его от жадности и вороватости.

— Я знаю.

— Будь с ним осторожен, — сказал Голос. — Вам же вместе подниматься наверх.

Сева кивнул. Он понял невидимого собеседника.

— А скажите, пожалуйста, — спросил он. — Кто вы такой, и почему о вас никто не знает?

— Обо мне никто не знает, потому что меня никто не видит. Кто я такой? Я не смогу ответить тебе на этот вопрос, потому что я сам себя никогда не видел.

— Но откуда вы взялись?

— На этот счет у меня есть несколько теорий, — ответил Голос. — Когда-нибудь при случае я расскажу тебе о них. Поскорее возвращайся ко мне.

— Я не знаю, — вздохнул Сева.

— Я одинок, и поэтому мне неизвестно, всемогущен я или бессилен. Мне нужен слушатель и друг. Я выбрал тебя в друзья и могу осыпать тебя алмазами, потому что я-то в отличие от гнома знаю, где спрятан сундук огневых троллей. Потому что ты добрый человек, и не исключено, что унаследуешь от меня власть над Подземным миром.

— Сначала я школу кончу, — пошутил Сева.

Но Голос, к сожалению, не понял шутки и спросил:

— И долго еще ждать?

— Несколько лет. А потом еще хотелось бы в институт поступить.

— Ты плохо воспитан, — после минутной паузы произнес Голос. — И ты не тот, кого я ждал последние столетия.

И тут в разговор вмешался тонкий голосок из кустов.

— Это я, это я — тот, кто вам нужен!

Сева понял — Юхану полегчало.

А вот и он собственной персоной!

Живот уменьшился раз в десять!

— Вы лучше мне доверьтесь. Я, если что надо — всегда готов! А вы мне сундук с алмазами, идет?

— Помолчи, мелочь пузатая, — ответил Голос. — Я со Всеволодом разговариваю.

— Так он же вас не уважает!

— Мне дороже недостаток уважения Всеволода, чем твоя лесть, потому что Всеволода можно перевоспитать, а ты — дело безнадежное.

— Пожалеете, — ответил Юхан. — Когда вам туго придется, и этот Сева вас окончательно подведет, вы начнете кричать: «Юхан, дорогой, где ты? Юханчик, иди к нам на помощь!» А я гордо отвернусь и займусь своими неотложными делами. Вот тогда вы и будете рвать на голове волосы.

— Боюсь, что у меня нет волос, — сказал Голос. — А теперь помолчи. Я хочу поговорить с Всеволодом. У меня к нему просьба.

— Я вас слушаю, — сказал Сева.

— Я помогу вам выбраться, а вы попросите Снежную Королеву, если она так хочет населить мой мир всякими лешими и русалочками, даже не спросив моего согласия, саму спуститься сюда. Мы с ней поговорим по душам. И вместе всё решим. Хорошо?

— Хорошо.

— Но есть и второе дело, неотложное. Ты должен срочно добраться до верхнего конца трубы. Узнать, кто за этим стоит. Гном Юхан видел, как из нее лилась на город мертвая вода...

— Смерть, чисто смерть, — подтвердил гном. — Я видел! Она течет и до чего дотронется, — всё, конец! До тролля дотронется — троль падает, а если в воду, то его даже растворяет... и всё живое стано-

вится неживым! А я сижу в клетке, смотрю вниз и думаю — поднимется или не поднимется!

— Значит, там наверху находятся убийцы. И они таятся. Может, это свихнувшиеся генералы, может, безмозглые дельцы...

Я вас понимаю, — сказал Сева. — Я сразу же расскажу обо всём Королеве.

— Я боюсь этой трубы, — признался Голос. — Мне видится в ней моя смерть и смерть всего живого.

— Мы всё сделаем, — пообещал гном. Он даже ныть и вредничать перестал, так испугался.

— А теперь держитесь, малыши, — сказал Голос. — Я перенесу вас к потолку моего мира. Учтите, что до него семь километров — больше половины пути до поверхности Земли. Там есть прямой путь наверх...

Невидимые пальцы существа, именуемого Голосом, подхватили гнома и Севу и понесли их к подземному небу.

Глава пятнадцатая

Полет к свету

Полет длился недолго.

Земля внизу раскидывалась всё шире. Сева увидел леса, холмы, долины, но чем выше он поднимался, тем туманнее становился пейзаж, пока, наконец, окончательно не скрылся во мгле. Воздух в Подземном мире был куда менее прозрачен, чем наверху.

Наконец Сева очутился в бесконечном тумане, пронзенном лучами Солнца. В ту сторону, где оно светило, было больно смотреть, и оттуда исходило тепло, тогда как с другой стороны кусал жгучий холод.

— Всё — произнес Голос.

На этот раз он прозвучал настолько рядом, что Севе показалось: еще немного, и он увидит повелителя Подземелья.

— Нет, — угадал мысль Севы Голос. — Увидеть меня нельзя. В этом мое счастье и мое проклятие. Когда вернешься, я тебе поведаю о моей удивительной судьбе...

Над головой показались камни.

Неровная поверхность была потолком подземного мира, и тянулась она на многие километры.

Под острым углом из потолка выдавался большой камень.

Большой для Севы и гнома, но, конечно же, небольшой для обыкновенного человека.

Вот на край этого камня невидимые пальцы и поставили Севу и гнома.

Гном тут же заголосил:

— Я упаду! Я уже начал падать! Уберите меня отсюда.

— Потерпи, — сказал Голос. — Тебе недолго осталось здесь быть. Слушайте меня со всем доступным вам вниманием. Вы для меня — пылинки. Не более того. Но пылинки разумные и даже забавные. Сейчас вы стоите на конце вентиляционного хода. Такие ходы как капилляры проложены в толще земной коры самой природой с неизвестной мне целью. Они пронзают камень и почву и заканчиваются где-то недалеко от поверхности. Я не знаю точно, сколько вам надо будет подниматься, я не могу побывать там, ибо беспомощен за пределами моего мира. Но допускаю, что ничего страшного с вами не произойдет.

Сева попытался казаться человеком решитель-

ным и верным чувству долга. Он деловито спросил:

— А когда мы вылезем наверх, там далеко до начала трубы?

— Полагаю, примерно часа два ходу для человека нормального роста.

— Значит неделя для меня?

— Неделя для тебя. Но ведь ты сможешь снова стать человеком?

— Я должен найти шахту. Там мультипликатор, и там меня должен встретить Снежный человек.

— Снежный человек? — удивился Голос. — Человек из снега? Дед Мороз?

— Нет, это дикий человек, — сказал Сева. — Он так и не сумел превратиться из обезьяны в человека.

— Какая жалость! — воскликнул Голос.

— Сначала мне надо найти шахту, — повторил Сева.

— Надеюсь, это не так уж и сложно, — ответил Голос. — Как только вы выйдете из-под моей власти, наш друг Юхан снова примет свой прежний вид. И он отнесет тебя, куда следует.

— Обязательно! — воскликнул Юхан. — Только сделайте меня опять большим!

— Сейчас этого сделать нельзя — тогда тебе не долететь до верха. Ты станешь тяжелым и грохнешься обратно.

— Ах, так, — произнес Юхан и задумался. — Тогда, пожалуй, мы не будем спешить...

— Летите! Счастливого, — сказал Голос. — Полет будет нескорым, ибо вы будете реять подобно пылинкам в луче солнца.

Севу снова подняли в воздух.

Он уже не сопротивлялся и старался не бояться.

Впрочем, он и вправду не очень боялся.

Потому что если тебя всё пугают и пугают — буквально до смерти запугали, — то рано или поздно наступает момент, когда ты уже не в силах бояться. Устал трепетать. Ты просто ждешь, когда всё это закончится.

Сева поднял голову. Он оказался в туннеле, прямом и бесконечном. По крайней мере, луч его фонарика лишь гнал перед собой тьму.

В этом туннеле дул ветер. Сильный ветер, поднимавшийся вверх. Настолько сильный, что вырывал Севу из пальцев Голоса.

— Лучше не надо! — вопил где-то рядом гном, и голос его перекрывался ровным гудением ветра.

Вентиляционный канал, повторил про себя Сева. Но кто сделал и зачем — неизвестно...

— В путь... — прогудело в ушах.

Или показалось.

Но пальцы перестали держать, и Севу, как пылинку, понесло ветром вверх.

Сева надеялся, что этот ход пуст и прям до са-

мого верха. Иначе может так треснуть о выступ в стене или камень, что и костей не соберешь...

Поэтому Сева летел, прикрывая голову обеими руками.

Впрочем, пользы от этого было немного, потому что его, как пылинку, переворачивало и вертело воздухом.

Главное и самое неприятное заключалось в том, что путешествие казалось совершенно бесконечным. От бесконечности этой кружилась голова, даже немного тошнило.

Стало мутиться сознание...

И в тот самый момент, когда сознание куда-то окончательно исчезло, Сева понял, даже не глазами, которые, конечно же, были зажмурены, а затылком: стало светлее!

И с каждой долей секунды свет этот нарастал и нарастал.

И тут Севу выбросило из вентиляционного хода.

Выбросило в гущу бамбуков и банановых деревьев, финиковых пальм и кустов крыжовника...

Подбросило высоко над землей, а потом Сева рухнул вниз!

Больно, но терпеть можно...

Рядом — тут уж Сева открыл глаза, — на землю бухнулся гном.

И, конечно же, никаких банановых и финиковых пальм вокруг не оказалось — кругом, на

сколько хватало глаз, расстиралась покрытая кочками тундра.

А над головой ослепительно сияло Солнце.

А где же дырка в глубь Земли?

Сева с трудом поднялся.

Справа от него колебались стебли травы. Видно, там и есть выход...

Всё!

Путешествие закончилось!

Мы прилетели.

Мы выполнили просьбу Снежной Королевы Роксаны и ее дочки, нашей подруги принцессы-лягушки.

Вдруг стало темнее.

И Сева увидел, как гном Юхан стал увеличиваться.

Бедняга, подумал Сева, второй раз за один день меняет размер. Не позавидуешь. Впрочем, вот-вот и Севе надо будет возвращаться в свой прежний облик. Как хорошо! Оказывается, не все путешествия интересны и забавны, как поход от летнего лагеря до озера Светлого, с ночевкой в палатках и туристскими песнями...

Юхан стал громадным.

— Поздравляю, — крикнул Сева, потому что разница в росте уже была очень большая. Он и до колен-то гному теперь не доставал.

Глава шестнадцатая Комариная тундра

Юхан медленно поднялся.

Он был голым, потому что оставил одежду в Подземном мире. Ему было холодно, он переступал с ноги на ногу, но не замечал неудобства, потому что горел желанием высказать Севе всё, что о нем думает.

— Не спеши поздравлять, таракашка, — вымолвил гном, наклоняясь над Севой. — Придется тебе здесь остаться. Ничего дурного я тебе не желаю, но я не верблюд, чтобы таскать тебя на себе. Мне ж идти придется вон до тех холмов, да еще через них переваливать. Я всё рассчитал — ведь шахта там?

— Не помню, — сказал Сева.

Он стоял спокойно.

Он сильно изменился за эти дни. Сейчас это

был уже не тот мальчик, что бездумно бегал по летнему лагерю. Он столько всего повидал, что обыкновенному человеку и не снилось.

— Конечно, — произнес гном Юхан и грязной пятерней почесал круглый животик. Не так уж он, видно, голодал в своей золоченой клетке, если остался таким упитанным. — Конечно, — повторил он, — самое разумное — наступить на тебя, паршивец, и с глаз долой. Но я такой добрый, ты не представляешь...

— Почему ты меня бросаешь?

— Потому что только я знаю, где находится Подземный мир. И дешево я свои знания не отдам!

— Но мы же с тобой обещали Голосу узнать, откуда идет труба с мертвой водой!

— Я ничего не обещал. Это ты суетился. Даже если из этой трубы каждый день будет вода литься, я беднее не стану. Городу троллей ничего не угрожает — конец трубы теперь далеко внизу. Так что мы еще увидим сундуки с алмазами!

— Ты подлец, Юхан, — спокойно сказал Сева.

— Для кого как! Для себя я — сущий ангел.

Юхан стоял, сложив руки на животе, и не спешил уходить, словно оставил главную новость на закуску.

Так и есть!

— Трусись, ребеночек? — сказал он. — А если узнаешь правду, то от страха обгадишься.

Сева молчал. Он понимал, что Юхан не шутит. У него на самом деле в запасе какая-то мерзость.

— Сейчас я тебя покину, — вымолвил гном. — А на тебя набросятся самые настоящие чудовища, самые настоящие вампиры. Они покончат с тобой за несколько минут. Так и кончатся твои подвиги! А памятника ты не дождешься — кому нужна твоя сухая шкурка?

И тут гном расхохотался, как будто стоял на сцене и изображал Бармалея. Повернулся и уверенно пошел прочь.

Что за вампиры?! Мы же не в царстве Кощея, а посреди Кольского полуострова. Вокруг обыкновенная Земля, где в жизни никаких вампиров не водилось!

И, словно в ответ на Севины мысли, вдалеке зародился какой-то гул, — зародился и стал быстро нарастать, будто к Севе несся мотоцикл без глушителя.

Что это? Вампир пикирует с неба?

Гном оказался прав. У Севы как-то вылетело из головы, что он мал, и обычный комар для него страшнее ядерного бомбардировщика. А сколько их в тундре?! Только представьте, на вас несется гигантский комар, плотоядно выставив вперед, как рыцарь копье на турнире, свое жало.

Сева едва успел выхватить меч, как раз размером с это самое жало, и ударил им по комару.

Комар от неожиданности ринулся в сторону и промахнулся.

Но на Севу уже мчался второй кровосос.

Комары были не одни, на Севу дружно наки-

нулись и какие-то насекомые помельче. Один из них — судя по виду, полярный гнус! — умудрился ужалить Севу в плечо, и тот увидел, как наливается кровью насекомье брюшко.

Сева с трудом сбросил гаденыша, тот свалился на землю, но его место поспешил занять другой мерзавец.

И Сева понял, что гному не было смысла убивать его. Ведь если завтра здесь найдут обескровленную шкурку Севы, досуха высосанного комарами и гнусом, то никто дурного о Юхане не подумает.

«Мы шли и потерялись в пути».

«Я искал Всеволода, но не нашел».

И еще будут сочувствовать — друга потерял!

Эти мысли пронесли в голове как молнии.

Никогда еще Севе не приходилось так туго.

Страшно, больно... и безнадежно.

От меча проку было мало...

Сева схватился за край сухого осинового листа, валявшегося рядом, и попытался залезть под него, как под щит. Но какой-то гад подкрался сбоку...

Сева постарался закопаться в землю под слой слежавшихся прошлогодних листьев, но комары и гнус, как будто заранее зная обо всех его хитростях, ловко находили дырки и лазы в его ненадежном убежище.

В ушах звенело, да и шуму было немало — гудение насекомых, шуршание листьев, собственное дыхание и проклятия...

— Ура! — он пронзил мечом комара.

— Вот тебе! — отогнал еще одного.

— Ох ты! — раздавил гнуса...

Но всё это были лишь временные победы, потому что Сева уже стал уставать, а, может, начала сказываться потеря крови.

И тут он услышал новый звук.

Звук становился всё громче.

Еще один комар?!

Шум и стрекотание превратились в грохот.

Сева понимал, что этот новый шум ему не поможет: еще несколько минут неравного боя — и он, обессиленный, упадет замертво. Ведь число врагов — миллион. На смену павшему вампиру тут же придут десять новых.

Но настоящий мужчина сражается, пока есть последние силы.

Шум оборвался.

И тут особо подлый комар, вцепившись лапами Севе в щеку, рот и висок, укусил его под глаз.

Сева яростно отбивался от комара, но комар был большой и упорный...

Поэтому Сева, в отчаянии от проигранного боя, не услышал, как к нему подошел кто-то такой большой, что застил дневной свет.

Перед Севой уселся на корточки человек, аккуратно подхватил его пальцами и поднял к своему лицу. Осторожно и быстро очистил от кровососов...

— Ты знаешь, — сказал пилот Гарри Коллинз,

который никогда не снимал старинного летного шлема и квадратных очков, которые летчики называют консервами, — тебя под этими убийцами даже не было видно. И если бы не сигнал локатора, я бы тебя никогда не нашел. Ты не возражаешь, мой юный друг, если я временно помещу тебя в карман? Боюсь, что тебе потребуется помощь врача...

Сева попытался кивнуть, но, видно, и на самом деле крови в нем оставалось совсем немного.

Гарри Коллинз бережно посадил Севу в верхний карман кожаного реглана, так что только голова торчала наружу.

— Я каждый день летал над этой местностью в надежде услышать маячок, — сказал летчик, поднимаясь. — Я тебе должен сказать, что после смерти у меня отлично развилась интуиция.

От слабости у Севы слипались глаза, однако он помнил — главное, рассказать о мертвой воде!

Как сквозь сон он услышал, как заработаларация:

— Снежный? Я его нашел. Посылай людей за мультимпликатором!

Глава семнадцатая

Возвращение к друзьям

Сева очнулся от звука голосов.

— И пускай немедленно сварят клюквенного сиропа — не жалейте сахара. Мальчику нужны витамины!

Это был голос Королевы. Он доносился откуда-то сверху, как с неба.

— Он в бреду, — раздался голос Гарри Коллинза, — всё время повторял что-то о мертвой воде и какой-то трубе. Говорил, что ее вкручивают в землю где-то здесь поблизости. Это его беспокоило.

— Здесь поблизости ничего нет, только фабрика игрушек, — слышался голос Деда Мороза Нильса. — Называется «Малютка-супер» и принадлежит какому-то благотворительному Фонду. Но больше о ней ничего не известно.

— Какие еще игрушки в тундре? — удивилась Королева.

— Никто их никогда не видел, — слышался голос Кристины.

— Странно, — сказала Королева. — Почему это никого не насторожило? Фабрики детских игрушек выпускают детские игрушки — это само собой разумеется. А если они выпускают дедонаторы или морские мины, значит, это не настоящая фабрика игрушек.

Короткая речь Королевы завершилась бурными аплодисментами. Видно, мужья, дочери и придворные Снежной Королевы остались довольны мудростью своей повелительницы.

— Известно ли, кто работает на фабрике? — спросила Королева.

— Там есть директор, Кох Василий Фридрихович, — пропищал какой-то домовой. — А остальные на фабрике роботы.

— Все остальные?

— Без исключения. Сделаны на Тайване по особому заказу.

— А этот, как его... Кох?

— Тоже сделан на Тайване, но сам об этом не подозревает.

— Катастрофа! Неизвестная и подозрительная фабрика у нас под боком! Придется мне разогнать всю разведку, начиная со Снежного человека. Подай, дружок, в отставку.

— Я готов, — мрачно прогудел Снежный человек. — Я виноват, что занялся другими делами...

— Ладно, я пошутила. Всё равно у меня нет никого лучше тебя.

— А Юхан не приходил? — Сева открыл глаза. Наступила гробовая тишина.

А в следующее мгновение поднялся страшный шум!

Оказалось, что Сева лежал на коленях у Снежной Королевы. Она подхватила Севу на руки, прижала к мраморной, пахнущей свежими морозными духами, щеке и принялась целовать его распухшее лицо.

При этом повторяла:

— Ну ты же сам на себя не похож! Как же это случилось?

— Как случилось? — с трудом переспросил Сева. — Этот гном Юхан бросил меня в тундре на выпивку вампирам.

— Какой еще гном? — возмутилась Королева. — Какие такие вампиры?

— Мама, ты ничего не понимаешь в жизни! — заявила царевна-лягушка и выхватила Севу из маминых рук. — Для Севы комар хуже собаки!

Кристина гладила Севу, а ему было больно, потому что всё тело распухло от укусов. Но он терпел и не смел признаться, что ему больно. И, представьте только, Кристина так расчувствовалась, что разревелась! Слезы капали из ее глаз на Севу.

Вам когда-нибудь поливали соляным раствором открытые раны?

Спас Севу Дед Мороз Нильс, который сказал:
— Положи Всеволода на стол. А то герой, которого подземелье не смогло одолеть, помрет от твоих ласк.

Кристина обиделась, но подчинилась.

— И в самом деле! — взяла реванш Снежная Королева. — Тебе никого нельзя доверять. Придется тебя выпороть.

— А ты только попробуй, мамочка! — откликнулась Кристина. — Я сразу сообщу об этом инциденте мой тетушке королеве Великобритании. И мне очень интересно будет посмотреть, в каком несчастном виде ты будешь выглядеть в Европейском Союзе!

Королева Роксана зашипела как десять кобр, но никто ее на этот раз не испугался.

Сева сидел на столе, а Снежный человек открыл баночку с мазью, которую используют в Гималаях для лечения боевых ран. Он берег эту мазь для особых случаев.

И что удивительно — Севе почти сразу полегчало!

Кристина склонилась к нему. Рыжая прядь упала Севе на плечо. Прядь была тяжелой и теплой.

— Я готова влюбиться в тебя, — сказала она, — даже если ты останешься таким же маленьким.

— Не спеши, принцесса, — сказал Нильс. — Он еще не рассказал нам о своем путешествии.

— С самого начала? — спросил Сева.

— Можно и с самого конца, — разрешил Гарри Коллинз, — с того момента, когда я подобрал в тундре твою сухую шкурку.

Вошла маленькая горбатая старушка с таким длинным носом, что его кончик доставал до подбородка. Она принесла Севе наперсток с горячим напитком.

Это была дворцовая колдунья, специалистка по снадобьям и заговорам. Сева выпил наперсток до дна и сразу почувствовал, что готов снова отправиться в путешествие.

Так что он поднялся на ноги.

А вокруг стола, на котором он стоял, столпились придворные, Деда Морозы, снегурочки и морозики разного возраста, а также несколько домовых, не считая эльфов и фей.

Всем было интересно.

И тогда Сева рассказал о своем путешествии, о гноме Юхане, о мертвой воде и гибели города троллей, о Голосе, который правит Подземным миром...

Он говорил целый час, и колдунья принесла еще три наперстка, без них Севе, конечно бы, не выдержать.

А когда Сева закончил свой рассказ, посыпались вопросы, градом и поодиночке. Чтобы не запутаться, Дед Мороз Нильс дирижировал вопросами и сам задавал их больше всех.

Мнения о том, что случилось с гномом Юханом, разделились.

Нильс решил, что он проберется на фабрику игрушек и предложит Коху свои услуги.

Кристина выразила надежду, что Юхана там убили, чтобы не путался под ногами. А пилот Гарри Коллинз заявил, что Юхана, наверное, закусали до смерти комары, туда ему и дорога.

Когда Сева рассказывал о Голосе, Кристина спросила маму:

— А почему я никогда о нем не слышала? Он ведь тоже, наверное, благородного происхождения?

— Наш дальний родственник, — ответила Королева Роксана. — С ним связана темная история.

Она не хотела дальше рассказывать, но все стали просить Королеву, и она сдалась:

— Это случилось давным-давно, при Юлии Цезаре. Голос тогда был римским легионером и знаменитым воином. Но случилась беда — он съел то, что есть не положено, и стал невидимым. И его невеста, родная сестра египетской царицы Клеопатры, отказалась выходить замуж за невидимого римлянина. С горя он взял свой мешок с походными сухарями и ушел в глубокие темные подземелья, где совершенно всё равно, видимый ты или невидимый... А может быть, это сказка.

Все помолчали, потому что сочувствовали несчастной любви, а Снежный человек попросил

Севу указать на плане место, где проходит труба.

Сева показал и пояснил:

— Конец трубы выходит из неба Подземного мира, но немного не доходит до тамошней земли. То есть, как только мертвая вода хлынет из трубы, она там разольется и всё погубит. Если же воды будет много, то вместо Подземного мира получится мертвое озеро.

— Значит, кому-то очень нужно, чтобы на Земле никто не узнал, что они делают мертвую воду, — сказала Королева.

— Как так делают? — удивился Гарри Коллинз. — Из чего ее можно делать? Кому это выгодно? Да и вообще мертвой воды не бывает, потому что не бывает воды живой!

— Любопытное наблюдение, — сказал Нильс. — Может, в нем и заключается разгадка тайны?

— Голос очень просил узнать, откуда течет мертвая вода, — оказал Сева. — Кто ее придумал, и как тех людей остановить.

Снежный человек медленно водил пальцем по карте. Затем сказал:

— Нет никакого сомнения в том, что мертвая вода вытекает из фабрики игрушек, и труба начинается на этой фабрике.

— Значит, временно мы откладываем все разговоры об Убежище и Подземном мире. Если не остановить мертвую воду, наше Убежище будет просто кладбищем, — изрекла Королева.

— Немедленно организуем экспедицию на фабрику игрушек, — сказал Нильс. — Посылаем туда гномов, эльфов, домовых — всех!

— Молодец, отчим, — одобрила Кристина. — Соберем всех, кто поглупее, и пускай они бегают по фабрике у всех на виду и задают глупые вопросы.

— Ты права, — сказал Сева.

Он устал, ноги подкосились, и он снова уселся на стол.

Королева присмотрелась к Севе и гневно воскликнула:

— Где мультимпликатор? Сколько можно мучить моего рыцаря? Почему его до сих пор не вернули в нормальный облик? А ну-ка, немедленно поместите его в этот проклятый чемодан, а потом пускай он поспит минут тысячу на медвежьих шкурах!

— погоди, Королева, — остановил ее горячую речь пилот Коллинз, — боюсь, что нам снова не обойтись без помощи Всеволода.

— Отстаньте от него! — взмолилась Кристина.

— Нам нужно послать на фабрику незаметного шпиона, — сказал Коллинз.

— А какого шпиона не заметят? — спросила Королева.

— Меня? — догадался Сева.

— У тебя больше шансов, — согласился Снежный человек.

— Ни в коем случае! — Кристина схватила

Сева и прижала к груди. И Сева услышал, как быстро и гулко бьется ее сердце. Просто оглушительно бьется!

Сева сразу же забыл, что еще так недавно боялся умереть, он забыл о комарах и мертвом городе, он опять почувствовал себя рыцарем и совсем не думал о том, что девушка на самом деле держит его в ладошке, чтобы не помять.

— А что такого! — воскликнул героический Сева. — Что мне стоит проникнуть и всё разузнать?

Все захлопали в ладоши, потому что в сказочном мире при всех его недостатках очень высоко ценится отвага, даже выше, чем хитрость и сила.

И хоть Кристина всё еще сопротивлялась и спорила, Роксана согласилась с советниками и мужьями, что дорога каждая минута, а придворный портной Ахаль, которого, правда, никто сюда не приглашал, но присутствию которого никто и не удивился, закричал:

— Bravo! Виват! Я тоже пойду в их логово! Только покажите, куда идти!

Он так прыгал, что уронил на пол свой сотовый телефон, но никто не обратил на него внимания, потому что сотовых телефонов в сказочном королевстве не признают, не используют и даже не знают, как они выглядят.

Портняжка схватил телефон с пола, а Сева, который обратил на это внимание, подумал, что

надо будет попросить его позвонить ребятам в лагерь.

Но Снежный человек прервал Севины мысли.

— Сейчас ты отдохнешь, — сказал он, — поспишь часа два-три, примешь теплую ванну в горячем газированном источнике и как следует поешь. А потом мы отправимся в полет.

На том и порешили.

Сева, оказывается, рад был заснуть, потому что силы совсем оставили его, и он не помнил и не чувствовал, что Королева Роксана сама вымыла его как куколку, но Кристину выгнала, потому что мальчика надо было раздеть, а Королева не желала, чтобы ее любимая дочка своими руками купала совсем голенького человеческого мальчика.

Так принцессы себя не ведут.

Между тем королевский придворный врач, колдун Германиус, был призван к постели больного и предложил немедленно поставить Севе пиявок и пустить кровь.

К счастью, Королева Роксана знала, что других средств врач не признает, и держала его при дворе только потому, что его отец и прадедушка были лейб-лекарями и лично свели (то есть, проводили) в могилу нескольких королей и королев. Поэтому она приказала Снежному человеку из особых запасов выдать лекарю бутылку Рижского бальзама, а врач Германиус покачал высоким черным колпаком и сказал:

— Нет, не жилец ты, юноша, не жилец...

— Значит, будет жить, — с облегчением вздохнул Нильс, который имел возможность наблюдать за деятельностью лекаря уже восемьдесят лет.

А Сева спал без задних ног, и сны его были нервными, но веселыми.

Он бегал наперегонки со Снежным человеком, сражался на мечах с Кощеем бессмертным и спасал из пасти полярного крокодила свою подругу Лолиту.

Глава восемнадцатая

Голый шпион на фабрике

На двенадцатом подземном этаже фабрики детской игрушки «Малютка-супер» Георгий Георгиевич Полотенец отдыхал в обществе прекрасной секретарши Элины Виленовны.

Слово «отдых» не совсем подходит для того, чтобы определить состояние президента Международного Унитарного Фонда Развития. Он был напряжен и взволнован, тревожась за успех грандиозного опыта. Конечно, по масштабу научного значения открытие Академика Сидорова было достойно Нобелевской премии, но его последствия были столь опасны для всей Земли, что Нобелевский комитет лучше пока было не беспокоить.

Георгий Георгиевич, называвший сам себя конкретным человеком и джентльменом двадцать первого века, понимал, что на этом свете че-

ловеку нужны только власть и деньги. Одно без другого — чепуховина. Когда Георгий Георгиевич учился в школе, он побаивался сильных ребят в классе и научился их подкупать. Оказалось, что сильные тоже хотят сладенького. Он научился натравливать одних сильных на других. И чем лучше он учился управлять людьми, тем богаче становился. И скоро стал самым богатым мальчиком в школе. Его не любили, но не смели сказать об этом. И когда самый сильный в девятом «Б» Коля Свистунов захотел навести свою справедливость, Гоша не стал с ним спорить. Он покорился ему и отдал свой японский плеер. А по дороге домой на Колю напали плохие сильные дети из соседней школы, побили его, а плеер возвратили Гоше. И это был последний бунт неорганизованных свободолюбцев.

История жизни Георгия Полотенца нам неинтересна, тем более что наш рассказ начинается, когда Георгию Георгиевичу уже стукнуло тридцать девять лет, и он любил говорить: «Иисуса Христа я пережил на шесть лет, Пушкина, — на два года. Теперь осталось пережить Льва Толстого, а потом можно и на пенсию». Для тех, кто много болел в школе, я сообщу, что в день смерти Льву Николаевичу Толстому было восемьдесят два года.

Но Георгий Георгиевич лукавил. На стене в его спальне был прикреплён портрет императрицы Елизаветы, мамы царствующей императрицы Ве-

ликобритании. Ей тогда уже исполнилось сто два года, а она и не собиралась умирать. Правда, как раз в те дни, когда Георгий Георгиевич был занят подготовкой к великому эксперименту по омолаживанию Академика Сидорова, она всё-таки умерла, но Георгий Георгиевич об этом не узнал, так как телевизора не смотрел, а газет не читал. Некогда!

Отдыхал Георгий Георгиевич так:

Он расколол взятую с собой в командировку копилку, которой ему служил череп мамонта, и считал монетки, а Элина Виленовна, которая, как и ее шеф, обожала вид, блеск и даже вкус монет, записывала сумму в столбик.

Оба прислушивались к шуму за стеной.

Там громко капало.

— Накапливается вода, — сказала Элина Виленовна. — И с каждой каплей становится моложе и чище тело нашего друга Академика Сидорова!

Георгий Георгиевич выбрал из кучки монет памятный рубль, посвященный Московской Олимпиаде 1980 года, и сказал:

— Эту монету мне подарила жена. На день рождения. Как молоды мы были! А знаешь ли ты, что мы с Аглаей сидели за одной партой и я списывал у нее все контрольные по русскому языку и литературе, зато по математике мне равных не было в классе.

— И вы давали ей списывать? — спросила Элина Виленовна.

— Дудки! — воскликнул Георгий Георгиевич. — Зачем же я буду давать списывать? Это же аморально.

— Она на вас за это не обижалась? — спросила Элина Виленовна.

— Стала бы обижаться, я бы пересел за парту к Кате Загорной.

— Ну и мерзавец же вы были с детства! — воскликнула Элина Виленовна. — Даже диву даешься! На вид вы такой круглый, толстенький, мягкий, а на самом деле в вас сидит большой ржавый гвоздь.

— Сама, небось, с детства отличалась качествами характера? — буркнул обиженный Полотенец.

— Я? Только в лучшую сторону! Ничего подлее иголок в учительском стуле или залитого тушью классного журнала я не делала. Я хотела учиться, я хотела стать диктором телевидения или чемпионкой мира по кикбоксингу. У меня были мечты...

Георгий Георгиевич хотел было возразить, но, к сожалению, в конце романа не остается места для воспоминаний. А стук, который вернул наших героев к действительности, касается и читателей. Потому что в подземный кабинет господина Полотенца мягкой походкой вошел гражданин-мальчик Ванька Каин.

— Что стряслось? — спросил Георгий Георгиевич и накрыл лапами пиджака монеты на столе,

потому что был очень жадным человеком и всегда боялся, что его обворуют.

— Наша тайна раскрыта! — отрапортовал начальник службы безопасности. — Они в нее проникли!

— Спокойно, мой мальчик, — Георгий Георгиевич уже привык, что его подчиненные склонны преувеличивать опасность. На самом деле, полезнее постоять, подумать, а уж только потом улепетывать. — Рассказывай, что произошло?

— Некий мальчишка вернулся из Подземного мира.

— Мальчишка, говоришь? — Георгий Георгиевич быстро рассовал по карманам мелочь. — Откуда мальчишка?

— Из Москвы. Всеволод Савин. Мы о нем уже слышали. Он верит в сказки и лобызался с царевной-лягушкой.

— Вспомнил, — сказал Полотенец. — Он обижал моего единственного сына и наследника! Приказываю немедленно утопить его в мертвой воде.

— Его еще здесь нет.

— Где же он?

— Он вернулся к Снежной Королеве, которая посылала его искать подземный мир.

— И он, ты говоришь, нашел?

— Нашел.

— А почему его не ликвидировали? — Георгий

Георгиевич поднялся на ноги, монеты в его карманах громко зазвенели.

— Его не поймали.

— Плохо ловили. Ликвидировать всех, кто ловил.

Гражданин Каин вздохнул, потому что знал, когда надо принимать слова шефа всерьез, а когда лучше пропустить их мимо ушей. Он подождал, пока Георгий Георгиевич выпустит пар, и ответил:

— Его никто не видел.

— Каин, — вмешалась в разговор Элина Виленовна. — Не вешай мне лапшу на уши! Мне всё время доказывают, что в Подземное царство попасть нельзя, потому что туда ведут такие узкие ходы, что наш дорогой магистр Проникла с трудом протиснулся. Так где же правда?

— Не могу знать. Но мальчишку уменьшили, — сказал Каин.

— Как уменьшили?

— Это долгая история, — сказал Каин. — Королева Роксана достала мультимпликатор!

— Мультимпликатора не существует! — разъярилась Элина Виленовна. — Его Кир Булычев придумал для космических пиратов!

— Что есть, то есть, — скромно возразил гражданин Каин, после чего Элина Виленовна схватила гражданина Каина за ухо и дернула.

Каин обиделся и стукнул Элину Виленовну под дых.

Элина Виленовна выпустила когти и кинулась

выцарапывать ему глаза, но Каин спрятался под стол, а Георгий Георгиевич остановил драку и сказал:

— Узнать, что он там раскопал. Наверное, врет.

— Нет, — ответил Каин. — Мой человек в ближайшем окружении Королевы Роксаны только что доложил, что Савин вернулся и докладывает Королеве...

— Прекрати называть ее Королевой! — завопила Элина Виленовна. — Ты что, не знаешь, что она самозванка и не имеет никакого права на трон?!

— А кто имеет? — спросил Каин.

Он сидел под столом, и Элина Виленовна не могла до него добраться. Она просто визжала и носилась вокруг стола. А Георгий Георгиевич смеялся как дитя, потому что он всегда смеется как дитя, если кто-то рядом бессильно злобствует.

— Значит, никаких сомнений? — спросил Георгий Георгиевич. — Надо бы этого мальчика того... он мелкий, наверное?

— Крайне мелкий.

— Этого мальчика надо немедленно добыть.

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и вбежал робот-охранник.

— Господин Полотенец! — воскликнул он. — Новость!

На роботов Полотенец не кричал — зачем кричать, если они не могут замышлять заговоров.

— Выкладывай.

— Мы поймали шпиона.

— Здесь? Как он проник?

— Он даже не успел проникнуть. Он шел по тундре и отбивался от комаров. Он был совершенно голый. Представляете?

— Не задавай мне вопросов, — оборвал робота Полотенец. — Почему он голый?

— Разве догадаешься? Может, это хитрость наших врагов?

— Веди его сюда.

— Но он совершенно обескровленный!

— Вот его и надо допросить, пока обескровленный. Вам-то он ничего не сказал?

— А у него даже язык распух.

— Давай-давай!

Пленника держали за дверь. По знаку охранника его ввели, и Георгий Георгиевич воскликнул:

— Так это же гном! Да мелкий какой!

Гном Юхан ошибся.

Он рассчитывал, что Сева погибнет от комариных укусов, потому что при маленьком росте и недостатке крови ему до жилья не дойти и спрятаться в тундре негде.

Севу, как известно, спас летчик Коллинз, а вот гном вместо заброшенной шахты, о которой и представления не имел, отправился к фабрике детской игрушки «Малютка-супер».

И идти ему было километров пять!

А за пять километров комары могут обескровить даже большого и одетого человека. А ведь гном-то, мало того, что был невелик, да еще и голый! Увеличиться-то он увеличился, но одежде его осталась в подземном мире.

Гном Юхан не дошел до проходной фабрики шагов сто и упал.

Он лежал беленький на серой земле, и роботы-охранники сразу заметили его и внесли в комендатуру фабрики для допроса.

Но из этого ничего не вышло, потому что Юхан потерял дар речи.

Когда Юхана втащили в кабинет господина Полотенца, Элина Виленовна сразу же приказала роботу:

— Выдать ему штаны!

— У нас здесь нет лишних штанов, — ответил робот.

Элина Виленовна поглядела на Каина.

Но Каин твердо ответил:

— У меня только одни штаны.

Элине Виленовне было интересно послушать, что будет говорить шпион, но глядеть на него ей было противно.

Поэтому она отвернулась от пленника, но слушать стала.

— Имя, фамилия, полк, дивизия, имя командира! — воскликнул Георгий Георгиевич, который решил начать допрос по-военному.

Гном медленно сел на пол, ноги его не держали.

— Водку пьешь? — спросил его Полотенец.

— И коньяк тоже, — ответил гном. — Только если бесплатно.

Гражданин Каин открыл стенной шкаф. Там стояли пишущие машинки, лежали гранаты и пистолеты, а также хранилось много бутылок с напитками. Из одной бутылки он налил в стакан и понес гному.

Гном долго вздыхал, нюхал, пальцы у него дрожали.

— Эх, — воскликнул он наконец, — видит Бог, я не хотел...

Он опрокинул стакан к себе в пасть, водка пробулькала ему в глотку, и гном замер.

— Сейчас заговорит, — сказал Полотенец.

— Не только заговорю, — ответил гном Юхан, — но и с подробностями.

И он рассказал всё, что знал.

И даже больше, потому что был вруном.

Глава девятнадцатая

Гусь к вашим услугам!

Бывший секретный полигон по испытанию биологического орудия, а нынче фабрика детской игрушки «Малютка-супер», представлял собой низкое здание размером с футбольное поле под плоской бетонной крышей, на которую еще много лет назад была насыпана земля, высажены елки и березки. Но ни елки, ни березки не пожелали жить и расти на этой крыше — видно, изнутри просачивались какие-то вредные испарения. Поэтому крыша была покрыта сухими сучьями и палками, а если на нее посмотреть сверху, то маскировка не получалась — сухой мертвый квадрат был виден даже из космоса. На секретных американских картах возле этого квадрата было написано «Бывший испытательный полигон. Опасности не представляет». Вот так бы-

вает: умные, наблюдательные, техники по горло, а фабрику деткой игрушки разоблачить не сумели!

Вокруг главного корпуса располагались разные строения и склады, но основная жизнь полигона происходила теперь под землей — по туннелям и переходам гоняли тележки и вагонетки, по трубам и лоткам текли вредные жидкости, а по зеленым спецтрубам — мертвая вода, которая проходила сквозь приборы и емкости, накапливалась в особых керамических сосудах и стекалась к цистерне, из которой, когда ее накопится достаточно, она хлынет вниз, к Подземному миру, чтобы его погубить.

Но всего этого американцам увидеть не удалось, впрочем, как и в Москве: даже в тех организациях, которым положено всё знать о мертвой и живой воде, представления не имели об изобретении Академика Сидорова и замыслах Фонда под руководством господина Г.Г. Полотенца.

За последние дни Сева увидел немало удивительного и познакомился с необычными существами. Но меньше всего он ожидал новой встречи.

А встреча эта случилась после того, как он проснулся, вымылся, похлебал горячего наваристого бульона и вышел в комнату, где его поджидал Снежный человек.

— Ты готов? — спросил Снежный человек.

— Как пионер, — сказал Сева.

— Тогда отправляйся в полет.

— С Гарри Коллинзом? — спросил Сева.

— Ты что, хочешь, чтобы тебя увидели все, кому это не положено? Ты можешь себе представить, что они подумают, если к полигону подлетит его самолетик?

— Значит, я полечу на птице Рокк! — догадался Сева.

— Может, и красиво, — усмехнулся Снежный человек. — Но прикинь, если к ним подлетит птица Рокк, разве они не насторожатся и не подумают: что это за птичка снижается к нам? Может, она принесла на загровке шпиона по имени Всеволод Савин?

— Ну, хорошо, хорошо, — согласился Сева. — Ты прав. Но я не представляю, как туда добраться. У них же вокруг наверняка охрана поставлена!

— Ты абсолютно прав. И это значит, что тебе надо попасть до них самым обыкновенным способом, чтобы не вызвать никакого подозрения.

— Пешком, что ли?

— Это у тебя месяца два займет, — усмехнулся Снежный человек, — а у нас времени-то всего до вечера... или до следующего утра.

— Ну, скажите!

Снежный человек хлопнул в ладоши.

Кто-то толкнул дверь в комнату, она открылась, и в комнату вошел большой белый гусь.

Он сделал несколько шагов и остановился, глядя на Севу.

— Знакомься, — сказал Снежный человек, — это гусь Мартин, известный сказочный герой. Ты наверняка читал...

— Путешествие Нильса с дикими гусями! — воскликнул Сева.

Гусь наклонил голову.

Он был полон гордого достоинства.

— Мы попросили уважаемого Мартина, — продолжал Снежный человек, — отвезти тебя на фабрику игрушек. Надеюсь, никто не обратит на вас внимания. Сейчас разгар лета, и в тундре немало разных птиц.

— А мне эта идея нравится! — воскликнул Сева.

Гусь склонил голову, чтобы Севе было удобнее взобраться. Кто-то предусмотрительно закрепил веревку на шее гуся, чтобы пассажиру держаться за нее, как за вожжи.

— Доверься Мартину, он всё знает и понимает, — сказал Снежный человек.

Сева легонько похлопал ладонью по шее гуся. Он не был уверен, что гусь почувствовал эти хлопки, но Мартин словно ждал его команды и вперевалку пошел из комнаты. Сева поудобнее уселся у него на плечах, а когда, выйдя наружу, гусь побежал по земле, разгоняясь как тяжелый самолет, Сева наклонился вперед и прижался щекой к мягким гладким перьям.

Гусь поднялся в воздух. В Севу ударила упругая стена ветра, и это было даже приятно, потому что кожа Севы всё еще горела и саднила от укусов.

Мартин летел невысоко над землей, а, подлетев к гряде холмов, и вовсе снизился. Сева понял, что гусь знает, куда лететь, и даже понимает, как туда добраться. Впрочем, чего удивляться, это же не гусь с обычной фермы, это знаменитый Гусь, о котором написана великая книга. Интересно, умеет Мартин разговаривать, или Сельма Лагерлёф всё выдумала? Вроде бы в сказке он был ворчуном. Сева решил попробовать, проверить. Всё равно делать нечего..

— Простите, — крикнул он, — нам еще долго лететь?

Гусь ответил не сразу.

И не так, как Сева ожидал:

— Тебе что, по-маленькому спуститься нужно? — спросил он. — Ты честно говори, не стесняйся.

— Да нет, не в этом дело...

— Смотри, если в этом дело, то лучше признайся. А то один мальчик испугался, а сказать об этом не посмел. Вот всё и кончилось... я летел весь мокрый, а его пришлось сбросить на Землю.

— С такой высоты?

— А что делать? Где гарантия, что он не сделает так снова?

Гусь замолчал, а Сева так и не понял, шутит он или всерьез когда-то скинул своего наездника. Но наверняка это был кто-то другой, не Нильс, пото-

му что о Нильсе известно, что он благополучно возвратился домой.

Впереди показалась высокая ограда. Колючая проволока, по углам территории стояли пулеметные вышки и на них неподвижные фигуры.

— Роботы, — заметил гусь, — стреляют без предупреждения и без промаха.

Он перелетел через проволоку и взял курс к задней стене главного корпуса.

Опустился на редкую траву, как раз между двух моховых кочек.

— Я буду летать по соседству, устану, пришло кого-нибудь еще из нашей стаи. Так что запомни вот эту палку, видишь? С белой тряпицей. Сюда возвращайся и никуда ни шагу. Понял?

— Спасибо, — ответил Сева.

— Справа от тебя задний вход в главное здание, — сказал Мартин. — Люди и роботы там часто ходят. Постарайся проскользнуть так, чтобы тебя не заметили. Сможешь?

— Постараюсь.

Сева не обижался, что Мартин его учит. Гусь был его товарищем. Они вместе пошли в разведку. И задание у них общее.

Гусь отошел в сторону. Он делал вид, что щиплет травку.

Сева остался один. Он стоял между двух кочек и смотрел вслед Мартину, пока тот не исчез из виду.

Тогда Сева направился к входу на полигон.

Он шел вдоль бетонной дорожки, старой, давно не чиненной, в трещинах и выбоинах. Через некоторые выбоины приходилось с разбега прыгать.

Один раз на него чуть не наступил робот. Но робот шел по делу и не обратил внимания на разведчика.

Вот и дверь!

К счастью, она была приоткрыта.

Порой хорошо быть ростом с пальчик.

Сева проскользнул внутрь здания фабрики.

Он остановился. Надо было решить, где искать начальника этого полигона, где они производят мертвую воду...

Глава двадцатая

Лазутчик под столом

Сева стоял в обширном холле, из которого в три стороны вели коридоры. Из правого коридора вышел робот. Он нес поднос с четырьмя кофейными чашками и кофейником.

Для разведчика этого было достаточно, чтобы понять: четыре человека собираются пить кофе. И вряд ли это охранники или солдаты — нечего роботам распивать кофе!

Сева припустил было за роботом, как вдруг услышал сзади крик:

— Кого я вижу! Мальчик-с-пальчик! Прямо как в сказке! Ты как сюда попал, негодный мальчишка?

Сева обернулся.

Следом за ним топала, переваливаясь, как перекормленная утка, неопрятная старуха. Сева, конечно же, не знал, что ее называют Кассандрой, и

она всё время что-нибудь плохое предсказывает, но испугался настолько, что кинулся со всех ног к правой двери, откуда только что вышел робот.

— С ума сойти! — верещала следом старуха. — Это добром не кончится! Мальчик сломает ножку. Ты слышишь меня, сорванец, ты ножку сломаешь!

Сева мчался по коридору и тут увидел лестницу, узкую, с бетонными ступенями. Внизу была металлическая дверь со штурвалом вместо ручки. Она тоже была прикрыта — но для нормальных людей, не для мальчиков-с-пальчик.

Сева протиснулся в следующий коридор.

И тут, несмотря на то, что его сердце оглушительно стучало, пытаясь выпрыгнуть из груди, Сева услышал голоса. Они доносились из-за двери, которая замыкала собой этот короткий коридор.

Сева так мчался от крикливой бабки, что не подумал, увидят его или нет — лишь бы спрятаться.

Впереди был стол.

Ножки его поднимались как квадратные стволы деревьев.

Вокруг стола на стульях сидели люди.

Сева кинулся под стол и присел, прижавшись спиной к ножке стола.

Сева решил, что сейчас его схватят — не может быть, чтобы его не заметили!

Он даже глаза зажмурил, ожидая разоблачения.

Но никто не спешил его разоблачать.

Разговор продолжался.

И Сева узнал голос мерзкого гнома Юхана.

— Когда мы выбрались на поверхность Земли, — говорил гном, — я стал думать, как бы мне вырваться из власти этого гадкого тирана, но не с голыми руками, а с трофеями.

Гном захихикал.

— Говори, говори, не задерживайся, — слышался тонкий быстрый голос.

Севе не было видно, кто это говорит. Но он знал, что такие голоса бывают порой у толстеньких людей. Он так и назвал этого человека: Толстеньким.

— Я и не задерживаюсь, — ответил гном. — Даже устал. Я же для вас старался!

— Врешь! — произнес четкий женский голос. Ему бы в самый раз командовать ротой на параде. — Ты даже не подозревал о нашем существовании.

— Как это не подозревал! — обиделся гном Юхан. — А кто в клетке сидел, последний во всем городе?! Я тогда понял — если есть люди, которые могут за две минуты город уничтожить, значит, мне с ними по пути. Люблю сильных. Я и сам сильный, несмотря на мои скромные размеры.

— Продолжай, — велел голос Толстенького.

— На поверхности земли чары подземного Голоса лопнули как воздушный шарик, и я снова стал нормального размера. А раз так, то я попрощался и ушел. Вреда я карлику не причинил, хотя он этого и стоит.

«Ничего себе — не причинил! — чуть было не закричал Сева. — А кто от комариных укусов чуть концы не отдал?!»

— Похоже на правду, — сказала женщина с боевым голосом. — Врет в деталях, чтобы выставить себя в лучшем свете, но в основном говорит правду. Каин, уведи его!

— Куда? — спросил Каин. — Утопить?

— Не спеши, я еще с ним поговорю!

Из-под стола Сева увидел, как к дверям направился мальчик злого вида, которого и называли Каином, а перед ним, озираясь и оглядываясь, послушно семенил гном Юхан. Вот кому бы сейчас Сева намылил шею! Только размерами они не совпадают. Каким бы трусливым ни был гном, с Севой он сейчас справится играючи...

— Я буду вам верно служить! — закричал гном. — Я могу проникнуть к вашим врагам. Я могу воду отравить или чего подсыпать, выведать, пронюхать, разузнать. У меня такие связи — вы не представляете!

— Отдохни пока, — сказал женский голос. — Тебя никто не собирается трогать. Только помолчи.

— Вот именно! — крикнул от двери гном. — Уже молчу.

Дверь закрылась.

— А в самом деле, что будем с ним делать? — спросил Толстенький.

— Он опаснее живой, — ответила женщина. —

Он видел, как действует мертвая вода, он знает, что это мы погубили город.

— Но это ведь неправда! — возмутился Толстенький, — это же ошибка, недоразумение, да и погибли какие-то уроды, а не люди...

— Всё это вы будете доказывать в суде, — отрезала женщина. — А пока нам надо сделать так, чтобы свидетелей не оставалось. Вы же понимаете!

— Это негуманно, — ответил Толстенький. — Я ведь в принципе добрый человек. Я всех люблю.

— Вы неисправимый лицемер. Еще немного, и вы забудете, что сами еще недавно предлагали мертвую воду в Амур спускать...

— Уйди! Я не хочу тебя видеть!

— Спокойно, Георгий, — перестала смеяться женщина. — Не так быстро! Ты у меня в руках! И на твоё счастье — это ласковые, любящие молодые руки красавицы и умницы. Мои руки! Ты понял, недомерок?

— Элина! — взвизгнул Полотенец. — Замолчи! Я тебя уволю.

— Никогда ты меня не уволишь, пупсик, — сказала Элина Виленовна. — Потому что без меня ты ничто, — так, нуль без палочки!

— Молчи, молчи, молчи! А то я и тебя убью!

— Вот теперь ты заговорил на своем родном языке. Уничтожу, ликвидирую, схвачу, затопчу...

Элина Виленовна стояла в дверях и смотрела на Георгия Георгиевича.

Серьезно, не улыбаясь. Как смотрит кошка на рыбку, которая плавает в аквариуме, и думает: сожрать или я сегодня уже сыта?

А президент Международного Унитарного Фонда Развития (МУФР) Георгий Георгиевич Полотенец в ярости метался по кабинету.

Метался как тигр, попавший в клетку...

Как свободолюбивый народ в колониальной зависимости...

— Это жестоко и бездушно, — перестав, наконец, метаться, проговорил Георгий Георгиевич. — Ты не имеешь никакого права меня оскорблять...

— Имею, еще как имею! И запомни, твои секреты — это и мои секреты. И чем мы будем ближе, тем лучше — для общего дела.

— Я боюсь, — вдруг прошептал Полотенец.

— Чего ты боишься, котик?

— Я боюсь тебя.

— А вот это лишнее. Я безвредна как пингвин.

— Пингвин?

— Да, мой милый, я толстый неуклюжий чистенький пингвин. Но на всякий случай не забывай, что я о тебе знаю столько, что от тюрьмы тебе не отвертеться. Так что давай-ка лучше думать о нашем счастливом будущем. Сколько осталось до омоложения Академика?

— Час двадцать, — пробормотал растерявшийся (ну сами подумайте, при чём тут пингвин?!) Полотенец.

— Мертвой воды много накопилось?

— Резервуар почти полон, считай — кубический километр.

— Ого! Этого достаточно, чтобы всю Австралию без кенгурят оставить.

И Элина Виленовна засмеялась серебряным смехом.

Очень красивая женщина. И смех красивый. Но такой, что Сева сжался в комочек у ножки стола.

И тут дверь в комнату широко распахнулась, и в дверях появилась очень толстая, грязная и растрепанная старуха. Будь она не такой толстой, могла бы сойти за Бабку-Ёжку, но таких толстых Бабок-Ёжек не бывает.

— Я сделала открытие! — закричала бабка визгливым голосом. — Бывают дюймовочки, а я видела настоящего мальчика-с-пальчик. Он вот такой малюсенький! И в этот момент мое сердце сжало странное предчувствие. Это хорошо не кончится! Он несет нам гибель!

— Кассандра, ты мне надоела, — сказала Элина Виленовна. — Еще одно идиотское предсказание — и ты вылетишь отсюда в трубу в виде пепла.

— Ах, как страшно ты говоришь, Элина! — ответила Кассандра. — У тебя нет сердца!

— Зачем мне сердце? — засмеялась Элина Виленовна. — Вместо него у меня пламенный мотор.

— Это шутка, да? — испугалась Кассандра. — Ты пошутила?

— Вали отсюда, — приказала Элина Виленовна. — Сказала же, надоела!

Но Кассандру, которая уже начала пятиться в коридор, остановил Георгий Георгиевич.

— Тетушка, — сказал он. — Повтори, будь любезна, свой рассказ. Где ты была, когда тебе помешался маленький мальчик?

— Я шла через вестибюль, и он бежал по своим делишкам. Ты же знаешь, какие они смешные, эти мальчишки-с-пальчики!

— Очень смешные, — согласился Полотенец. — И что было дальше?

— А дальше он убежал.

— Куда?

— Сюда.

— Замечательно. Опиши его подробнее.

— Мальчик как мальчик, размером с мой указательный пальчик, синие штанишки и серая рубашечка, волосики светлые, а глазки такие маленькие, что цвет и не разберешь...

С тонким воплем толстяк соскочил со стула и кинулся к двери.

Тут Сева его и разглядел.

Он был удивительно похож на Гошу Полотенца из летнего лагеря. Только полысел, обрюзг, и выражение лица было злобным — правда, может, потому что именно в этот момент он очень злился.

Господин Полотенец подскочил к двери и завопил:

— Срочно гнома ко мне! Гнома-а-а-а ко мне-е-е-е!

— Что случилось, Георгий Георгиевич? — встревожилась красивая Элина Виленовна.

— Ты что, не поняла, не поняла, что ли?

— Нет.

— Боюсь, что на этот раз Кассандре не почудилось. Она в самом деле увидела этого мерзавца, этого шпиона, этого агента Снежной Королевы!

В коридоре слышались шаги.

Злой мальчишка Ванька Каин втолкнул в комнату гнома Юхана. От толчка в спину тот упал на колени.

— За что? — возопил он.

— Описывай! — приказал ему Георгий Георгиевич. — Описывай, если хочешь остаться живым.

— Кого?

— Мальчишку, который с тобой лазил в Подземелье!

— Мальчишку? Всеволода?

— Неважно, как его зовут.

— Севой зовут.

— Как он был одет?

— Одет?

И в этот несчастный момент стоявший на коленях гном посмотрел прямо перед собой и увидел прижавшегося спиной к ножке стула своего заклятого врага Севу Савина.

Сева Савин понял, что его обнаружили, и ему не оставалось ничего иного, как прижать палец к

губам, умоляя гнома держать язык за зубами.

А физиономия гнома изменилась.

Рот расплылся до ушей.

— И кого же вы потеряли? — спросил он.

Ах, как у него заблестели подлые масляные глазки!

— Как. Он. Был. Одет? — повторил Георгий Георгиевич.

— Сначала выдайте мне приличную одежду, — сказал гном.

— Что?!

— Потом я попрошу двадцать тысяч долларов на мелкие расходы и транспорт до моего родного поселка.

— Он что-то знает, — медленно произнесла Элина Виленовна.

— И что случится, когда мы всё это тебе дадим? — спросил Полотенец.

— Тогда я вам скажу, где искать Севу Савина.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил Полотенец у Элины Виленовны.

— Я думаю, что он догадывается, где искать врага.

— А зачем догадываться, — воскликнула Кассандра. — Когда я всё вижу, всё чувствую и всё знаю. Этот самый мальчик, которого вы ищете, такой милый и добрый мальчик, сидит под столом — вон там!

— Вот в чём дело! — воскликнул Полотенец и кинулся под стол.

— Так вот он где! — закричала Элина Виленовна и кинулась под стол.

— Где мои деньги? — закричал гном и кинулся под стол.

К счастью для Севы, они столкнулись лбами и не смогли его схватить.

Сева кинулся прочь.

Но в дверях его поймал гражданин-мальчик Каин, у которого был большой опыт ловить беглецов. Вот он и поймал Севу, поднял его за шиворот в воздух, а потом громко спросил:

— Куда класть?

Георгий Георгиевич, Элина Виленовна и гном Юхан вылезли из-под стола.

— В ту же камеру! — громко сказала Элина Виленовна.

— Понятно, — сказал Каин.

— Это я его поймал! — закричал гном. — Я первый его обнаружил.

— А что с этим героем делать? — спросил Каин.

— Его туда же, — сказала Элина Виленовна, — предателя паршивого! Не выношу предателей!

Каин передал визжащего гнома роботу, а Севу понес сам.

Глава двадцать первая В заточении

Каин держал Севу за пятку. Сева болтался головой вниз и думал, что умрет от прилива крови к голове. При этом Каин посмеивался и непрестанно рассуждал:

— Вот тебе кажется, что ты человек. А я тебя, человека, за пятку держу — отпущу, уроню, и головешка твоя как перепелиное яичко расколется. Да еще и наступить на тебя можно. А кто тебя пожалеет? Никто не пожалеет, потому что и могилки у тебя не будет. И нужно было тебе влезать в наши дела? Мы ведь не только такую мелюзгу как тебя, мы целые государства на тот свет пустим. Потому что Георгий Георгиевич заботится о людях, которые ему верные. Вот я ему верный, он обо мне заботится. Кто я раньше был — престарелый разбойник, а мне хозяин говорит — хо-

чешь молодым снова стать? У нас для этого Академик Сидоров нашелся, теорию разыскал, формулу написал, а сам немощный как бревно. Только надо было такого смельчака найти, на котором эту формулу испытать можно, и которого из старичья в молодые люди произвести возможно, желательно, на добровольных началах. Я и пошел на это.

Сева слышал его как будто из-под воды, так шумело в ушах, и не всё понимал. Он даже крикнуть не мог — голос не слушался...

— И сделали из меня человека что надо. Подрасту, женюсь, за меня любая пойдет, такого я величия, силы и богатства человек. Чтобы меня заново оживить, мертвой воды понадобилось — целое озеро. А сейчас и самого Академика молодить начали. Уже призервуар наполнили — через два часа спускать его по трубе будем, зальем дырку в Земле, никто и не догадается — было озеро, и нет озера. Куда подевалось? А это мы воду убили. Люблю убивать. Вообще убивать люблю, в этом есть радость для человека моего великого размера!

Гном пару раз пытался увильнуть, сбежать, начал жаловаться или хвастаться, но робот спокойно хватал его, и они шли дальше. Минут через пять узкий сырой коридор, кое-как освещенный лампочками в проволочных сетках, вывел их к округлому дну гигантского резервуара. Гном споткнулся, ухватился было о влажное днище, но Каин завопил:

— Ты что, дурак, что ли? Разве не знаешь, что в

призервуаре мертвая вода?! Сам погибнешь, нас заразишь. Вот скоро будем ее спускать вниз, тогда купайся, сколько хочешь, а без приказа — ни-ни.

Гном почувствовал опасность, отдернул руку, потерял равновесие и покатился вниз по бетонной лестнице.

— Ну, куда ты?! — крикнул ему вслед Каин.

Робот загремел подошвами, помчался за гномом.

— Чудаки! — смеялся злой мальчик Каин. — Жить осталось — всего ничего, а они суетятся, беспокоятся, словно у них век впереди.

Робот остановился перед железной дверью.

— Действуй! — приказал Каин.

Робот отодвинул тяжелый засов.

Каин исхитрился и пнул гнома ногой под зад. Гном завопил и улетел в темноту.

Затем Каин сам подошел к двери, и, разжав пальцы, выпустил Севу.

Сева упал на пол с такой высоты, что чуть дух не вышибло.

Каин хихикнул и сказал:

— Славная у вас компания. Вместе гуляли, вместе и помирать будете.

Дверь захлопнулась.

Послышался металлический скрежет — задвинули засов.

Оказалось, что это небольшая камера, освещенная слабой лампочкой под потолком.

Ничего в ней не было — лишь голый цементный пол и голые оцарапанные стены.

Юхан поднялся на ноги и заявил:

— Будешь свидетелем. Ты видел, как жестоко они со мной обращались? Так вот — я намерен жаловаться, а ты будешь свидетелем, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Сева.

— Вот и отлично. Я великий путешественник Юхан. Со мной нельзя так обращаться!

Севе сел. Он ушибся бедром о пол — будто с третьего этажа скинули, — и было ужасно больно. Попытался встать, но не удалось — Сева охнул, и ноги у него подкосились.

Глава двадцать вторая

Мертвая вода всех убьет!

Когда дело подходит к концу, действие начинает двигаться быстрее.

А в нашем романе события происходят в разных местах, но постепенно стягиваются к центру.

Гусь Мартин, который давно уже беспокоился, куда подевался Сева Савин, полетел за помощью к пилоту Гарри Коллинзу, который посадил свой биплан за холмом у фабрики детской игрушки «Малютка-супер» и тоже волновался.

Гусь Мартин пролетел над высокой проволочной изгородью фабрики, но тут роботы-охранники подняли стрельбу, и гуся ранили. Обливаясь кровью, гусь упал на моховую полянку, и пилот, услышав стрельбу, прибежал туда. Гусь Мартин

попросил его помочь Севе. Пилот обещал гусю вернуться, а сам поднял в воздух самолет и направил его на фабрику. Когда он перелетал ограду, роботы принялись стрелять и сбили самолет.

Коллинз выбрался из-под горящих обломков и с грустью попрощался со своей любимой машиной. Затем он включил локатор, на котором горела звездочка. И чем ближе подходил он к Севе, тем ярче эта звездочка горела.

К нему бежали охранники, но пули, которые попадали в пилота, не причиняли ему вреда, потому что Коллинз уже давно умер.

Гусь Мартин и пилот Коллинз не даром почуяли неладное — Георгий Георгиевич Полотенец получил сигнал, что опыт по омоложению Академика Сидорова заканчивается и можно спускать в Подземный мир мертвую воду. Озеро Ловозеро, уже прокачанное через машины фабрики детской игрушки и промывшее устаревшие клетки немогущего Академика Сидорова, было перелито в колоссальный резервуар, и теперь оставалось немного — открыть запирающие трубу клапаны, и мертвая вода ринется в Подземный мир. Часть Подземного мира тут же превратится в пустыню. Но никто никогда не узнает, что случилось, лишь рыбаки на Ловозере, удивленные тем, куда делась почти вся вода, будут собирать из ям на дне опечаленную рыбу.

Первой по коридору шла решительная Элина Виленовна.

За ней деловито семенил господин Полотенец.

Рядом с ним, отставая на полшага, вприпрыжку бежал мальчонка Каин.

Замыкала шествие неутомонная Кассандра.

Первым делом они заглянули в омолодительный зал.

Посреди зала, подвешенный к потолку, покачивался хрустальный гроб, в котором плавало нечто бесформенное — Академик Сидоров находился в процессе омолаживания.

— Подумать только, и я таким недавно был, — сказал гражданин Каин.

Супруга Академика Сидорова сидела возле гроба и следила, чтобы никто Академику не навредил.

— Всё в порядке? — спросил Георгий Георгиевич у робота-ассистента, который перекачивал воду и химикалии откуда надо куда следует.

— Всё идет по плану, — ответил ассистент.

Тогда Элина Виленовна прибавила шагу.

Остальные спешили за ней, как спутники Петра Великого с картины Лансере.

Они ворвались в центральный пульт управления, — мрачное низкое помещение, посреди которого среди множества кнопок и огоньков торчал поднятый рычаг.

Повернуть его кверху — он открывает шлюзы для чистой воды из Ловозера, если же нажать его

вниз, то мертвая вода хлынет в подземелье.

Георгий Георгиевич не спешил.

Почему-то его вдруг охватили мрачные предчувствия. Георгию Георгиевичу было горько и страшно. Он обернулся к прекрасной Элине Виленовне и спросил вполголоса:

— Ты уверена, что всё нормально?

— В полном порядке, шеф! — откликнулась Элина Виленовна, подошла, встала рядом с шефом, положила свою горячую нервную ладонь на его руку и нажала на рычаг рукой Полотенца.

Раздалось шипение.

Миллионы галлонов воды рухнули вниз в трубу.

— Ура! — тихо произнесла Элина Виленовна. — Дело сделано. Процесс пошел!

— Поздравляю вас, друзья, — сказал Георгий Георгиевич. — Элина Виленовна, будьте любезны, пригласите всех за стол в кабинет директора на небольшой фуршет в честь этого события. Я буду там ждать.

И Полотенец пошел к себе в кабинет.

Почему-то он был печален. Его мучили предчувствия...

Пилот Коллинз вбежал в подземелья фабрики. Время от времени он поглядывал на локатор. Огонек горел всё ярче. Дорогу ему преградил робот, но Коллинз смел его с пути ударом кулака.

Когда Георгий Георгиевич Полотенец вошел к себе в кабинет, телефон на его столе верещал как оглашенный.

Георгий Георгиевич поднял трубку. Оттуда прокричали:

Говорит центральный пульт управления. Согласно показаниям приборов, в трубе произошел засор.

— Как так засор?! — удивился Георгий Георгиевич. — У трубы диаметр пять метров! Не порите чушь!

— Вода в трубе поднимается, — настаивал голос робота. — Закройте клапаны, она может прорваться в помещения фабрики.

— Вы с ума сошли! — крикнул Георгий Георгиевич, бросил трубку, но потом одумался и велел Каину:

— Проверь у трубы, что там творится.

— Почему я? Я еще мальчик, — захныкал Каин, которому страсть как не хотелось пропускать фуршет.

— Тебе двести лет!

— Я не соответствую своему возрасту!

— И, тем не менее, ты начальник моей охраны и обязан выполнять свой долг! А ну, одна нога здесь, другая там!

Каин побежал к трубе.

Георгий Георгиевич пригласил остальных к столу, где стояли бокалы с шампанским, водка в рюмках и много контрабандной черной икры и лососины.

— Кушайте, — сказал он, — всё бесплатно досталось! А в Москве безумных денег стоит...

Гражданин-мальчик Каин шел по коридору к центральному пульту управления, но потом не удержался и быстренько сбежал по узкой лестнице вниз, к камере, где были заперты пленники.

Мог бы и не заходить, тем более, что ему было велено заняться совсем другим делом.

Но заточенные в камере были его собственными жертвами, и ему важно было сказать им самые последние слова, чтобы перед смертью у них мурашки побежали по коже.

Сначала Каин заглянул в глазок.

Возле двери никого — значит, нечего опасаться засады.

Он приоткрыл дверь.

Испуганно обернулся прикорнувший в уголке Сева, шпиончик — ну ровно мышонок! А в сторонке сидел голый гном, который при виде Каина тут же принялся вопить:

— Это недоразумение! Выпустите меня! Я буду вам верно служить!

При этом он всё пытался поцеловать Каинский сапог.

— Я вам доложу, о чем он без вас говорил!

Каин засмеялся. Когда он смеялся, его лицо оставалось неподвижным, будто бумажная маска.

— Не нужны мне твои услуги, — сказал он. —

Ничего мне не нужно. Вон смотрите на ту решетку, под потолком. Как польется оттуда водичка, считайте, что вам осталось жить две минуты. Это отводка от большой трубы. Поняли?

И ему стало так смешно, что он изо всех сил ударил ногой в живот гнома Юхана. Гном взвизгнул и откатился в угол.

— Прощайте, дурачье! — сказал Каин и захлопнул дверь.

Лязгнул засов.

Каин, не оборачиваясь, пошел по коридору на центральный пульт управление, чтобы поглядеть, что там произошло с мертвой водой, и откуда взялся засор.

А в камеру, как бы в ответ на слова Каина, сквозь решетку в стене полилась вода. Маленьким тоненьким ручейком, еле-еле, вернее сначала еле-еле, по каплям, а потом с каждой секундой этот ручеек стал увеличиваться, и вот он уже достиг пола.

— Это мертвая вода! — завопил гном. — Я знаю! Я нюхал, когда у троллей в клетке сидел. Спасите!

Сева стал отступать от лужицы, которая разливалась у стены.

— Разве ты не видишь! — кричал на него гном Юхан. — Я же босой! Ты в ботинках, тебе хоть бы что, а я босой, я раньше тебя помру! Отдай мне свои ботинки, слышишь, а то я отниму! Ты не смеешь дать мне погибнуть! Я же маленький! Я жить хочу!

Сева ненавидел его и думал — если когда-нибудь мы встретимся, и будем хотя бы одного роста, я тебя так избью, что ты до конца жизни запомнишь.

Гном подбежал к двери, и принялся молотить в нее мягкими слабыми кулачками.

— Открывайте! — вопил он. — Спасите, помогите, караул!

Вода в камере прибывала.

И вот в тот самый момент, когда Сева решил, что его первое и, к сожалению, последнее настоящее приключение подошло к концу, и через несколько секунд он вспомнит, куда задевал дедов компас, раздался скрежет отодвигаемого засова.

Дверь распахнулась!

Не переставая верещать «Спасайте нас! Тащите из камеры! Да скорей же!», гном Юхан выскочил в коридор.

Сева тоже выбрался на волю.

Он бессильно привалился к стене и смотрел, как из камеры льется черная вода, словно по полу, изгибая щупальца, ползет мерзкий плоский паук.

Летчик Гарри Коллинз (а это он открыл дверь) осторожно подхватил Севу двумя пальцами и отнес подальше от расползающейся лужи.

— Как вы нас нашли? — спросил Сева.

— Ты забыл о локаторе?

— Ой, совсем забыл. Это мертвая вода. Она всех погубит!

— Я знаю, — сказал пилот.

— Я побежал, — быстро сказал гном Юхан. —
Вы бегите за мной. А то все погибнем.

И он понесся прочь по коридору.

— Урод какой-то, — сказал пилот.

— Я жалею, что встретил его, — сказал Сева.

— Марш ко мне в карман! — приказал Гарри. —
Пора сматываться. Мне стало известно, что кто-то
там, внизу, заткнул трубу, и вот-вот вся мертвая вода
пойдет обратно, наверх. И лучше нам ей на пути не
попадаться.

Он подхватил Севу, спрятал в верхний карман
кожаной куртки и быстро пошел к лестнице, за-
тем наверх, по коридору.

Там его и увидел Каин, который бежал из цен-
трального пульта управления в кабинет Полотенца.

— Ты кто? — крикнул он, вытаскивая пистолет.

— Не приставай, — откликнулся пилот и по-
бежал прочь.

Каин остановился и стал палить в спину пилота
Коллинза. А пилот поворачивался к нему боком,
чтобы пули случайно не задела Севу.

— Привидение! Смерть! — кричал Каин.

Патроны кончились, и он отбросил пистолет.

Из двери кабинета выскочила Элина Виленовна.

— Что случилось? Что?!

— Привидение!

— Я не о привидениях — что с водой?

— Они говорят, что она рвется сюда, наверх.
Скажи шефу!

— Сам скажи, он ждет, — сказала Элина Виле-
новна, а когда Каин зашел в кабинет, побежала
прочь следом за Коллинзом.

Из квадратного, размером с футбольное поле,
поросшего сухими кустами главного здания фаб-
рики детской игрушки «Малютка-супер» выбе-
жал пилот Гарри Коллинз.

И тут же из открытой двери здания вырвался
поток черной мертвой воды.

Вода выливалась на улицу, превращая траву и
мох в темную грязь.

Больше из фабрики никто не вышел, ни один
человек...

Пилот Коллинз быстрыми шагами прошел к
кочкам за оградой и там нашел раненого гуся
Мартина. Он взял его под мышку и понес к хол-
мам, за которыми их ждала Снежная Королева.
Шел он молча, иногда поглядывал на небо, не ле-
тят ли враги. Но враги так и не прилетели.

Когда он уже взобрался на откос, перевалил че-
рез холм, и впереди показались строения забро-
шенной шахты, Коллинз сказал:

— Куртку жалко. Всю издырявили. Я ее сто лет
носил, как новенькая была.

— Хорошо еще, что живой остался, — отозвал-
ся из кармана Сева.

— Наоборот! — засмеялся пилот. — Мое сча-
стье, что я давно уже умер.

По тундре, перескакивая с кочки на кочку, нав-

стречу им бежала Кристина.

— Где мой Севочка? — закричала она издали. — Снежный человек принес мультимпликатор! Вечером во дворце будут танцы!

Она была легкомысленная, как и положено сказочному созданию. Ее не интересовали битвы минувших дней, если вечером будут танцы.

Королева с мужьями и дочками тоже вышла им навстречу.

Сева спросил ее:

— А почему мертвая вода обратно пошла? Кто-то трубу заткнул?

— По имеющимся у нас сведениям, — ответил Дед Мороз Нильс, — под Землей случилось сжатие породы, и конец трубы сплющило. Вот вода и пошла обратно.

Сева оперся руками о край кармана пилота Коллинза и прыгнул прямо в подставленные ладони Снежной Королевы. Еще неделю назад он ни за что не осмелился бы совершить такой прыжок. Иногда люди меняются очень быстро. Буквально на глазах. Если в них есть чему меняться.

— А кто такой Голос? — спросил он. — Правда, римский легионер?

Все стали смотреть на Королеву. И Королева ответила:

— Говорят, он наш родственник и повелитель земных недр.

— Сжатие породы, как сказал Нильс, в его силах?

Кончиком указательного пальца Королева дотронулась до Севиного носа.

— Не задавай глупых вопросов, — сказала она, — не будешь получать глупых ответов. А когда в следующий раз посетишь Подземный мир, спроси у Голоса сам.

КОНЕЦ

КОНЕЦ?

"ДОМ КНИГИ" 160.00

0 156110 270021

Булычев
К. Убеж
ище

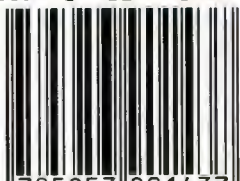
Кир Булычев написал удивительно молодую книжку — мальчишескую именно, вихрастую и глазастую, с непременным желанием в каждую интересную дырку залезть и там себе что-нибудь придумать. Как этому пожилому человеку удавалось писать безо всякого высокомерия «накопленного опыта» и «высоты прожитых лет» — непонятно. Талантище.

Та простота и свойская незатейливость, с которой Булычев обращается с волшебным миром, те интимные секреты, которые он с легкостью выдает, то бесконфликтное соединение в книжке (а прежде того — в своей голове) полузабытых волшебных древностей с острой современностью меня в этой уверенности только укрепили...

Александр Гаврилов
Главный редактор газеты
«Книжное обозрение»

ISBN 5-9539-0143-7

9 785953 901437